

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

e-ISSN 1816-8590

DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 6(138)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург); председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** Старые вызовы новых форм обучения: уроки первой половины 2020 года

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 21 АМУРОВ М. А.**
Политическая элита как ключевой ресурс военной безопасности в современном обществе
- 30 БАХТУРИДЗЕ З. З., РАЧКОВА Д. С.**
Немецкая пресса о внешнеполитической деятельности России: кризис на Украине (2013–2014 гг.) и его последствия
- 41 КОРОСТЕЛЁВ С. В.**
Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху
- 50 ТЮРИН Е. А., САВИНОВА Е. Н., АГАБАБОВ А. Р.**
Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутриполитических процессах современной Шотландии
- 64 ШУМИЛОВ М. М., ШМИДТ О. И.**
Южнотирольский вопрос как фактор межгосударственных отношений Италии и Австрии

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 82 ЦЫГАЛОВ Ю. М., БАХАРЕВА М. А.**
Влияние цифровой трансформации на процессы слияний и поглощений
- 97 НЕЧИТАЙЛО И. А.**
Пять направляющих шагов теории ограничений систем: проблемы применения в стратегическом анализе
- 110 КУКЛИНА Е. А., МИЦЕЛОВСКАЯ О. С.**
Методологический подход к оценке уровня инновационного развития предприятия (на примере сферы жилищно-коммунального хозяйства)

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 123 АМИРОВ Р. А.**
О необходимости принятия в стране документа стратегического планирования «Стратегия развития системы высшего образования в Российской Федерации на период до 2030 года»
- 136 БАЙЕР Ю. П.**
Социальное доверие как нематериальное условие качества жизни: обнуление после пандемии

- 141 ГРИГОРЬЕВ В. Ю., БЕДАРЕВА Л. Ю., ПОЛУШКИНА Е. А.**
Подходы к оценке спроса на профессиональное образование

A LINEA

- 152 АЛЕКБЕРОВ Р. И.**
Проблема общественного самоуправления в монархическом государстве в соответствии с политической концепцией Л. А. Тихомирова
- 158 КУЦЕНКО Д. О.**
Диджитализация муниципального управления в крупном городе: инструменты, барьеры и стратегии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 172 КАРНАУХ В. К.**
Видеоигры: темпоральный анализ. Рецензия на книгу Christopher Hanson «Game Time: Understanding Temporality in Video Games»
- 176 МЕЖЕВИЧ Н. М., СЕНИК Н. М.**
Рецензия на сборник статей «Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски»

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- 179 Мирзиёева С. Ш.** Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана : монография

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** Old Challenges of New Forms of Learning: Lessons from the First Half of 2020

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Sovereignty vs Development. Belarusian Economy in the Context of Current Trends in World Development

POLICY AND LAWFUL STATE

- 21** **MARK A. AMUROV**
Political Elite as Key Resource of Military Security in Contemporary Society
- 30** **ZEINAB Z. BAHTURIDZE, DARIA S. RACHKOVA**
The German Press about Russian Foreign Policy Activities: The Crisis in Ukraine (2013–2014) and its Consequences
- 41** **STANISLAV V. KOROSTELEV**
The Problem of Shaping the Capacity of Sovereign Powers of a State in the Digital Age
- 50** **EVGENY A. TURIN, ELENA N. SAVINOVA, ALEXANDER R. AGABABOV**
The Identity of Scottish Muslims as a Socio-cultural Manifestation of Globalization in the Domestic Political Processes of Modern Scotland
- 64** **MIKHAIL M. SHUMILOV, OLGA I. SHMIDT**
South Tyrol Issue as a Factor of Interstate Relations between Italy and Austria

POWER AND ECONOMY

- 82** **YURI M. TSYGALOV, MARIA A. BAKHAREVA**
Influence of Digital Transformation on Mergers and Acquisitions Processes
- 97** **IGOR A. NECHITAYLO**
The Five Focusing Steps of the Theory of Constraints: Problems of Application in Strategic Analysis
- 110** **EVGENIA A. KUKLINA, OLGA S. MITSELOVSKAYA**
Methodological Approach in Assessing the Level of Innovative Development of an Enterprise (On the Example of Housing and Communal Services Sphere)

SOCIETY AND REFORMS

- 123** **RASUL A. AMIROV**
On the Need to Adopt a Strategic Planning Document «Strategy for the Development of the Higher Education System in the Russian Federation for the Period up to 2030»
- 136** **JULIA P. BAYER**
Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms

- 141 VALERY Yu. GRIGOREV, LARISA Yu. BEDAREVA, ELENA A. POLUSHKINA**
Approaches to Assessing the Demand for Vocational Education

A LINEA

- 152 ROMAN I. ALEKBEROV**
The Problem of Public Self-Government in a Monarchical State According to the Political Concept of L. A. Tikhomirov
- 158 DARIYA O. KUTSENKO**
Digitalization of Local Government in a Big City: Tools, Barriers and Strategies

SCIENTIFIC LIFE

- 172 VLADIMIR K. KARNAUH**
Video Games: Temporal Analysis. Review of the Book of Christopher Hanson «Game Time: Understanding Temporality in Video Games»
- 176 NIKOLAI M. MEZHEVICH, NIKITA M. SENIK**
Review of the Collection of Articles “Migration management and migration policy models: opportunities and risks”

BOOK NOVELTIES

- 179 Mirziyoyeva S. Sh.** Methodological Foundations of Strategy Social and Economic Development of Uzbekistan : monograph

Старые вызовы новых форм обучения: уроки первой половины 2020 года

Old Challenges of New Forms of Learning: Lessons from the First Half of 2020

«Институт социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС провел опрос преподавателей и студентов об их отношении к дистанционной форме обучения во всех филиалах академии. В студенческом исследовании в мае принял участие 12 201 студент из 53 филиалов РАНХиГС (почти треть всех студентов академии). Студентам было предложено оценить качество онлайн-обучения, ответить на четыре вопроса: появилось ли у них больше свободного времени, насколько удобна эта форма обучения, насколько удобна она, по их мнению, для преподавателей, а также предпочитают ли респонденты очное обучение дистанционному. Ответы студентов сопоставлялись с ответами 4000 преподавателей академии, которые были опрошены в апреле.

Большинство и тех и других считают, что качество дистанционного образования хуже, чем традиционного очного. Студенты оказались к онлайн-обучению гораздо лояльнее преподавателей. В частности, 55,4% студентов и 87,4% преподавателей

сочли, что у них стало меньше свободного времени из-за перехода на удаленную форму обучения. Неудобной эту форму признают 47,7% студентов и 53,8% преподавателей. Только 35,8% студентов думают, что онлайн удобен для преподавателей. Доля педагогов, ответивших, что в онлайн им преподавать некомфортно, гораздо выше — 62,1%.

В аудиториях учиться лучше, — считают и те и другие. 69,6% студентов и 85,5% преподавателей предпочитают очную форму дистанционной»¹.

Итоги первой половины 2020 г. в сфере высшего образования заставляют задуматься не только о событиях января — июня, но и о тех практиках, которые существовали и формировались в предшествующие десятилетия. Прежде всего

¹ Померанцева Н. Почему студенты и преподаватели невзлюбили дистанционное обучение. Что показали опросы, проведенные РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/05/28/831354-distsionnoe-obuchenie>

отметим то, что дистанционные формы обучения существуют примерно 20 лет. В тех странах и вузах, которые выступали пионерами в этой сфере, уже накоплен гигантский опыт.

Опыт оказался очень противоречивым.

1. Дискуссия о дистанционных формах должна отталкиваться от первой и принципиально важной посылки. Можно говорить о дистанционных формах как способе реагирования на долгую, но чрезвычайную ситуацию. Это предполагает один набор мер и их оценку. Если же говорить о классических формах дистанционного обучения, то это иной «набор» и оценка его идет по другой шкале.
2. Достоинства дистанционного обучения наиболее очевидны для заочного обучения. Эффективность и целесообразность дистанционного обучения принципиально отличаются при очном и заочном обучении. В целом ряде вузов заочные и вечерние образовательные программы являются традиционными. Пример РАНХиГС очевиден, но не исключителен. Давайте подумаем, как осуществлять переподготовку государственных служащих, работающих с 9.00 до 18.00? Однако пример подготовки и переподготовки государственных служащих не должен нас вводить в заблуждение. Подобный способ переподготовки врачей не может быть успешным.
3. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что разговоры о «дешевизне» дистанционного обучения не подтверждаются. Структура расходов иная, но они есть. Называть дистанционное образование образованием для бедных — грубая ошибка.
4. Следует оценить вопрос о самообразовании в контексте той чрезвычайной ситуации, которая сложилась в первой половине 2020 г. Люди, способные к самообразованию, не только не пострадали, но, возможно, существенно нарастили знания и умения. Дистанционная форма обучения позволила уменьшить зависимость человека, желающего и умеющего получать знания самостоятельно, от жесткой схемы стандартов образовательных учреждений.
5. Тезис о том, что студенты 2020 г. иные, чем студенты 1985-го, очевиден лишь внешне. Процент тех, кто играл в «морской бой» на листочке в клетку, примерно равен проценту их детей, играющих в знаменитую игру на iPad. Иными словами, желающий учиться — будет это делать и в аудитории, и дистанционно.
6. Опыт показывает, что первокурсники бакалавриата практически не готовы к самостоятельной работе, но как сильно меняется ситуация к первому курсу магистратуры!
7. Современные формы дистанционной работы позволяют сочетать групповую и индивидуальную работу. Скайп и Зум дают возможность практически «вживую» строить отношения по линии «студенты — преподаватель», однако говорить о формировании студенческого сообщества, особой дружбы, которую многие из нас пронесли через десятилетия, говорить не приходится... Увы...

На данном этапе развитие дистанционных технологий не вопрос прогресса и не объект чьих-то политических интересов. Эпидемиологическая ситуация не исключает обращения к дистанционным формам в следующем году. Нам следует не только быть готовыми к возможному вызову, но и использовать вынужденно обретенный опыт для получения нового качества и дополнительных возможностей в сфере образования.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², *

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Концепция суверенитета в настоящее время является сквозной и общенаучной проблемой. Применительно к российско-белорусским отношениям она, прежде всего, связана с вопросами экономического суверенитета. В идеальном варианте решение теоретических вопросов и практические действия в сфере интеграции должны быть разнесены по времени. Однако на практике это получается не всегда.

Страновые экономические модели — не новый предмет исследования. Тем не менее, применительно к Беларуси таких работ не так много. В статье авторы попытались не только показать существенные моменты белорусской экономической модели. Необходимость развития интеграции в рамках союзного государства России и Беларуси практически никем не оспаривается. Однако на практике эта интеграция идет достаточно медленно. С нашей точки зрения, одной из причин данного положения является невнимание к тому обстоятельству, что за 30 лет постсоветского развития в Белоруссии, как и на всем постсоветском пространстве, сложились разные экономические модели. Понимание экономического суверенитета в эпоху глобализации 2.0. — сложная задача для теоретиков и практиков. Как совместить традиции суверенитета и необходимость углубления интеграции? Этим вопросам посвящена данная статья.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Беларусь, межгосударственные объединения, суверенитет, глобализация, транснационализация, Европейский союз, экономическая модель, Беларусь, государства Прибалтики, государственный сектор, страновые особенности, социальная политика

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 10–20.

Sovereignty vs Development. Belarusian Economy in the Context of Current Trends in World Development

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², *

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation

² Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The concept of sovereignty is now a cross-cutting and general scientific problem. In relation to Russian-Belarusian relations, it is primarily related to issues of economic sovereignty. Ideally, the solution of theoretical questions and practical actions in the field of integration should be spaced over time. However, in practice this is not always possible.

Country economic models are not a new subject of study. However, there are not many such works in Belarus. In the article, the authors tried not only to indicate significant points of the Belarusian economic model. The need to develop integration within the framework of the union state of Russia and Belarus is practically not disputed by anyone. In practice, however, this integration has been slow. From our point of view, one of the reasons for this situation is the inattention to the

fact that over 30 years of post-Soviet development in Belarus, as well as throughout the post-Soviet space, different economic models have developed. Understanding economic sovereignty in the era of globalization 2.0 is a difficult task for theorists and practitioners. How to reconcile the traditions of sovereignty and the need to deepen integration? This article is devoted to these issues.

Keywords: Russian Federation, Republic of Belarus, interstate associations, sovereignty, globalization, trans-nationalization, European Union, economic model, Belarus, Baltic states, public sector, country features, social policy

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Sovereignty vs Development. Belarusian Economy in the Context of Current Trends in World Development // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 10–20.

Дискуссия о ключевых тенденциях мирового развития — глобализации и регионализации — не может быть признана новой. Все экономические кризисы последних десятилетий возвращали эти вопросы в центр внимания академического и экспертного сообщества. Вопрос о суверенитете, строго говоря, первичен по отношению к парадигме «глобализация — регионализация». Это справедливо, по крайней мере, с Вестфальского мира, после 1648 г. этот вопрос никогда не покидал площадки академических дискуссий.

Новым является то, что вопросы экономического суверенитета становятся весьма обсуждаемыми не юристами и экономистами, как следовало бы предположить, исходя из сути вопроса, а международниками и регионоведами. Переходя к рассматриваемому региону, отметим, что суверенизация в Беларуси может и должна рассматриваться в контексте не только национального выбора, но и выбора других республик бывшего СССР [21].

Прогнозирование в сфере тенденций глобального развития — задача, с одной стороны, сложная, с другой стороны, весьма популярная. Результатом этого противоречия является то, что прогнозов много, но оправдавшихся прогнозов существенно меньше. В этом контексте обращает на себя внимание следующий программный тезис Ф. Лукьянова: «Объективно глобальный капитализм многократно превосходит национальный по своему потенциалу, но уступает по способности найти общественную опору, то есть фундамент реальной власти» [11]. Это программный тезис из 2015 г., но как актуален он сейчас, в 2020-м. Что означает эта позиция для оценки экономических и политических процессов в Республике Беларусь?

Резко изменившаяся в 2020 г. ситуация в мировой, российской и белорусской экономике остро поставила вопрос о самодостаточности и внутренней устойчивости национальных экономик. Затем выяснилось и то, что для самых разных стран, от США и Великобритании, до России и Беларуси, стал актуален вопрос об эффективности политических режимов в новых экономических условиях [28]. Все эти вопросы актуализировались на фоне выраженной тенденции к стагнации мировой экономики в целом.

Тенденции экономического и политического развития Республики Беларусь следует рассматривать в контексте глобальных экономических и политических процессов, европейских экономических и политических тенденций развития и, естественно, политических и экономических практик России — важнейшего партнера Республики Беларусь.

Внимательное рассмотрение глобальных тенденций позволяет лучше понять текущие экономические и политические практики в Республике Беларусь. Распространившееся мнение о том, что экономическая и политическая модель Беларуси лишена какой-либо теоретической логики или вообще является экономическим волюнтаризмом — ошибочно. Белорусская суверенизация и многовекторность — достаточно понятный и закономерный результат ряда глобальных и региональных

тенденций, которые в совокупности можно свести к известной формуле из русифицированного Кипплинга: «Каждый сам за себя».

Понимание этого обстоятельства не предполагает того, что мы отрицаем региональную и национальную специфику экономической модели Республики Беларусь. Равным образом вышесказанное и не означает того, что мы отрицаем влияние специфической политической модели республики на систему принятия экономических решений. Вместе с тем попытка рассматривать экономическую суверенность и политическую многовекторность Республики Беларусь исключительно через призму политики Президента Республики Беларусь — контрпродуктивна.

Мировые, европейские, российские процессы и тенденции, «маскируясь» национальной и региональной спецификой, представляются разнонаправленными. Однако, строго говоря, таковыми они не являются. Разговоры о том, что мир идет в одном направлении, а Беларусь в другом, базируются на предвыборных эмоциях, но не академическом анализе.

Обозначим наиболее важные из этих общих тенденций.

Во-первых, фиксируется общий и масштабный крах либеральной идеологии и экономической практики. «Многие европейцы привычно считали, что если неолиберализм все же пережил экономические разрушения, которые он причинил, без существенного ущерба, то, вероятно, является верным учением. Однако всего лишь десятилетие спустя коронавирусы побудил людей пересмотреть роль правительств в их жизни» [10]. Это происходит в Вашингтоне, Москве, Минске. Но есть нюанс: в Минске либерализм не был победителем, он еще не успел стать примером, как стал глобально скомпрометированным и маргинальным.

«История либеральной мысли продемонстрировала, что либерализм может быть вместилищем гуманистической традиции в союзе с левой идеей. Такой союз привел к внедрению практики социального государства и социального рынка, создал феномен государства благосостояния, на котором здесь, до сих пор, во многом зиждется социальный мир в Европе» [7, с. 10]. Соглашаясь с мнением директора Института Европы РАН, отметим следующие ключевые слова: «до сих пор, во многом». Иными словами, социальный мир в Европе это не столько достижение будущего, сколько воспоминание о прошлом [29]. Консервативные и неоконсервативные тенденции стремительно набирают сторонников, «чувство принадлежности к значимой общности успокаивает и позволяет пережить период турбулентности. Очевидными ориентирами на этом пути оказываются религия, народ и государство» [19]. В этих условиях призывы белорусской оппозиции к применению ультралиберальных рецептов опоздали лет на 25.

Во-вторых, мы видим кризис интеграции во всех значимых экономических объединениях. Наднациональность и субсидарность¹ отступают, суверенитет кажется оптимальным выходом, по крайней мере на данном этапе. Любой интеграционный процесс — длительная процедура, которая зависит от многих факторов и от складывающейся конъюнктуры. Можно ли считать приоритетной задачей исследование «конкуренции двух альтернативных интеграционных пространств в качестве интеграционных центров...» [8, с. 13]? Вероятно, нет. Масштабные проблемы европейской интеграции очевидны. «...Привычное для официального Брюсселя отождествление Европы с собой, а по сути, присвоение себе права говорить от имени всех европейских народов, теперь теряет основания. За пределами Евросоюза остаются не только Россия, Украина, Белоруссия, Швейцария, Норвегия, Исландия и другие страны, без которых немыслима современная европейская культура. К когорте «аутсайдеров» подключается Великобритания, которая сыграла огромную роль в процессе формирования теории и практики представительной демократии» [2, с. 21].

¹ См. подробнее: [23].

Впрочем, точно такая же ситуация складывается и в ЕАЭС [12]. Экономическая и эпидемиологическая ситуация от Лиссабона до Владивостока (как, впрочем, и Ванкувера) уже привела к ресуверенизации даже в тех вопросах, где победа интеграции казалась абсолютной. «Политическое руководство национальных государств может вернуть себе (и возвращает) ряд полномочий и функций, которые раньше передавались на другой уровень (международный или региональный)» [17]. Критиковать политические решения, принимаемые в рамках национальной юрисдикции, но в интеграционных объединениях, можно, но не эффективно. Да, на примере ЕС, ЕАЭС и тем более БРИКС, мы видим, что «в наибольшей степени повальное нарастание национального эгоизма проявилось в ходе эпидемии коронавируса 2020 года: подавляющее большинство усилий по борьбе с пандемией предпринималось на уровне отдельных государств...» [1]. Сказанное не отрицает справедливость подхода, четко сформулированного нашим белорусским коллегой: «Активизация взаимодействия между государствами будет также способствовать не только экономическому развитию стран отдельного региона, но и окажет влияние на мировые экономические процессы» [30, с. 113].

Перейдем к анализу ключевых характеристик белорусской экономической модели. Опишем некоторые остальные ключевые особенности развития национальной экономики, признаки ее переходного состояния, характер реализуемой экономической модели. «Экономическая модель развития является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой — служит предопределяющим фактором для характеристики экономических перспектив дальнейшего развития» [13, с. 60].

Белорусская экономика к началу второго десятилетия XXI в. претерпела переход от преимущественно интенсивного к преимущественно экстенсивному типу экономического роста, где на 1% количественного роста приходится всего 0,82% роста продуктивности. Высокая материалоемкость белорусской промышленности при недостаточно высоком технологическом уровне производства является проблемой, трудно решаемой в рамках действующих экономических практик [4]. Это обстоятельство заставляет руководство Республики искать иные, не столько альтернативные, сколько дополняющие варианты обеспечения экономического роста. Обращение к экономической интеграции в этом контексте — вариант не новый, но проверенный временем и мировым опытом [15]. Мы понимаем, что Беларуси необходимо добиваться укрепления своего суверенитета, дальнейшего становления независимого государства, имеющего собственные национальные и геополитические интересы. При этом в теории многовекторность выглядит как идеальный, но трудно реализуемый вариант [см.: 16].

Важнейший вопрос — оценка роли государства в экономике. Государственный сектор в экономике Беларуси несколько более развит, чем в России. Крупные промышленные предприятия, построенные в СССР, были акционированы на национальном уровне и частично остались в государственной собственности. Частный капитал в высокой степени определяет развитие средней и мелкой промышленности, сферы обслуживания. Велика роль личных хозяйств на селе, но крупные агропроизводители де-факто государственные. В Беларуси проводится активная политика поддержки национальной промышленности, крупных экспортеров и сельского хозяйства. По состоянию на 2010 г. это контрастировало с российскими практиками, но сегодня таких различий нет, что связано с изменениями в России, а не Беларуси.

Ключевой параметр модели — оценка роли государства. Госсектор в Беларуси дает около 70% ВВП [25, с. 9]. В 2013 г. частный сектор давал 58,4% всего экс-

порта страны и обеспечивал занятостью 49,4% всех трудовых ресурсов [22, с. 32]. Сейчас ситуация принципиально не изменилась.

По мнению ряда белорусских экономистов, эффективность госсектора в Беларуси далека от идеала: «об относительно низкой эффективности государственного сектора свидетельствует и структура ВВП, где при доле инвестиций в основной капитал от 65,6–73,5% доля валовой добавленной стоимости (ВДС), созданной государственными предприятиями и частными предприятиями с долей государственной собственности, не превышала 57,3%» [9, с. 62]. Согласимся с данным выводом, но отметим то, что констатация факта еще не является развернутым набором рекомендаций по их преодолению.

По этому вопросу сошлемся на мнение ведущих российских экономистов В. А. Май и Е. Г. Ясина, высказанное еще в 2012 г.: «...кризис в одинаковой мере можно объяснить как „провалами рынка“ (избыточным дерегулированием), так и “провалами государства”, неспособного обеспечить стабильность экономического роста. Постепенно становилось все яснее, что действительно требуется усилить государственное регулирование, но относится это, прежде всего, к финансовым рынкам» [14, с. 4].

Желание разгосударствления экономики понятно с политической точки зрения, на уровне экономической теории ситуация существенно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Ситуация в Беларуси предполагает усилить роль сферы услуг. Профессор Е. Т. Гайдар писал: «Сам рост доли услуг в ВВП в условиях постиндустриального общества — важный фактор роста государственной нагрузки на экономику» [5, с. 13]. Однако при этом Е. Т. Гайдар ссылается на профессора Г. Стиглера, который одним из первых указал на то, что значительная часть деятельности государства связана с предоставлением услуг и тем самым повышает долю госсектора в ВВП [31].

Если первый тезис Гайдара цитируется непрерывно, то его генезис практически не раскрывается. В чем же причина? «Белорусские оппозиционные экономисты, как правило, известны не экономическими трудами, а оппозиционными лозунгами, что опять же отличает их от российских коллег конца XX в.» [27, с. 39].

Белорусская оппозиция закономерно называет себя меньшинством, позиционируя себя следующим образом: «Представители белорусского меньшинства активно осваивают ценности модерна. Они не противники Лукашенко (?), они противники авторитаризма, в то время как представители большинства являются типичными советскими людьми, не способными выжить в условиях рыночной экономики без поддержки со стороны “сильного государства”» [18, с. 81]. Предположим, оппозиция победит, уничтожит государственный сектор и получит почетные грамоты в Брюсселе и Вашингтоне, — что будет делать 97% населения? Продавать драники друг другу?

Сохранение крупного государственного сектора во всех основных отраслях экономики в республике часто подвергается критике. Однако справедливо указывается на то, что, не решившись на масштабную приватизацию крупного госсектора в первой половине 1990-х гг., Беларусь избежала массового вывода производственных активов за рубеж, как это, например, произошло в России. Это позволило поддерживать большинство предприятий в рабочем состоянии, сохранив их производственные мощности и персонал. Идеология и практика либерализма практически не прижились на белорусской земле. К сожалению, в России «в начале 90-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате

российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны»¹.

Россия является основным кредитором финансовой системы страны, кроме того, существует система замаскированных дотаций, проходящих через нефтяные акцизы и структурные фонды интеграции. Ухудшение положения в России автоматически подрывает финансовые показатели Беларуси и неминуемо приведет к девальвации и инфляции, соответственно, к ухудшению уровня жизни населения.

В республике без большой огласки введен комплекс понятий «нефтяной спрэд», представляющий собой разность между логарифмами цен на нефть в мире и для Беларуси. Фактически экономический рост в Беларуси определяется нефтяным спрэдом и характером движения ВВП России, иные же переменные не оказывают определяющего воздействия на динамику национального ВВП [3].

Белорусские экономисты считают, что падение ВВП России на 1% автоматически уменьшает ВВП Беларуси на 0,8%, однако это лишь первичная реакция. С учетом примерно трехквартального временного лага, и при отсутствии механизмов выравнивания, действующих в настоящее время, ситуация будет обратная: падение ВВП в России на 0,8% — падение ВВП Беларуси на 1–1,2%. Данное обстоятельство в республике отмечено на уровне министра экономики: «ВВП прямо или косвенно наполовину зависит от России»².

Относительно низкая средняя зарплата в стране требует развития государственной сферы услуг. Большая часть населения имеет такую низкую зарплату, что не может оплачивать по полной рыночной стоимости услуги ЖКХ, строительство жилья, услуги здравоохранения, образования, общественного транспорта, спортивных комплексов. В бюджетах семей около 50% расходов идет на питание и одежду, что является показателем низкого уровня жизни в стране. Александр Готовский, заместитель директора Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, справедливо отмечал, что номинальная зарплата в 500 долларов при относительно низком сопоставимом уровне цен в Беларуси по сравнению с развитыми странами по своей покупательной способности соответствует уровню стран Центральной Европы и стран Балтии [6].

Подведем промежуточный итог. Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как кризис действующей национальной модели экономического развития. Его причины прослеживаются на всех трех уровнях: европейском, постсоветского пространства, национальной экономики.

Экономика ориентированной на масштабные внешнеэкономические связи страны оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве. Кризис европейской экономики — это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности сферы обслуживания. Все это создает предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей в западном направлении.

Не менее половины негативных предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси — это санкции против главного торгового партнера страны, падение цен на нефть, девальвация российского рубля, сужение российского рынка. Все это привело к естественному и резкому падению сбыта продукции на рынках

¹ *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск от 18 декабря 2012 г. № 5964. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> (дата обращения: 17.12.2019).

² *Снопков Н.* ВВП Беларуси наполовину зависит от России [Электронный ресурс] // БелаПАН. Белорусская информационная компания. URL: http://belapan.com/archive/2014/12/11/746092_746092/ (дата обращения: 24.06.2020).

ключевых партнеров Беларуси — России, Украины и Казахстана, всем постсоветском пространстве.

Экономическая интеграция была, есть и будет выгодной для Республики Беларусь. Тем не менее, в 2019 г. и в начале 2020 г. вокруг интеграционных процессов преобладающий фон — негативный. Более того, подобные точки зрения озвучиваются не в оппозиционных СМИ, а в академических экономических журналах: «Основная проблема для белорусской экономики состоит в том, что по состоянию на 2018 г. в России было реализовано 350 проектов импортозамещения, еще 780 будут реализованы в ближайшие годы, на их финансирование будет направлено порядка 1,3 трлн руб.» [20, с. 25]. К сожалению, автор не объясняет, как развитие импортозамещения тех отраслей, которые были представлены поставками из ЕС и которые отсутствуют в Беларуси, могут быть для нее проблемой. К примеру, энергетическое машиностроение и двигателестроение (судовые механизмы и двигатели для вертолетов).

Наша точка зрения абсолютно противоположна и заключается в том, что в промышленном секторе Республика Беларусь была основным бенефициаром от евразийской интеграции и от торгово-санкционной войны между Россией и Западом. Значительное увеличение своей доли в российском импорте было достигнуто в таких областях, как: полуфабрикаты из текстиля и одежды; готовые химикаты (включая фармацевтические препараты) — от 1,7 до 3,5%; транспортное оборудование — от 2,7 до 5,4%, в частности автотранспортное и железнодорожное оборудование (последнее — от 0 до 15%); лифты (от 12 до 25%)¹.

В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать исключительно при российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной. Однако этот путь неизбежно предполагает жесткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии второго десятилетия XXI в. Это невозможно перед выборами и практически исключено после них.

Исходя из специфики историко-культурных условий страны, отметим, что даже при такой низкой эффективности экономического развития запрос на реформы будет в среднесрочной перспективе достаточно скромным и не затрагивающим ее ключевые характеристики.

Россия и Беларусь встретили 2020 год с большим количеством взаимных разногласий, возможно, самым большим за все годы существования форм постсоветской интеграции.

Противоречия возникли не одномоментно, а накапливались достаточно долго. При этом кризисы могут давать новые возможности развития. Об этом мы писали ранее: «Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., а затем политический кризис на Украине 2014 г., последовавший за этим кризис в отношениях России и Запада способствовали сначала запуску, а затем и активизации интеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве и подтолкнули к обновлению интеграционной стратегии стран — участниц евразийской интеграции с учетом не только регионального, но и глобального контекста (речь идет, в частности, о создании зон свободной торговли со странами вне постсоветского пространства)» [26, с. 29].

Закономерен вопрос, существует ли возможность обратить текущий кризис в новые возможности евразийской интеграции и российско-белорусского сотрудниче-

¹ Kofner J. Did the other EAEU Member States Profit from Eurasian Integration and Russia's Countersanction Policy? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/did-the-other-eaeu-member-states-profit-from-eurasian-integration-and-russias-countersanction-policy/> 11.04.2020.

ства? Такая возможность потенциально существует, однако ее реализация будет проходить в сложнейших условиях, не более благоприятных, чем в 2014–2015 гг. «...Не приходится ожидать скорых внешнеэкономических сдвигов, благоприятствующих нашей стране. Вряд ли произойдет в близлежащем времени отмена санкций. Уповать на заявления ряда политических деятелей и представителей европейского бизнеса, высказывающихся против антироссийских санкций, не реалистично. Европа сейчас не в том положении, чтобы пойти наперекор позиции США. Экономика ЕС балансирует на грани рецессии и слишком зависима от американского рынка...»¹. Поставим вопрос иначе: разве сказанное Е. М. Примаковым справедливо только по отношению к России? Санкции в отношении Беларуси отсутствуют? У наших белорусских партнеров существуют если не идеальные, то хотя бы нормальные условия для экономического и политического сотрудничества с Европой? Ответ очевиден — нет. Проблема не в том, что Брюссель не устраивают равноправные отношения с конкретным политиком в Минске. Проблема в том, что ЕС даже сегодня, в условиях системного кризиса, на восток ориентирован в классическом бюрократическом формате: «я начальник — ты дурак».

Следует признать все сложности в отношениях Москвы и Минска. «...К своему 20-летию Союзное государство Белоруссии и России подошло с неудовлетворительными результатами, которые можно (курсив наш — *В.Ш., Н.М.*) исправить, опираясь на политическую волю руководства двух стран» [24, с. 65]. Однако на западном треке у Беларуси нет возможностей наладить сотрудничество на основе уважения к своему суверенитету, традициям, историческому опыту и планам экономического развития. Это заставляет еще раз Москву и Минск искать новые форматы взаимодействия.

Литература

1. Бордачёв Т., Панова В., Суслов Д. БРИКС и пандемия соперничества [Электронный ресурс]. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Апрель, 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>. С. 7–8.
2. Бугорина О. В. Сужение Европейского Союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. № 2. С. 20–32.
3. Власенко М. Н. Нефтяной спрэд как фактор развития белорусской экономики // Банковский вестник. 2015. № 3 (620). С. 20–27.
4. Власенко М. Н. Оценка качественной составляющей экономического роста Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. С. 100–110.
5. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–24.
6. Готовский А. В. Политика повышения заработной платы в контексте сбалансированности экономики // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. С. 31–42.
7. Громыко Ал. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.
8. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс : Центр восточноевропейских исследований, 2012.
9. Зайцева Е. Особенности формирования государственной инвестиционной политики Республики Беларусь в современных условиях // Банковский вестник. 2019. № 4. С. 61–72.
10. Крастев И. Завтра уже наступило [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zavtra-nastupilo/>
11. Лукьянов Ф. Маятник капитализма: почему государства боятся глобализации [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/main/15236/28.04.2015>
12. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 7–10.

¹ Е. Примаков: единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс] // ТПП-Информ. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html (дата обращения: 13.01.2020).

13. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60–78.
14. Мау В. А., Ясин Е. Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
15. Межевич Н. М. Республика Беларусь в системе интеграционных проектов: мнимые и реальные альтернативы? // Беларусь у сучасным свеце: материалы XIV Международной конференции, посвященной 94-летию образования Белорусского государственного университета, 29 октября 2015 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 351 с.
16. Межевич Н. М., Рослякова Н. А. Динамика взаимодействий в Евразии и роль России и Беларуси в развитии экономических взаимодействий // Магілёўскі Мерыдыян. 2017. Т. 17, вып. 1–2 (37–38). С. 47–51.
17. Мир в маске. Социально-политические аспекты пандемии коронавируса [Электронный ресурс] // Политген. Аналитический центр. URL: <https://www.politgen.ru/analytics/reports/mir-v-maske-sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-koronavirusa/>
18. Николук С. Конец белорусского «чуда» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 108. № 2. С. 77–85.
19. Пареньков Д. Политические эффекты пандемии: рост спроса на консервативные ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskie-effekty-pandemii/> 20.04.2020
20. Рожковская Е. А. Ограничения, риски и возможности экономического роста в республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2020. № 1. С. 22–40.
21. Рослякова Н. А., Межевич Н. М. Концепция Союзного государства в общей системе евразийских интеграционных проектов // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 1(18). С. 62–67.
22. Рудый К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для республики Беларусь и зарубежный опыт // Белорусский экономический журнал. 2015. № 1. С. 30–41.
23. Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 5–14.
24. Суздальцев А. И. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.
25. Управление государственным сектором экономики : монография / М. М. Ковалев [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2018.
26. Шамахов В. А. Анализ условий евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1 (19). С. 29–34.
27. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики // Управленческое консультирование. 2018. № 11 (119). С. 35–43.
28. Шамахов В. А., Межевич Н. М. К юбилею Союзного государства: некоторые экономические параметры и политические ограничители // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 10–16.
29. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 9–17.
30. Янчук А. Л. Стратегии и приоритеты развития стран постсоветского пространства: состояние и перспективы // Белорусский экономический журнал. 2020. № 1. С. 113–122.
31. Stigler G. Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Bordachev T., Panova V., Suslov D. BRICS and the rivalry pandemic [Electronic resource]. Valdai International Discussion Club. April, 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>. P. 7–8. (In rus)
2. Butorina O. V. Narrowing the European Union and the potential for integration // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. N 2. P. 20–32. (In rus)
3. Vlasenko M. N. Oil spread as a factor in the development of the Belarusian economy // Bank Bulletin [Bankovskii vestnik]. 2015. N 3 (620). P. 20–27. (In rus)
4. Vlasenko M. N. Assessment of the qualitative component of economic growth of the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 2. P. 100–110. (In rus)
5. Gaidar E. T. State burden on the economy // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 9. P. 4–24. (In rus)
6. Gotovsky A. V. Wage raising policy in the context of economic balance // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 2. P. 31–42. (In rus)
7. Gromyko A. I. Metamorphoses of political neoliberalism // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. N 2. P. 6–19. (In rus)
8. Eurasian Union: a challenge for the European Union and the Eastern Partnership states. Vilnius: Center for Eastern European Studies, 2012. (In rus)
9. Zaitseva E. Features of the formation of the state investment policy of the Republic of Belarus in modern conditions // Banking bulletin [Bankovskii vestnik]. 2019. N 4. P. 61–72. (In rus)
10. Krastev I. Tomorrow is already [Electronic resource] // Russia in global politics. 2020. N 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zavtra-nastupilo/> (In rus)
11. Lukyanov F. Pendulum of capitalism: why states are afraid of globalization [Electronic resource] // Council on Foreign and Defense Policy. URL: <http://svop.ru/main/15236/> 28.04.2015. (In rus)
12. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. Economic integration in Great Eurasia: opportunities and challenges // Messenger of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 3 (111). P. 7–10. (In rus)
13. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Koroleva A. V. Economic development of the Baltic States and the Nordic countries: on the specifics of economic models // Baltic region [Baltiiskii region]. 2017. V. 9, N 1. P. 60–78. (In rus)
14. Mau V. A., Yasin E. G. Twenty years of market reforms and a new model of economic growth. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. (In rus)
15. Mezhevich N. M. The Republic of Belarus in the system of integration projects: imaginary and real alternatives? // Belarus in the modern world: materials of the XIV International Conference dedicated to the 94th anniversary of the founding of the Belarusian State University, October 29, 2015/Editorial council: V. G. Shadursky [etc.]. Minsk: BSU Publishing Center, 2016. 351 p. (In rus)
16. Mezhevich N. M., Roslyakova N. A. Dynamics of interactions in Eurasia and the role of Russia and Belarus in the development of economic interactions // Mogilev Meridian [Magleyski Merydyan]. 2017. V. 17, issue 1-2 (37-38). P. 47–51. (In rus)
17. The world is in a mask. Socio-political aspects of the coronavirus pandemic [Electronic Resource] // Politgen. Analytical center. URL: <https://www.politgen.ru/analytics/reports/mir-v-maske-sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-koronavirusa/> (In rus)
18. Nikolyuk S. The end of the Belarusian “miracle “ // Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions [Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii]. 2011. V. 108. N 2. P. 77–85. (In rus)
19. Parenkov D. The political effects of the pandemic: increasing demand for conservative values/ [Electronic resource]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskie-effekty-pandemii/> 20.04.2020. (In rus)
20. Rozhkovskaya E. A. Limitations, risks and opportunities of economic growth in the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2020. N 1. P. 22–40. (In rus)
21. Roslyakova N. A., Mezhevich N. M. The concept of the Union State in the general system of Eurasian integration projects // Scientific works of NWIM of RANEPa [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2015. V. 6, N 1 (18). P. 62–67. (In rus)
22. Rudi K. V. Structural economic reforms: necessity for the Republic of Belarus and foreign experience // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2015. N 1. P. 30–41. (In rus)

23. Strezhneva M. Supranationality and the principle of subsidiarity in the EU and beyond // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016. V. 60. N 6. P. 5–14. (In rus)
24. Suzdaltsev A. I. Crisis of the Union State of Belarus and Russia // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. V. 64, N 3. P. 56–67.
25. Management of the public sector of the economy: monograph / M. M. Kovalev [et al.]. Minsk: BSU Publishing Center, 2018. (In rus)
26. Shamakhov V. A. Analysis of the conditions of Eurasian economic integration // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2016. N 1 (19). P. 29–34. (In rus)
27. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Analysis of the economic model of the Republic of Belarus: the context of the Baltic states // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11 (119). P. 35–43. (In rus)
28. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. On the anniversary of the Union State: some economic parameters and political restraints // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 12 (132). P. 10–16. (In rus)
29. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Development trends in the global economy as a prerequisite for changes in the labor market // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 5 (125). P. 9–17. (In rus)
30. Yanchuk A. L. Strategies and priorities for the development of the countries of the post-Soviet space: state and prospects // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2020. N 1. P. 113–122. (In rus)
31. Stigler G. Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Center for Belarusian Studies of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Политическая элита как ключевой ресурс военной безопасности в современном обществе

Амуров М. А.

Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; amurov10@bk.ru

РЕФЕРАТ

Обоснование политической элиты как ключевого социально-политического ресурса военной безопасности является целью данной статьи. Метод исследования — структурно-функциональный анализ военной безопасности через призму активизации ее социально-политического ресурса. В результате исследования предложен новый подход к классификации функций современных политических элит как ключевого ресурса военной безопасности. В статье делается вывод, что под военной безопасностью сегодня необходимо понимать все действия силовых структур военной организации, органов власти на всех уровнях управления, а также общественных организаций, которые направлены на предупреждение, нейтрализацию реальных и возможных угроз и опасностей, носящих военный характер. Проблема военной безопасности — одна из центральных для любого современного государства, поскольку наряду с процессом всеобщей глобализации органы власти по-прежнему выступают гарантом обеспечения прав и свобод своего народа. Военная безопасность рассматривается как действия силовых структур военной организации, органов власти на всех уровнях управления, а также общественных организаций, которые направлены на предупреждение, нейтрализацию реальных и возможных угроз и опасностей, которые носят военный характер. Структура военной безопасности предполагает развитие субъектно-объектных отношений. Эффективность военной безопасности во многом зависит от контекстных условий деятельности политических элит, связанной с выяснением, предотвращением или минимизацией той или иной опасности. Принятие решений относительно военной безопасности происходит при участии всего состава военно-политического руководства страны, которое является частью политической элиты, а также при прямом или косвенном влиянии более широких кругов политических элит. В статье обоснованы основные функции современных политических элит. К ним относятся геополитическая функция (формирование и воспроизводство географических и политико-коммуникативных границ); функция нормализации (интерпретация «нормальности» состояния государства в контексте войны/мира); коммуникационная функция (умение «слышать» общество и понимать социальные интересы, ценности и запросы). Автор приходит к выводу, что современная внутривластная эффективность во многом зависит от стабильности формирования и функционирования элиты, что, в свою очередь, связано с преодолением внутренней раздробленности и фрагментации.

Ключевые слова: политическая элита, типология элит, военная безопасность, военная элита, современное государство

Для цитирования: Амуров М. А. Политическая элита как ключевой ресурс военной безопасности в современном обществе // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 21–29.

Political Elite as Key Resource of Military Security in Contemporary Society

Mark A. Amurov

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; amurov10@bk.ru

ABSTRACT

Justification of the political elite as the key socio-political resource of military security is the purpose of this article. The method of research is structural and functional analysis of mili-

tary security through the prism of activating its socio-political resource. As a result of the research, a new approach to classifying the functions of modern political elites as a key resource of military security has been proposed. The article concludes that military security today should be understood as all actions of power structures of the military organization, authorities at all levels of government, as well as public organizations, which are aimed at preventing and neutralizing real and possible threats and dangers of military nature. The problem of military security is one of the central issues for any modern state, since, along with the process of universal globalization, the authorities continue to be the guarantor of the rights and freedoms of their people. Military security is considered to be actions of power structures of the military organization, authorities at all levels of government, as well as public organizations. These institutions and structures aim at preventing and neutralizing any possible threat that is military in nature. Military security and its effectiveness depends on the activities and ideology of political elites in identifying, preventing, eliminating or minimizing of threats. Decision-making on military security takes place with the participation of the entire military and political leadership of the country, which is part of the political elite, and with direct or indirect influence of the wider political elites. The article substantiates the main functions of modern political elites. They include geopolitical function (formation and reproduction of geographic and political-communication borders); normalization function (interpretation of the "normality" of the state in the context of war/world); communication function (ability to understand social interests, values and demands). The author comes to the conclusion that the basis of modern domestic political effectiveness is the stable character of the formation and functioning of the elite, i. e. overcoming its internal fragmentation and fragmentation.

Keywords: political elite, typology of elites, military security, military elite, contemporary state

For citing: Amurov M.A. Political Elite as Key Resource of Military Security in Contemporary Society // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 21–29.

Введение

Динамика геополитического пространства главным образом влияет на систему международных отношений, тем самым меняя характер угроз национальной безопасности множества современных государств, в том числе и России. Военные действия на протяжении веков касаются каждого государства, поэтому приоритетное место для любой страны занимает обеспечение военной безопасности своих территорий [1]. С течением времени появляются все новые типы угроз, значительная часть которых смещается в сторону информационного пространства. Решения конфликтов — и внутренних, и международных — уже традиционно в первую очередь предполагают выяснение отношений дипломатическими способами. Применение военных сил вторично по отношению к ненасильственным способам устранения конфликта, а значит, и менее желательно и легитимно.

Большинство военных доктрин государств сегодня «оборонительные» и подчеркивают нежелание развязывать войны или вступать в конфликты. Так, Стратегия национальной безопасности США в первую очередь направлена на предотвращение террористических ударов, что предполагает развитие разведки, систем управления, а также возможности нанесения превентивных ударов, в том числе ядерных. В Китае существует «Белая книга по обороне». Приоритетным направлением при последнем выпуске книги было сотрудничество с США в плане укрепления военных отношений, однако, один из факторов нестабильности все же отмечал усиление присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что выразилось в декларации права применять ядерное оружие в ответ на ядерную атаку. Во Франции также существует «Белая книга по обороне и национальной безопасности», преимущественно направленная на обеспечение безопасности от угроз и неприменение основных военных сил первыми [8]. Таким образом, основу военной безопасности

во многих странах мира составляет защита своих границ, территорий, интересов. Военные мощности в странах присутствуют, однако в стратегических документах подчеркивается отсутствие необходимости применения вооруженных сил против кого-либо первыми.

Это означает, что в современном мире не только качество вооружения и умение политических лидеров договориться играют роль в системе национальной безопасности, но и способность общества и государства к обеспечению собственной безопасности и целостности, а также к минимизации угроз и рисков, которые могут быть следствием несовершенства политической системы.

Политическая элита государства призвана вырабатывать эффективные решения поставленных перед государством и обществом задач таким образом, чтобы они способствовали безопасной динамике развития государства с точки зрения нейтрализации внешних и внутренних угроз. В связи с этим необходимым становится определение тенденций развития и принципов функционирования политической элиты, как в общих вопросах, так и в вопросах военной безопасности. Рассмотрение политической элиты как ключевого социально-политического ресурса военной безопасности является целью данной статьи. Военная безопасность — ключевое условие самого существования государства и общества, а значит, и возможности реализации прав и свобод граждан. Несмотря на то, что военные действия в традиционном, классическом понимании являются сегодня актуальными далеко не для каждой страны — и в этом одно из доказательств социально-политического прогресса человечества, — проблема военной безопасности не исчезает, а трансформируется как в научном, так и в политическом дискурсе. Война как феномен социальной жизни с течением времени проходит ряд изменений и предстает перед государствами в новых обликах, поэтому так необходимо быть готовым к любой ситуации и обеспечивать безопасность на всех этапах [5].

Теоретические основы военной безопасности

В настоящее время понятие военной безопасности имеет множество трактовок среди отечественных и зарубежных политологов. Общепринятое понятие военной безопасности включает в себя обеспечение условий как внешней, так и внутренней политики, при которых гарантируется предупреждение и ликвидация всевозможных угроз, в том числе вооруженных, в отношении личности, общества, государства, мирового сообщества. Это обязательное условие, которое должно выполняться как основа национальной и международной безопасности. Другими словами, это возможность противостоять неминуемой агрессии либо отсутствие военной агрессии как таковой [4]. Вместе с тем понятие военной безопасности можно расценить как репрезентативную практику социума. Данное качество обеспечивает устойчивое существование, возможность качественного развития, а также недопущение опасности, которая может быть представлена вооруженным насилием, причинением вреда путем порчи ценностей и имущества, а также ликвидацию предпосылок возникновения такого рода опасностей. На первый план в этом понимании также выходит защита интересов личности, общества, государства от любого рода угроз извне, либо внутри государства, а также возможность нейтрализации или недопущения военных действий [3].

Российскими учеными предлагается трактовка понятия военной безопасности через отсутствие, ликвидацию или минимизацию для Российской Федерации и ее населения военных угроз. Военная безопасность может быть представлена в качестве культурно-исторического феномена, возможности незамедлительного реагирования на внешние военные агрессии, а также способности государства оказывать противодействие в случае применения в ее адрес военной силы и возмож-

ность погашения волнений военного характера внутри страны [2, с. 68]. По мнению ряда исследователей военной тематики, таких как А. И. Коровянский, В. И. Лутовинов, И. И. Ткачев, В. С. Волошко, понятие военная безопасность определяется как элемент совокупности, как фундамент национальной безопасности. Он должен обеспечивать обороноспособность государства и гарантировать готовность защитить интересы страны с помощью имеющегося вооружения [12, с. 174].

При рассмотрении зарубежных трактовок военной безопасности следует отметить более широкое значение, вкладываемое в это понятие. Военная безопасность рассматривается как совокупность международных условий жизни, при которых отсутствует угроза для личности, общества, государства и международного сообщества в целом применения насильственных способов вооруженного нападения [18].

Это состояние международных отношений, для которых характерно направленность на обеспечение поддержания оборонных мощностей страны, но с ориентацией на минимизацию или сдерживание военных настроений и агрессии [24]. Вместе с тем многие зарубежные политологи, как и наши соотечественники, определяют военную безопасность в рамках государственных границ страны. Примером такого определения может быть трактовка понятия военной безопасности, которая включает в данное понятие процесс обеспечения национальной безопасности путем создания военных мощностей страны, а также обеспечение целостности государственных границ и государственной независимости в целом [21] как состояние боевой готовности вооружения страны для предотвращения внешней опасности и охрану государственных границ от агрессии [23], как совокупности оборонительных мер подготовки военных сил страны к оборонительным мероприятиям по защите границ и противостоянию внешней агрессии [25].

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что под военной безопасностью понимаются все действия силовых структур военной организации, органов власти на всех уровнях управления, а также общественных организаций, которые направлены на предупреждение, нейтрализацию реальных и возможных угроз и опасностей, которые носят военный характер.

Структурно-функциональный анализ военной безопасности

Методикой исследования выступает структурно-функциональный анализ. Его применение предполагает изучение структурного среза военной безопасности государства и рассмотрение функциональных взаимодействий в политической и оборонной сферах [15, с. 38]. Традиционно структуру военной безопасности определяют такими составляющими, как силовой блок, экономический блок и невоенный блок [9]. В силовой блок входят вооруженные силы, их деятельность, военная техника и т. д. К экономическому относятся оборонно-промышленный комплекс и ресурсная готовность государства к той или иной ситуации. Неэкономический блок составляют идеология государства, настроения внутри страны, информационное обеспечение [6]. По утверждению И. К. Макаренко, «силовые учреждения политической организации общества являются важным, но всего лишь одним из многих средств обеспечения военной безопасности» [9]. Намного более важную роль в современном мире приобретают политические элиты. Принятие решений относительно военной безопасности происходит при участии всего состава военно-политического руководства страны, которое является частью политической элиты, а также при прямом или косвенном влиянии более широких кругов политических элит [7, с. 213]. Это означает, что политическая элита может рассматриваться как ключевой социально-политический ресурс военной безопасности в современном обществе.

Высшей привилегированной группой общества, на которую возложены обязательства по распределению властных ресурсов и принятию важнейших политических

решений, является политическая элита [11, с. 156]. Для эффективного функционирования данного аппарата управления требуется обеспечение целостности политической элиты и борьба с внутренней раздробленностью.

Военная безопасность обеспечивает защиту интересов государства от силовых воздействий извне. Структура военной безопасности включает конкретные субъектно-объектные отношения. Эффективность военной безопасности непосредственно связана с идеологическим фоном и действиями политических элит по предотвращению различного рода угроз [13, с. 150]. Особое значение при этом приобретают когнитивные императивы субъектов государственной власти, так как именно они задействованы в экспликации идеологической подоплеки взаимосвязи всех сфер жизнедеятельности социума в определенном моменте пространственно-временных отношений. Особую ценность имеют духовный, технологический и естественный потенциалы, а также учреждения, использующие данные потенциалы для организации специфической деятельности политических элит [10, с. 94].

Интересной особенностью, влияющей на эффективность реализации интересов страны, является геополитический фактор, который заключается в географическом положении государства, протяженности сухопутных и водных границ. География определяет характер политической коммуникации, реализуемой политической элитой. Это означает, что именно политическая элита влияет на специфику культурных, экономических, политических взаимосвязей, выстраивает основные положения внешней и внутренней политики на мировой арене, во времена выдвижения различного рода санкций [10, с. 154].

Особо следует отметить отдельный и основной элемент военной безопасности «силовую элиту». К ней относятся руководители правоохранительных структур и их подразделений, это ограниченный круг людей, имеющих высокое положение в обществе. Как правило, представители силовой элиты обладают особыми профессиональными качествами, высокими личностными достижениями, получившие свою должность в рамках построения карьеры в закрытой элитной группе. При прочих условиях, основное значение имеет не наличие самой элиты, а профессиональные качества, порядочность, возможность заслужить доверие населения, возможность и умение решать проблемы, касающиеся граждан [16]. Как показывает практика, отсечение власти от населения приводит к росту внутренних угроз, и власть может потерпеть крах. Коммуникация между представителями силовых элит и формирование их статусов происходит под воздействием организационного правового устройства государства, согласно которому функционирует политическая элита [17]. Политические и силовые элиты по своей структуре являются неоднородными, среди них выделяются субэлиты, на которых возложены специфические обязанности в каждой из значимых социальных сфер. Субэлиты оказывают значительное влияние на принятие важных решений на высшем государственном уровне.

Политические элиты, будучи ключевым ресурсом военной безопасности в современном обществе, играют ключевую роль как в создании «нормальности» внутренних и внешних границ государства, так и в интерпретации и реагировании на нарушения этой «нормальности». Эффективность политических элит в этом плане заключается в самостоятельном осознании и понимании образующих процессов, в том числе понимании собственных ролей как ролей ресурсных. Политические элиты не просто реагируют на международные инициативы, но и создают их. В этом аспекте роль политических элит заключается в помощи управленцам, принимающим ключевые решения, касающиеся военной безопасности, в вопросах разработки более полного понимания образующих процессов, в частности имеющих отношение к выявлению возможностей и ограничений, что будет способствовать развитию и улучшению государственной политики [14].

Анализ структуры военной безопасности позволяет через призму активизации ее социально-политического ресурса выделить основные функции современных политических элит. К ним относятся *геополитическая функция* (формирование и воспроизводство географических и политико-коммуникативных границ); *функция нормализации* (интерпретация «нормальности» состояния государства в контексте войны/мира); *коммуникационная функция* (умение «слышать» общество и понимать социальные интересы, ценности и запросы).

Обсуждение и выводы

В современном обществе при наличии нарастающих агрессивных отношений между странами для поддержания мира и обеспечения международной безопасности особенно необходим специализированный анализ политических угроз и рисков. Кроме того, особенно важно мониторить состояние национальной и государственной безопасности России, заниматься обеспечением наличия конкурентных преимуществ среди других государств.

Проведенный структурно-функциональный анализ военной безопасности через призму активизации ее социально-политического ресурса позволяет сделать вывод, что основу структуры силового механизма российского государства образуют следующие элементы. Во-первых, это система контрольно-надзорных органов государства, имеющих правоохранительные функции. Во-вторых, это экспертные институты и организации, формирующие инфраструктуру принятия решений в силовых структурах. В их задачи входят в том числе прогнозы и обоснование угроз. Однако ключевое значение в системе обеспечения политической безопасности России принадлежит Совету Безопасности Российской Федерации, Федеральной службе безопасности, Федеральной службе охраны, Министерству обороны Российской Федерации, Службе внешней разведки, а также Федеральной службе войск национальной гвардии (Росгвардии). За обеспечение национальной безопасности отвечают российские силовые элиты, на которых ложится функция обеспечения скоординированной работы с иностранными и межгосударственными структурами и спецслужбами, а также за взаимодействие с гражданами своей страны согласно законодательным принципам и нормам [22]. Перечисленные элементы в структурно-функциональном плане покрывают обеспечение военной безопасности через систему правовых норм, совокупность правовых институтов, а также взаимосвязь субъектов обеспечения безопасности по целому ряду направлений, включая развитие морально-нравственных ценностей населения, профессиональной этики и компетенций законодателей [19; 20].

В дополнение к этим, уже сложившимся, элементам теоретической и практической модели военной безопасности наше исследование позволяет утверждать, что ключевым социально-политическим ресурсом военной безопасности в современном обществе являются политические элиты. Обеспечение политической безопасности определяется как деятельность силовых государственных структур, позволяющая сохранять безопасность политической системы, одновременно обеспечивать мирное существование государства и эффективное развитие страны. Обеспечение военной безопасности происходит путем реализации своих обязанностей силовыми органами власти всех уровней управления, а также общественных организаций. Деятельность всех структур должна быть направлена на поиск путей предотвращения и нейтрализации военных угроз и опасностей как внутри страны, так в процессе международных коммуникаций между странами. Фундамент военной безопасности — это обеспечение целостности своих границ, защита территорий, интересов государства и общества. Несмотря на наличие военных мощностей, каждое государство подчеркивает отсутствие возможности их применения, они выполняют

функцию обеспечения защиты. Консенсус внутри системы политической элиты обеспечивает политическую безопасность государства. Необходимо, чтобы мнение элит сходилась в вопросах политических ценностей и национальных интересов. Военной безопасности государства и внутривнутриполитической эффективности можно достичь, если будет выполняться условие стабильности характера и слаженного процесса функционирования всех сегментов элит.

Литература

1. Вершилов С. А. Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально-философского анализа // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
2. Викулов С. Ф., Пожаров А. И., Гребеник В. В. Экономика военного строительства: новая парадигма / под ред. Г. А. Лавринова, С. Ф. Викулова. Ярославль : ООО ИПК «Литера», 2008.
3. Возжеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М. : НПО «МОДУЛЬ», 2018.
4. Гражданская защита / под общ. ред. С. К. Шойгу; МЧС России. М. : Московская типография № 2, 2006.
5. Гребеник В. В. Современные методологические основы обеспечения взаимосвязи экономической и военной безопасности ядерного государства // Интернет-журнал «Наукосведение». 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19009376_54733254.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
6. Журило П. П. Механизм обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях // *Ars Administrandi*. 2012. № 4. С. 66–75.
7. Ивашов Л. Г. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М. : Книжный мир, 2018.
8. Кочетков В. В. Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 263–267.
9. Макаренко И. К., Морозов В. С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. М. : Издательство РАГС, 2003.
10. Осаветлюк Е. А. Роль средств массовой информации (СМИ) в обеспечении информационной безопасности России на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 94–104.
11. Певень Л. В. Армия и общество на пути модернизации : монография. М. : Воен. ун-т, 2012.
12. Понеделков А. В., Щербакова Л. И. Роль и место региональных элит в обеспечении внутренней безопасности региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2015. № 1. С. 156–161.
13. Радиков И. В. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55). Ч. 1. С. 150–153.
14. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
15. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Проблема экономической безопасности государства в условиях глобальных трансформаций: Запад — Россия // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5. С. 38–52.
16. Bakker Ch., Sossai M. Multilevel Regulation of Military and Security Contractors: The Interplay between International, European and Domestic Norms. Bloomsbury Publishing, 2015.
17. Bekkevold J. I., Bowers I., Raska M. Security, Strategy and Military Change in the 21st Century: Cross-Regional Perspectives. Routledge, 2015.
18. Cordesman A. H. A Tragedy of Arms: Military and Security Developments in the Maghreb. Greenwood Publishing Group, 2015.
19. Elliot J. M., Reginald R. The Arms Control, Disarmament, and Military Security Dictionary. Wildside Press LLC, 2015.
20. Gary Schaub Jr., Keltly R. Private Military and Security Contractors: Controlling the Corporate Warrior. Rowman & Littlefield, 2016.

21. Gates R. M. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010: Annual Report to Congress. DIANE Publishing, 2015.
22. Kandil H. The Power Triangle: Military, Security, and Politics in Regime Change. Oxford University Press, 2015.
23. Niall K. K. Vision and Displays for Military and Security Applications: The Advanced Deployable Day/Night Simulation Project. Springer Science & Business Media, 2015.
24. Pattison J. The Morality of Private War: The Challenge of Private Military and Security Companies. Oxford University Press, 2015.
25. Woo J. Security Challenges and Military Politics in East Asia: From State Building to Post-Democratization. A&C Black, 2015.

Об авторе:

Амуров Марк Александрович, Помощник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); amurov10@bk.ru

References

1. Vershilov S. A. Essence and importance of military security in the existence of the state through the lens of social and philosophical analysis [Electronic resource] // Internet journal "World of Science" [Mir nauki]. 2015. N 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (In rus)
2. Vikulov S. F., Pozharov A. I., Grebenik V. V. Economics of military construction: new paradigm/ ed. G. A. Lavrinov, S. F. Vikulov. Yaroslavl: LLC IPC "Litera," 2008. (In rus)
3. Vozhenikov A. V. National Security: Theory, Politics, Strategy. M.: NGO "MODULE," 2018. (In rus)
4. Civil protection/commonly ed. S. K. Shoygu; Emercom of Russia. Moscow Printing House N 2, 2006. (In rus)
5. Grebenik V. V. Modern methodological basis for ensuring the relationship between the economic and military security of the nuclear state [Electronic resource] // Internet journal "Knowledge" [Naukovedenie]. 2013. N 2. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19009376_54733254.pdf (In rus)
6. Zhurilo P. P. Mechanism for Ensuring Economic Security of the Russian Federation in Modern Conditions // Ars Administrandi. 2012. N 4. P. 66–75. (In rus)
7. Ivashov L. G. World on the fault of history. Chronicles of geopolitical battles. M.: Book World, 2018. (In rus)
8. Kochetkov V. V. Cultural dimension of hybrid wars // Journal of Moscow University. Series 18. Sociology and political science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2015. N 4. P. 263–267. (In rus)
9. Makarenko I. K., Morozov V. S. Military security of the state: essence, structure and ways of ensuring at the present stage. M.: RAGS Publishing House, 2003. (In rus)
10. Osavelyuk E. A. Role of mass media in ensuring information security of Russia in Eurasian space // International cooperation of Eurasian states: politics, economy, law [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo]. 2016. N 3. P. 94–104. (In rus)
11. Peven' L. V. Army and society on the path of modernization: monograph. M.: Military University, 2012. (In rus)
12. Ponedelkov A. V., Scherbakova L. I. Role and place of regional elites in ensuring internal security of the region // Journal of the South Russian State Technical University [Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]. 2015. No. 1. P. 156–161. (In rus)
13. Radikov I. V. War in the XXI Century and New Semantics of Russian Military Doctrine // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2015. No. 5 (55). P. 1. P. 150–153. (In rus)
14. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. No. 12. P. 6–15. (In rus)
15. Shevchenko O. M., Shtofer L. L. The problem of economic security of the state in the context of global transformations: West - Russia // Humanitarium of the South of Russia [Gumanitarii Yuga Rossii]. 2018. V. 7. No. 5. P. 38–52. (In rus)

16. Bakker Ch., Sossai M. Multilevel Regulation of Military and Security Contractors: The Interplay between International, European and Domestic Norms. Bloomsbury Publishing, 2015.
17. Bekkevold J. I., Bowers I., Raska M. Security, Strategy and Military Change in the 21st Century: Cross-Regional Perspectives. Routledge, 2015.
18. Cordesman A.H. A Tragedy of Arms: Military and Security Developments in the Maghreb. Greenwood Publishing Group, 2015.
19. Elliot J.M., Reginald R. The Arms Control, Disarmament, and Military Security Dictionary. Wildside Press LLC, 2015.
20. Gary Schaub Jr., Kelty R. Private Military and Security Contractors: Controlling the Corporate Warrior. Rowman & Littlefield, 2016.
21. Gates R. M. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010: Annual Report to Congress. DIANE Publishing, 2015.
22. Kandil H. The Power Triangle: Military, Security, and Politics in Regime Change. Oxford University Press, 2015.
23. Niall K. K. Vision and Displays for Military and Security Applications: The Advanced Deployable Day/Night Simulation Project. Springer Science & Business Media, 2015.
24. Pattison J. The Morality of Private War: The Challenge of Private Military and Security Companies. Oxford University Press, 2015.
25. Woo J. Security Challenges and Military Politics in East Asia: From State Building to Post-Democratization. A&C Black, 2015.

About the author:

Mark A. Amurov, Assistant Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; amurov10@bk.ru

Немецкая пресса о внешнеполитической деятельности России: кризис на Украине (2013–2014 гг.) и его последствия

Бахтуридзе З. З.^{1, *}, Рачкова Д. С.²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *zeinabb1000@list.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена выявлению актуального образа России в зеркале немецких средств массовой информации после украинского кризиса. Авторы обосновывают роль и значимость средств массовой информации, характеризуют кризисную ситуацию на Украине. Проведен анализ публикаций в ведущих печатных массмедиа Германии на тему российской внешней политики на Украине и роли Российской Федерации в политическом кризисе на Украине (2013–2014 гг.). Обозначены ключевые подходы в формировании у немецкого общества определенного представления о России и проводимой ею внешней политике.

В качестве выводов авторы отмечают, что как по объективным причинам, так и не в последнюю очередь благодаря немецким средствам массовой информации, использующим при конструировании образа России множество негативных характеристик, отношения между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германии проходят полосу взаимного отчуждения. Однако представляется вполне возможным, что эти весьма непростые отношения даже при наличии определенной конъюнктуры, могут перейти на качественно новый уровень с учетом возможного прагматичного сотрудничества двух государств и при условии, в том числе, снижения градуса антироссийской риторики в немецких массмедиа. Очевидно, что государства, имеющие общую границу, должны стремиться к поддержанию добрососедских отношений, и роль средств массовой информации в этом процессе нельзя недооценивать.

Ключевые слова: немецкие газеты, средства массовой информации, внешняя политика России, украинский кризис, имидж России

Для цитирования: Бахтуридзе З. З., Рачкова Д. С. Немецкая пресса о внешнеполитической деятельности России: кризис на Украине (2013–2014 гг.) и его последствия // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 30–40.

The German Press about Russian Foreign Policy Activities: The Crisis in Ukraine (2013–2014) and its Consequences

Zeinab Z. Bahturidze^{1, *}, Daria S. Rachkova²

¹ Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *zeinabb1000@list.ru

² The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications

ABSTRACT

The article is devoted to identifying the current image of Russia in the mirror of the German media after the Ukrainian crisis. The role of the media is noted, the crisis situation in Ukraine is characterized. Analyzed publications in the leading print media of Germany on the topic of Russian foreign policy in Ukraine and the role of the Russian Federation in the political crisis in Ukraine (2013–2014). The authors have identified and identified key approaches in the formation of German society a certain idea of Russia and its foreign policy.

As conclusions, it is noted that both for objective reasons, and not least thanks to the German media, which use a lot of negative characteristics when constructing the image of Russia, relations between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany go through a zone of mutual exclusion. However, relations between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany can go to a new level, taking into account the possible pragmatic cooperation of the two states, and provided, among other things, a reduction in the degree of anti-Russian rhetoric in the German media.

Keywords: German newspapers, foreign policy of Russia, Ukrainian crisis, image of Russia

For citing: Bahturidze Z. Z., Rachkova D. S. The German Press about Russian Foreign Policy Activities: The Crisis in Ukraine (2013–2014) and its Consequences // Administrative consulting. 2020. No. 6. P. 30–40.

Введение

Как известно, средства массовой информации (СМИ), являясь ключевым социальным институтом, способным транслировать информацию той или иной направленности широким слоям общества, играют важнейшую роль в формировании общественного мнения. Современные СМИ благодаря активным глобализационным процессам вышли на новый уровень развития, став инструментом ведения локальных и глобальных «информационных войн» [9, с. 4].

Выступая в качестве активного объекта политической жизни общества, СМИ являются не только источником донесения информации, но и обладают возможностью ее отбора, интерпретации, придания определенного смысла для формирования соответствующего восприятия общественностью того или иного государства. Важно отметить, что СМИ не являются институтом власти, в компетенцию которого входит формирование внешнеполитического курса государства, но умело манипулируют общественным мнением и, тесно взаимодействуя с различными политическими субъектами, СМИ часто бывают вовлечены в процесс реализации тех или иных путей решения проблем международного масштаба.

Актуальность выбранной темы заключается также и в том, что международный имидж государства непосредственно влияет на развитие его внешней и внутренней политики, а также оказывает влияние на общественное мнение населения того или иного государства, поэтому существует необходимость планомерной и грамотной работы над формированием позитивного образа России в мире. Однако работа над имиджем РФ ведется не только российскими, но и зарубежными СМИ, где внешнеполитические действия России получают неоднозначную оценку и часто трактуются в угоду сложившейся политической конъюнктуры. Это особенно важно, когда речь идет о значимых внешнеполитических партнерах и ближайших соседях, одним из которых является Германия.

Цель работы заключается в выявлении образа Российской Федерации, формируемого печатными СМИ Германии в контексте украинского кризиса.

Для выполнения анализа были использованы статьи из немецкой периодики, например, «Die Zeit», «Bild», «Der Spiegel», «Die Welt» и др.

Методы

В работе используются методы анализа литературы, изучение и обобщение отечественной и зарубежной практики, метод сравнительного анализа, который был использован для изучения внешнеполитических концепций и ключевых событий во внешнеполитической деятельности РФ. В процессе написания работы был проведен контент-анализ немецкой периодики.

Результаты

Анализируя внешнеполитические концепции Российской Федерации, принятые в период с 2000 по 2016 гг., можно утверждать, что ориентиры внешнеполитического курса РФ постепенно менялись в связи со стремительной трансформацией международных отношений. Так, например, согласно Концепции 2000 г. Россия добивается восстановления мощи и укоренения своих позиций на международной арене, а уже в 2013 г. она однозначно примеряет на себя роль одного из глобальных игроков в мировой политике.

Следующая редакция внешнеполитической концепции была утверждена и вышла в свет спустя три года, в 2016 г. Самая значительная перемена в ней заключается в исключении России из европейской цивилизации, с учетом заявлений о геополитической экспансии Европейского союза и НАТО. В этом же пункте была обозначена поддержка, выражаемая всем европейским странам, не примкнувшим к НАТО, более того, отмечено, что «эти государства вносят реальный вклад в обеспечение безопасности и стабильности в Европе. Россия готова к конструктивному многоплановому взаимодействию с ними»¹. Таким образом, основные положения новой редакции становятся все более конкретными и активными. Если российский взгляд на развитие российско-американских отношений в Концепциях 2008 и 2013 гг. практически не менялся, то уже в редакции 2016 г. позиция относительно США явно ужесточилась. В качестве примера можно привести строки о том, что «Россия не потерпит никакого давления со стороны США и будет отвечать на любые недружественные акции»².

Помимо этого в концептуальных документах 2013 и 2016 гг. прописано, что лидеры глобализации являются непосредственными виновниками разжигания экстремистских очагов напряженности в районах Африки и Ближнего Востока («стремление вернуться к цивилизационным корням»³ — «распространение экстремистской идеологии»⁴). Следовательно, согласно тексту документов, к такому исходу событий в вышеуказанных регионах мира привело «навязывание другим собственной шкалы ценностей» (Концепция 2013 г.) и «навязывание извне идеологических ценностей» (Концепция 2016 г.).

Наиболее четкое представление о роли России в мировой политике на сегодняшний день отражено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г. Следует особо отметить, что крайне важным нововведением в данном документе является исчезновение пункта о стремлении РФ к созданию положительного имиджа России за рубежом.

Распад Советского Союза привел к изменению конфигурации мироустройства. Соединенные Штаты Америки, фактически став гегемоном, стремились распространить свое влияние на весь мир, контролировать, а нередко и формировать

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.02.2020).

² Там же.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 17.02.2020).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.02.2020).

события политической, экономической и социальной реальности в разных уголках планеты, осознавая это как свою миссию в качестве единственной сверхдержавы, которая может и должна принимать единоличные решения в мировой политике.

Очередной этап во внешней политике России, начавшийся с 2014 г. и продолжающийся ныне, характеризуется внушительным ужесточением внешнеполитического курса Российской Федерации, которое обусловлено стремительной конфронтацией с Западом, связанной с присоединением Россией Крыма (в западной риторике классифицируется как оккупация), проведением антироссийских и ответных с российской стороны санкций. Этот этап обозначен ратификацией новой Военной доктрины Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 25.12.2014), в которой среди прочих наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство¹.

Вне сомнений, одним из ключевых событий на постсоветском пространстве, привлечший внимание всего мира, стал украинский кризис.

События, связанные с украинским кризисом 2013–2014 гг., получили неоднозначную оценку как в российских СМИ, так и в зарубежных.

Данный кризис невозможно характеризовать только как внутригосударственный конфликт, он стал причиной серьезного и длительного обострения международной обстановки. Запад обвинил Россию в нелегитимном присоединении Крыма к территориям РФ и поддержке самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик, после чего были введены антироссийские санкции в отношении некоторых граждан РФ и ряда российских организаций и компаний, действующих за рубежом. Первыми, кто ввел экономические санкции против России, были США, день спустя антироссийские санкции были введены и Европейским союзом. Кроме того, персональные санкции против граждан РФ также были введены и со стороны Канады, Австралии, Южной Кореи и других государств. С того периода санкции расширились и регулярно продлевались².

Очевидным является тот факт, что урегулирование украинского вопроса зависит в том числе и от поиска компромиссов его внешних участников, включая западную и российскую стороны. Такие действия необходимы, поскольку Россия стремится отвести Украину от консолидации на прозападную и антироссийскую основу, а Запад, в свою очередь, стремится избежать ориентации Украины на пророссийский курс. Кроме того, Украина в ближайшем будущем останется расколотым государством, несущим в себе основы одной и другой консолидации. Из этого следует, что благополучие и становление нового стабильного украинского государства становится ключевым источником перемен по мере снижения внимания к украинскому вопросу внешних участников.

С помощью своего потенциала Россия способна активно воздействовать на международную обстановку, укрепляя стабильность и безопасность на международной арене и налаживая свои политические и социально-экономические связи с международными партнерами. Важно обозначить, что участие России в урегулировании украинского кризиса было воспринято неоднозначно как внутри государства, так и за его пределами. Некоторые отечественные и многие западные СМИ крайне жестко оценили внешнеполитические действия и реакции российского правительства.

Однако представляется важным отметить тот факт, что Россия не может игнорировать конфликты на бывшем постсоветском пространстве и на геополитически

¹ Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/976907 (дата обращения: 17.02.2020).

² Майдан и его последствия: 10 главных событий//РБК. Политика. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2016/5832e81a9a79477ffe42486a> (дата обращения: 12.02.2020).

значимой территории, не обозначив свою четкую позицию, не приняв участия в их урегулировании, в том числе и потому, что эти события предоставляют серьезную возможность для нашей страны заявить о решимости отстаивать свои национальные интересы, продемонстрировать свою мощь и настойчивость в принятии самостоятельного внешнеполитического курса российского государства.

С самого начала обострившегося конфликта на Украине 2013–2014 гг. довольно ярко проявилось противостояние российских и западных СМИ. Украинский вопрос как был, так и по сей день остается одной из главнейших тем немецкой печатной прессы. Об отношениях России и Украины, о возобновлении эскалации конфликта и провокационных маневрах главы РФ В.В. Путина пишут многие общенациональные и региональные печатные издания, включая главные газеты и политические журналы Германии «Die Zeit», «Bild», «Süddeutsche Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Der Spiegel» и «Berliner Zeitung».

Положение Украины в ноябре 2013 г. было плачевным. Немецкая пресса жестко отреагировала на решение Украины отказаться от подписания торгового соглашения с Европейским союзом, обвинив Россию в причастности к этому событию. Как сообщалось в «Der Spiegel», отход от Европы является еще одним признаком коррумпированности украинского режима и стратегической уловкой президента РФ Владимира Путина посредством применения угроз с целью сохранения власти над бывшими членами Советского Союза¹. Такое решение украинских властей особенно чревато для Украины тем, что она находится в центре сопротивления между Европой и Россией. Москва оказывает явное давление на Украину с целью ее присоединения к собственному Таможенному союзу с Казахстаном и Беларусью и, вместе с тем, Россия угрожает проведением экономических санкций по отношению к украинской стороне и ограничениями на въезд в случае, если сделка с ЕС состоится. Кроме того, Кремль настроен привлечь Украину доступными ценами на поставку газа.

В немецкой газете «Süddeutsche Zeitung» отмечалось: «именно Путин дьявольски предложил трехстороннюю дискуссию о судьбе Украины, как будто это был 1939 г. и территории могли быть разделены также, как это ранее сделали Гитлер и Сталин. Раскольничья работа господина Путина достигла своей цели: он хочет конфронтации, потому что единственное, что защищает его авторитарную систему — это твердое разделение»². «Территория, которая сейчас является Украиной, на протяжении веков была пересечена культурными, языковыми и религиозными разломами. Однако Европа показала, что во многих местах историческое бремя может быть преодолено. Украина имеет свое место в Европе. И Россия тоже»³.

Вместе с тем в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung», носящей консервативную направленность, заявлялось, что Украина уязвима, поскольку ею управляет группировка, заинтересованная только во власти и удовлетворении своих личных интересов, игнорируя возможные последствия для судьбы страны. Жалобы правящей элиты Киева о недостаточной со стороны ЕС компенсации потерь в украинско-российской конфронтации являются наглыми. Европейцы щедро поддерживали попытки Киева освободиться от зависимости от российского газа. Трудно отдать должное коррумпированному и заведомо ненадежному режиму, однако, ЕС должен держать дверь открытой для Киева, поскольку всем ясно, чем закончится борьба за власть в Украине. Однако ЕС также не следует поощрять действия господина Путина, поскольку он ответственен за защиту своих членов в Восточной и Центральной Европе, на которую Кремль пытается влиять, как и в случае с Украиной⁴.

¹ Rogers Thomas, Ukraine's Complaints Are 'Insolent' // Der Spiegel. 2013. N 3.

² Spalter Putin erreicht sein Ziel // Süddeutsche Zeitung. 2013. N 5.

³ Там же.

⁴ Putin wirft EU Erpressung vor // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. N 114.

Региональная влиятельная газета Берлина-Бранденбурга «Berliner Zeitung» писала, что экс-президент В. Янукович, выходец из русскоязычного региона восточной части Украины, долгое время примерял на себя роль перспективного европейского политика. Однако теперь эта маска спала. Он вновь проявил себя в качестве человека, преследовавшего краткосрочные интересы, пренебрегая стратегическим решением, и стремившегося только к цели сохранить власть. К сожалению, В. Янукович лишь представитель украинской элиты, которая готова признать, что было бы выгодно привязать Киев к ЕС, но только в общем смысле. Преимущества Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС являются абстрактными. Это преимущества стратегического самоопределения. Однако угрозы и обещания Кремля были довольно конкретны. Политическое решение было сведено к армрестлингу, где победу одержал президент РФ Владимир Путин¹.

«Bild» прокомментировал актуальную ситуацию 2013 г. следующим образом: «Стратегия Запада настаивать на установлении принципов конституционного государства по-прежнему является правильным подходом. Кроме того, Украина должна немедленно освободить Юлию Тимошенко. Это должно оставаться целью внешней политики Германии»².

Как известно, ключевым событием в деле приобретения Россией статуса «агрессора» в глазах мирового сообщества стала аннексия Крыма (согласно западной трактовке) Российской Федерацией. Эта тема вызвала всплеск интереса и внимания в немецкой прессе.

Крымские события, произошедшие в феврале и марте 2014 г., стали переломным моментом не только для Украины, но и для всей Европы в целом. Сутью европейского видения данной ситуации было то, что впервые после окончания Второй мировой войны европейское государство увеличило свою территорию за счет границ соседа против его воли³. Немцы ранее привыкли полагать, что проблемы безопасности достаточно далеки от них. Однако после аннексии Крыма и вмешательства Москвы в дела восточной части Украины была разрушена надежда на то, что Россия превратится в главного немецкого стратегического партнера и более не будет отмечено проявление «агрессии» со стороны Кремля⁴.

В «Berliner Zeitung» подчеркивалось, что Россия никогда еще с конца 1991 г. не стремилась к захвату территории так, как в случае с Крымом, находившемся согласно международно-правовой основе под протекторатом Украины⁵.

Кроме того, «Süddeutsche Zeitung» опубликовало статью, которая гласит, что Генеральная Ассамблея ООН и подавляющее большинство государств-членов ООН осудили аннексию Крыма Российской Федерацией⁶. Соответствующая резолюция была одобрена в количестве 100 государств, и только одиннадцать проголосовали против. 58 государств воздержались при голосовании. Германия проголосовала за признание аннексии Крыма российской стороной. Документ призывает международное сообщество не признавать изменения украинских границ и найти дипломатическое решение кризиса.

Вместе с тем, согласно газетному изданию «Die Zeit», 39% или более трети населения Германии выступили за признание вхождения бывшего украинского полуострова Крым в состав РФ. Точки зрения немцев относительно внешней политики

¹ Herold F. Handelspartner Russland stellt Bedingungen // Berliner Zeitung. 2013. N 45.

² Hunderttausende marschieren in Kiew gegen Janukowitsch. Demonstranten zertrümmern Lenin-Statue // Bild. 2013. N 52.

³ Steinmeier: Russland nicht mit Sanktionen in die Knie zwingen // Süddeutsche Zeitung. 2014. N 16.

⁴ Salzen C. Ein Wendepunkt für Europa // Der Tagesspiegel. 2019. N 15.

⁵ Hintergrund: Wie die Krim ein Teil von Russland werden könnte // Berliner Zeitung. 2014. N 23.

⁶ UN-Vollversammlung verurteilt Annexion der Krim // Süddeutsche Zeitung. 2014. N 34.

президента РФ Владимира Путина разделились: в то время как более половины (54%) считают Россию и ее внешнеполитическую деятельность угрозой для Германии, 43% опрошенных не видят непосредственной опасности во внешней политике России. Опрос был проведен среди 1000 респондентов в возрасте старше 14 лет¹. Однако, как сообщает «Frankfurter Allgemeine Zeitung», опрос проводился после того, как бывший премьер-министр Бранденбурга Маттиас Платцек высказался за то, чтобы российская аннексия Крыма была международно урегулирована и, таким образом, признана. Такое заявление вызвало бурную дискуссию среди немецкого населения. Председатель Свободной демократической партии (СвДП) К. Линднер призвал Запад не допускать нарушения международного права со стороны российского президента Владимира Путина: «Нет оправдания действиям Владимира Путина»², — заявил Линднер немецкому пресс-агентству. По его мнению, при всей твердости по поводу крымского вопроса Москве следует предусмотреть проведение диалога и возможности сотрудничества.

Кроме того, «Die Zeit» отмечает, что этот раскол на территории Крыма уже давно является реальностью. Заголовок статьи «Выбираем так, как хочет Путин» отражает факт того, что референдум, на котором, по первым данным регионального правительства, проголосовали 93% с согласием на вхождение в состав РФ, должен лишь якобы демократически узаконить то, что президент России Путин уже давно провел. Такое заявление доказывает факт того, что печатное издание сомневается в честности проведения референдума по крымскому вопросу³.

Следует отметить, что украинский кризис и вхождение Крыма в состав РФ не только вызвали всплеск внимания к «агрессивной» внешней политике России и добавили новые темные краски к палитре для написания ее негативного образа, они еще и послужили основанием для антироссийских санкций со стороны запада. Санкционная политика стала одним из последствий российско-украинского конфликта и привела к дальнейшей международной конфронтации ведущих стран мира, включая Германию, с Россией.

В «Die Zeit» неоднократно публиковались статьи относительно антироссийских санкций. В одной из них было отмечено, что лидеры семи ведущих развитых стран, входящих в число G7, предупредили Россию о возможных последствиях аннексии Крыма: «Если Российская Федерация предпримет такой шаг, мы предпримем дальнейшие действия, как индивидуально, так и совместно»⁴, — говорится в совместном заявлении правительств Германии, Франции, Италии, Японии, Канады, Великобритании и США, подписанном также председателем Совета ЕС и председателем Комиссии ЕС. Кроме того, члены G7 заявили о том, что аннексия Крыма российской стороной будет явным нарушением Устава ООН и дальнейших послевоенных договоров международного права. «Мы призываем РФ незамедлительно прекратить действия по поддержке референдума о статусе Крыма, поскольку это нарушает украинскую конституцию», — было также заявлено членами G7.

Согласно «Die Zeit» и «Berliner Zeitung», в начале марта 2014 г. были ратифицированы первые антироссийские санкции со стороны США⁵, ЕС, Канады, Австралии и Новой Зеландии: «Если Москва вмешается в дипломатический конфликт относительно территорий Крыма, ЕС наложит запреты на въезд и блокировку счетов. Тем

¹ 39 Prozent der Deutschen für Anerkennung der Krim-Annexion // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. N 16.

² 39 Prozent der Deutschen für Anerkennung der Krim-Annexion // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. N 16.

³ Wählen, was Putin will // Die Zeit. 2014. N 11.

⁴ G7 wollen Annektierung der Krim nicht hinnehmen // Die Zeit. 2014. N 12.

⁵ USA und EU beschließen weitere Sanktionen gegen Russland // Die Zeit. 2014. N 15.

же путем пойдет и Брюссель, приняв экономические санкции против России»¹. Санкционная политика, направленная против России, предусматривала ограничение контактов с рядом российских организаций и замораживание активов физических лиц, которые принимали участие в акциях, направленных на нарушение «целостности Украины».

Следующая волна антироссийских санкций со стороны Запада была отмечена в конце марта. Странами ЕС было принято решение о разработке дальнейшей санкционной политики против РФ. Речь велась о визовых ограничениях и блокировке счетов для лиц, ответственных за разделение Крымского полуострова и его присоединение к России. Круг лиц, вошедших в «черные списки» США и ЕС, был расширен. Об этом было заявлено канцлером Германии Ангелой Меркель. Третий этап санкционной политики со стороны ЕС включал разработку нового ряда экономических санкций, направленных против российских государственных банков, импорта и экспорта военной техники, а также нефтегазовой промышленности Российской Федерации².

Стоит отметить, что активная антироссийская санкционная политика со стороны Запада продолжается и по сей день. В немецкой прессе был отмечен большой наплыв статей, посвященных экономическим санкциям против России в период с 2014 по 2019 гг. Однако самый пик санкционного противостояния приходится на 2014 и 2015 гг. Еще в 2014 г. на начальном этапе антироссийской санкционной политики немецкая газета «Süddeutsche Zeitung» сообщала, что экс-министр иностранных дел ФРГ и ныне действующий Федеральный Президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер поставил под сомнение развертывание санкционной политики со стороны ЕС против России. На вопрос, обеспокоен ли он тем, что Россия будет дестабилизирована, если Европа не ослабит санкции, Штайнмайер ответил: «У меня есть беспокойство. Тот, кто хочет смирить Россию экономическими мерами, ошибается, если он считает, что это приведет к большей безопасности в Европе». Госпожа А. Меркель рассматривала этот вопрос иначе. В своем заявлении к Правительству в Бундестаге она подчеркнула, что Европа не позволит России нарушить принципы права и уважения³.

Тем не менее, многие немецкие специалисты отмечают, что в 2014 г. только экономика ФРГ потеряла около 8,5 млрд евро от резкого снижения немецкого экспорта в Россию. Из этого следует, что немецкие предприниматели были разочарованы действиями ЕС⁴. На восточных территориях Германии, по некоторым оценкам, около 30 тыс. рабочих мест напрямую зависит от торговли с Россией. В ноябре 2017 г. в интервью российской газете «Известия» депутат партии «Альтернатива для Германии» М. Фронмайер заявил, что «предприятия Германии уже потеряли более 42 тысяч рабочих мест и некоторые компании обанкротились по причине антироссийской санкционной политики. Очевидно, что антироссийские экономические санкции не только наносят ущерб немецкой экономике, но и препятствуют улучшению благосостояния немецких граждан»⁵.

Кроме всего прочего «Der Spiegel» пишет, что Европейский союз вновь объявил о санкциях в отношении восьми россиян из-за инцидента в Керченском проливе Азовского моря, в ходе которого российская береговая охрана в ноябре 2018 г. атаковала три украинских корабля. Согласно периодическому изданию, это было

¹ Krim-Führung will schnellen Anschluss an Russland // Die Zeit. 2014. N 12.

² USA und EU beschließen weitere Sanktionen gegen Russland // Die Zeit. 2014. N 15.

³ Steinmeier: Russland nicht mit Sanktionen in die Knie zwingen // Süddeutsche Zeitung. 2014. N 16.

⁴ EU-Sanktionen gegen Russland aufgrund der Krise in der Ukraine // Der Spiegel. 2018. N 9.

⁵ Laru V. Germany lost more than 42 thousand jobs due to sanctions [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/671316/dmitrii-laru-anna-khalitova/germaniia-poteriata-iz-za-sanktsiibolee-42-tys-rabochikh-mest>, 2017 (дата обращения: 14.02.2020).

первое прямое военное противостояние между Украиной и Россией со времени аннексии Крымского полуострова в 2014 г. и конфликта на востоке Украины. Вместе с тем, есть некоторые цифры, отражающие актуальную ситуацию. Из-за спорного международного статуса территорий Крыма и вооруженного конфликта на востоке Украины под рестрикции ЕС уже попали 164 граждан Украины и России, а также 44 организации. Однако страны ЕС неоднородны во мнении, следует ли в конфликте более пристально следить за российской экономикой или все-таки следует на что-то закрывать глаза¹.

Обсуждение

В завершение украинского вопроса хотелось бы дать характеристику российско-украинских отношений на современном этапе. В марте 2019 г. на территории Украины были проведены президентские выборы, победу на которых одержал Владимир Зеленский. Согласно немецкой прессе, президент РФ В.В. Путин пытается разными способами эскалировать российско-украинский конфликт посредством провокаций. «Der Spiegel» сообщает: «Путин делает ставку на курс противостояния, который направлен против Владимира Зеленского, нового президента Украины. Глава Российской Федерации заявил, что хочет «разобраться» с позицией Зеленского в отношении украинского конфликта и выразил готовность к проведению переговоров между двумя государствами»². Вместе с тем было отмечено, что Владимир Путин провоцирует нового украинского президента Владимира Зеленского, поскольку глава Кремля планирует в будущем ускорить процесс выдачи российских паспортов всем гражданам Украины³. Однако, согласно «Die Zeit», новый президент Украины Владимир Зеленский ответил главе РФ Владимиру Путину той же монетой⁴. Ныне действующий президент Украины В. Зеленский предоставил россиянам возможность украинской паспортизации. «Мы предоставим украинское гражданство представителям всех народов, страдающих от натиска авторитарного и коррумпированного режима. В первую очередь в круг таких граждан входят россияне, которые сегодня страдают, наверное, в большей степени», — заявил В. Зеленский, особо подчеркивая тот факт, что «в отличие от России, на Украине существует свобода слова, независимые СМИ, свободный и открытый Интернет»⁵.

Таким образом, действия со стороны РФ в урегулировании украинского кризиса и российское участие в крымском вопросе определенно повлияли на формирование актуального международного образа России. По мнению мирового сообщества, Россия, как и прежде, расценивается в качестве «агрессора» и «provokatora» в украинском конфликте. Согласно немецким СМИ, Германия входила в число стран, выступавших за разработку антироссийских экономических санкций в связи с несправедливой внешнеполитической деятельностью РФ в конфликте на территории Украины.

Подводя итоги, следует обозначить основные *выводы*:

- украинский кризис до сих пор остается значимой повесткой дня в немецких СМИ. В большей степени российско-украинские отношения и конфронтация двух государств нашли свое отражение в печатной прессе ФРГ. Стагнация в развитии отношений между Россией и Украиной является лишь подтверждением для Запада, что Россия не готова отступить, тем самым только укореняя свой статус

¹ EU-Sanktionen gegen Russland aufgrund der Krise in der Ukraine // Der Spiegel. 2018. N 9.

² Putin will allen Ukrainern Zugang zu russischen Pässen erleichtern // Der Spiegel. 2019. N 24.

³ Там же.

⁴ Wolodymyr Selenskyj will auch Russen Einbürgerung erleichtern // Die Zeit. 2019. N 18.

⁵ Там же.

«агрессора» и «provokatora» за рубежом. Проведение антироссийских экономических санкций со стороны США и ЕС, согласно западной трактовке — за нарушение международного права и аннексию Крыма, стало попыткой наказания России за ее внешнеполитические решения и действия;

- конструирование образа РФ в Германии происходит, в первую очередь, посредством немецких массмедиа. При наличии различных средств массовой информации, немецкая общественность все еще отдает предпочтение печатной прессе. Население ФРГ расценивает свободу прессы и наличие информационного плюрализма на территории Германии как объективную реальность. Следует подчеркнуть, что для немецких массмедиа, включая печатную прессу, характерно наличие неоднородных позиций в отношении политических событий, как в Германии, так и за ее пределами, что отчасти и привело к неоднородности восприятия внешнеполитической деятельности РФ со стороны немецкой аудитории. Актуальный образ России в зеркале немецкой печатной прессы сквозь призму событий на Украине формировался для немецкой аудитории преимущественно в отрицательной коннотации;
- на сегодняшний день, как по вполне объективным причинам, так и не в последнюю очередь благодаря немецким СМИ, использующим при конструировании образа России множество негативных характеристик, отношения между РФ и ФРГ проходят полосу взаимного отчуждения. Германия, находясь под давлением США и общей политики ЕС, не имеет полной свободы действий. Однако отношения РФ и ФРГ могут перейти на новый уровень с учетом возможного прагматичного сотрудничества двух государств и при условии снижения градуса антироссийской риторики в немецких массмедиа.

Литература

1. Абаев Л. Ч. Анализ результатов экспертного опроса по проблеме «Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России» // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России. М. : РИСИ, 2014. С. 107–126.
2. Антошкин А. В. Напалкова И. Г. Внешнеполитический имидж России на современном этапе: проблемы интерпретации // Международный исследовательский журнал. 2015. № 6 (37). С. 62–64.
3. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн. М. : Аспект Пресс, 2013.
4. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности : монография / под ред. П. А. Цыганкова / Е. Н. Грачиков, П. А. Цыганков, А. В. Манойло и др. М. : Русайнс, 2015.
5. Киселев И. Ю. Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // ПОЛИС. 2004. № 4. С. 116–124.
6. Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93–96.
7. Лепешко Б. М. Украинский кризис: причины, сущность, следствия // Социально-политические науки. 2014. № 2. С. 30–34.
8. Лябухов И. В. Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: возможности и потенциал МИД России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 14–28.
9. Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны. М. : Поколение, 2012.
10. Самутина О. С. Украина и Южный Кавказ: цивилизационные аспекты современных конфликтов на постсоветском пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 4. С. 30–42.
11. Тюкаркина О. Роль коммуникационной стратегии в формировании имиджа современной России // Власть. 2012. № 3. С. 143–145.
12. Фурсов К. К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 129–133.

Об авторах:

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; zeinabb1000@list.ru

Рачкова Дарья Сергеевна, магистрант 1 курса по направлению «Связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация); rachkovadaria.rd@mail.ru

References

1. Abaev L. Ch. Analysis of the results of an expert survey on the problem "Military-political situation in the world and security of Russia" // Military-political situation in the world and security of Russia. M.: RISS, 2014. P. 107–126. (In rus)
2. Antoshkin A. V., Napalkova I. G. The foreign policy image of Russia at the present stage: problems of interpretation // International Research Journal [Mezhdunarodnyi issledovatel'skii zhurnal]. 2015. № 6 (37). P. 62–64. (In rus)
3. Viren G. Modern media: Techniques of information wars. M.: Aspect Press, 2013. 126 p.
4. Russian foreign policy in conditions of global uncertainty: monograph / edited by P. A. Tsygankov / E. N. Grachikov, P. A. Tsygankov, A. V. Manoilo and others. M.: Ruscience, 2015. 280 p. (In rus)
5. Kiselev I. Yu., Smirnova A. G. The image of the state as a factor in the adoption of foreign policy decisions // Political Researches [POLIS]. 2004. № 4. P. 116–124. (In rus)
6. Kotsyubinskaya L. V. The concept of "information war" in modern linguistics: new approaches // Political linguistics [Politicheskaya lingvistika]. 2015. № 4 (54). P. 93–96. (In rus)
7. Lepeshko B. M. Ukrainian crisis: causes, essence, consequences // Socio-political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2014. № 2. P. 30–34. (In rus)
8. Lyabukhov I. V. Formation of a positive image of the Russian Federation in the international arena: opportunities and potential of the Russian Foreign Ministry // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya]. 2012. № 3 (19). P. 14–28. (In rus)
9. Panarin I. Media, propaganda and information wars. M.: Generation, 2012. 411 p. (In rus)
10. Samutina O. S. Ukraine and the South Caucasus: civilizational aspects of modern conflicts in the post-Soviet space // Bulletin of Kemerovo State University [Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. V. 2. № 4. P. 30–42. (In rus)
11. Tyukarkina O. The role of communication strategy in the formation of the image of modern Russia // Power [Vlast']. 2012. № 3. P. 143–145. (In rus)
12. Fursov K. K. "Soft," "tough" and "smart" power in the political discourse of the international crisis around Ukraine // Discourse-Pi [Diskurs-Pi]. 2014. № 2-3. P. 129–133. (In rus)

About the authors:

Zeinab Z. Bahturidze, Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); zeinabb1000@list.ru

Daria S. Rachkova, 1st year master's degree in Public Relations of the Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russian Federation); rachkovadaria.rd@mail.ru

Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху*

Коростелёв С. В.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Глобальная архитектура компьютерных сетей создает дилемму безопасности: в то время как современные информационно-коммуникационные технологии позволяют противникам оспаривать исключительную власть государств над «его собственным» киберпространством, следование традиционным представлениям о суверенитете, соответственно, может ограничивать возможности государств по активному противодействию вызовам и угрозам в глобальных сетях.

Целью исследования является определение возможных объемов применения традиционного территориального концепта суверенитета к деятельности государств в киберпространстве.

В статье раскрывается, что относительно деятельности государств и физических лиц в киберпространстве содержание принципа суверенитета определяется практическими императивами государств и зависит от затрагиваемой сферы межгосударственных и трансграничных взаимодействий. Так, например, для целей ведения боевых действий выделяются три уровня, на которых будут определяться объекты для поражения: физическая сеть, логическая сеть, пользователь сети. Для разработчиков, эксплуатантов и аналитиков сетей важны другие критерии, и, по ряду предложений, глобальная сеть может включать до семи уровней (физический, передачи данных, сетевой, транспортный, сеансовый, представления данных, приложений).

В работе показано, что, несмотря на исключительный характер правомочий и юрисдикции государства в отношении физического уровня киберпространства, его логический и социальный уровни открыты для трансграничных проявлений юрисдикции других государств на основе критерия близости. То есть для тех случаев, когда государства могут установить реальную связь с цифровыми объектами или онлайн-персонами, и, соответственно, осуществлять властные полномочия.

Ключевые слова: киберпространство; определение суверенитета; международное право; юрисдикция; публичный порядок; уровни киберпространства

Для цитирования: Коростелёв С. В. Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 41–49.

The Problem of Shaping the Capacity of Sovereign Powers of a State in the Digital Age

Stanislav V. Korostelev

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Saint-Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

The global architecture of computer networks poses a security dilemma: while modern information and communication technologies allow adversaries to challenge the exclusive power of states over “his own” cyberspace, following traditional notions of sovereignty, respectively,

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) 19-011-00156 А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

may limit the ability of states to actively counter challenges and threats in global networks. The aim of the study is to determine the possible scope of application of the traditional territorial concept of sovereignty to the activities of states in cyberspace.

The article shows that regarding the activities of states and individuals in cyberspace, the scope of the principle of sovereignty is determined by the practical imperatives of states and depends on the sphere of interstate and cross-border interactions affected. Therefore, for example, for the purposes of warfare, there are three levels at which objects for destruction will be determined: physical network, logical network, network user. Other criteria are important for developers, operators and network analysts, and, according to a number of proposals, a global network can include up to seven levels (physical, data transfer, network, transport, session, data, applications).

The article demonstrates that despite the exceptional nature of the powers and jurisdictions of the state in relation to the physical level of cyberspace, its logical and social levels are open to cross-border manifestations of the jurisdiction of other states on the basis of the proximity criterion. That is, for those cases when states can establish a real connection with digital objects or online personalities, and, accordingly, exercise authority.

Keywords: cyberspace; determination of sovereignty; international law; jurisdiction; public order; levels of cyberspace

For citing: Korostelev S.V. The Problem of Shaping the Capacity of Sovereign Powers of a State in the Digital Age // Administrative consulting. 2020. No. 6. P. 41–49.

В настоящее время идет дискуссия о том, насколько широко могут толковаться пределы реализации суверенных компетенций в киберпространстве¹ и возможно ли проводить кибероперации, которые нарушают суверенитет другого государства.

Вопрос о том, как должно определять содержание термина «суверенитет» при расширяющемся взаимодействии в киберпространстве в настоящее время является одним из наиболее спорных вопросов современных международных отношений. Традиционное понимание суверенитета основано на постулате абсолютного контроля географически определенной территории, которая, очевидным образом, может быть делимитирована и демаркирована в процессе взаимодействия с другими суверенными акторами. Однако глобальная архитектура компьютерных сетей исключает расстояние и географию как факторы, абсолютно ограничивающие осуществление властных полномочий государствами, и деятельность не связанных с государствами субъектов. Это в свою очередь неизбежно создает дилемму безопасности: в то время как современные информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) позволяют противникам оспаривать исключительную власть государств над «его собственным» киберпространством, следование традиционным представлениям о суверенитете, соответственно, может ограничивать возможности государств по активному противодействию вызовам и угрозам в глобальных сетях. Также необходимо отметить, что нормативная концепция «суверенитета» является результатом взаимодействия моральной философии и теории права в отношении вопроса объяснения существования и функционирования правовых и политических систем. А юрисдикция — это эмпирическая концепция, которая описывает и объясняет процессуальные аспекты взаимодействий таких систем. В международном дискурсе эти два аспекта неизбежно рассматриваются совместно, но очень часто, по вине пропаганды, в общественном сознании происходит смешение понятий «суверенитет» и «юрисдикция».

¹ Впервые термин «киберпространство» был введен в оборот в 1984 г. в романе «Нейромант» Вильяма Гибсона, где раскрывалась попытка интеграции главного героя в киберпространство, где и руководители были ему неизвестны, для внесения в это пространство имеющейся у него информации. Концепция киберпространства раскрывалась через способ манипулирования общеизвестными фактами или опытом для получения новых смыслов. См.: [4].

Суверенные полномочия государств предоставляют им возможность устанавливать юрисдикцию в отношении лиц, совершающих преступления с трансграничными последствиями. Так, например, Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 11 устанавливает уголовную ответственность лиц, совершивших преступление на территории государства¹, а в ст. 12 — вне ее пределов², если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо ее граждан или постоянно проживающих в России лиц без гражданства, а также в случаях против обязательств государства, закрепленных в международных договорах или иных документах международного характера в сфере уголовно-правовых отношений. Тем самым, государство заявляет о распространении своих властных полномочий за пределы физической территории, таким образом, оспаривая властные полномочия других субъектов международного права в пределах их собственной территории и в отношении подвластных им лиц. То есть происходит столкновение притязаний на осуществление суверенных правомочий.

Таким образом, можно согласиться с тем, что «компетенции государства определяются через присущее ему свойство суверенитета. В самом примитивном понимании «суверенитет» означает исключительную власть, осуществляемую государством в пределах своей территории и в отношении своего населения, и, которая, в некоторых случаях, может осуществляться экстерриториально. В более широком смысле «суверенитет» какого-либо государства следует понимать как меру согласия других участников международного общения с содержанием и способами реализации им своих властных полномочий» [2].

Для построения модели выхода из такой ситуации при защите национальных интересов предлагается исходить из двух крайних парадигм суверенитета [6]. Во-первых, обязанность уважения суверенитета является нормой международного права, нарушение которого является международно-противоправным деянием. В киберконтексте это может проявляться как посягательство на территориальный суверенитет в результате осуществления киберопераций органом государства или иными лицами, чье поведение может быть присвоено какому-либо государству, если физические последствия таких действий сказываются в пределах территориальной юрисдикции другого государства, например, в отношении критичных элементов инфраструктуры, в том числе информационно-коммуникационной инфраструктуры (далее — ИКИ), отдельных объектов, юридических или физических лиц. Так, например, посягательство на суверенитет имеет место при внедрении вредоносных программ в ИКИ другого государства.

Во-вторых, суверенитет по-прежнему является базовой правовой категорией, которая находится в основании организации современного международного порядка и обеспечивается нормами *jus cogens*, такими как запрет на применение силы, содержащийся в ст. 2 п. 4 и п. 7 Устава ООН, либо нормой обычного международного права о невмешательстве³, с которой государства согласились как с со-

¹ В том числе в пределах территориального моря или воздушного пространства, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне государства, на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, а также на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.12.2019).

³ Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом ООН не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между госу-

ставной частью вестфальского концепта суверенного равенства. Но в настоящее время запреты на применение силы и невмешательство во внутренние дела уже не обладают императивным характером *jus cogens* сами по себе вне единого контекста международной жизни, в основе которого лежит общий интерес безопасного сосуществования. Государство, конечно же, имеет право противодействовать угрозам, исходящим с территории других государств, для обеспечения собственной национальной безопасности. Такого рода деятельность может опираться на концепцию «суверенитет как обязанность»¹, впервые сформулированную в Докладе тысячелетия Генерального секретаря ООН², в котором поднимался вопрос соотношения международно-правовых принципов суверенитета и невмешательства.

Балансируя между этими двумя крайними воззрениями на концепцию суверенитета, можно выделять также *ad hoc* подходы к толкованию содержания суверенитета относительно деятельности государств и физических лиц в киберпространстве. С этой точки зрения суверенитет является принципом, содержание которого определяется практическими императивами государств и зависит от затрагиваемой сферы межгосударственных и трансграничных взаимодействий.

Но и в этом случае представляется очевидным, что проблема согласования интересов государств в киберпространстве, по существу, не является новой. На первый взгляд есть факт сосуществования юридически несопоставимых парадигм. Но если исходить из того, что нормы международного морского, воздушного и космического права также согласовывались, отталкиваясь от территориального аспекта концепции суверенитета, то и киберправо в значительной своей части также может быть описано и объяснено в тех же самых терминах.

В общем случае, органы государственной власти не делают выводов о том, что киберактивность сама по себе является нарушением суверенитета, даже если эти действия имеют место и/или их последствия сказываются в другом государстве, но только если при этом не затрагивается публичный порядок (не затрагиваются государственные функции государства-объекта вмешательства) и последствия такой активности в инфраструктуре и на территории другого государства не причиняют масштабного ущерба и вреда.

Именно покушение на публичный порядок (*ordre public*) и масштаб последствий определяют правовые и политические пороги для киберактивности в отношении конкретного государства.

Для определения таких порогов на государство возлагается политическое обязательство по публичному заявлению своих взглядов на то, как существующее международное право применимо к поведению акторов в киберпространстве.

Учитывая, что традиционное понимание суверенитета исторически доктринально связывается с осуществлением власти в географически определенном пространстве, сразу же возникает вопрос, в каком объеме его можно применить к киберпростран-

дарствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 16.12.2019); Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 03.12.2019).

¹ Сущность данной концепции заключается в том, что «суверенитет предполагает строгое соблюдение обязательств перед своим народом и наделение определенными международными привилегиями: государство, выполняющее основные обязательства по защите и обеспечивающее основные права человека, защищено от вторжения из-за рубежа». См.: [1].

² Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря, п.п. 215–219 [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.06.2015).

ству, в котором непрерывно осуществляются трансграничные взаимодействия. Не менее важным является вопрос, насколько эта деятельность подчиняется юрисдикции государств, если она осуществляется на основе технической инфраструктуры, не связанной с их территорией.

Киберпространство в некотором смысле является *res communis omnium* — общим достоянием человечества, в котором взаимодействия осуществляются на принципах взаимосвязанности, анонимности и простоты входа. Возможно, что как когда-то в международном морском праве были сформулированы принципы (свободы открытого моря), которыми руководствуются все участники деятельности в морских пространствах, в том числе, не имеющие выхода к морю, и установлен правовой режим для различных категорий морских пространств, сходным образом следует подходить к формированию правового режима киберпространства, состоящему из различных зон (слоев), объем правомочий государств в которых будет определяться в зависимости от масштаба связанности конкретной структуры интернета с территорией государства, — центрального элемента концепции суверенитета.

Сложность описания правового режима киберпространства коренится в его «многоуровневой» организации, где предмет описания, либо регулирования киберпространства, т. е. число таких назначаемых уровней зависит только лишь от целей обращения к нему. Киберпространство едино, но, например, для целей ведения боевых действий, выделяются три уровня, на которых будут определяться объекты для поражения: физическая сеть, логическая сеть, пользователь сети (*cyber-persona*)¹. Для разработчиков, эксплуатантов и аналитиков сетей важны другие критерии, и, по ряду предложений, глобальная сеть может включать до семи уровней (физический, передачи данных, сетевой, транспортный, сеансовый, представления данных, приложений)².

Многоуровневая организация, в свою очередь, позволяет описать и объяснить особенности правового регулирования для деятельности в киберпространстве по сравнению с физическим географически определенным пространством: хотя технические компоненты, которые составляют основу глобальных компьютерных сетей, имеют уникальное физическое местоположение, оно само по себе лишь в исключительных случаях интересует пользователей киберпространства. Необходимость особого регулирования киберпространства формируют логический и социальный уровни, которые создают глобальную платформу для обмена информацией, услугами и осуществления практически безграничного числа видов деятельности без оглядки на границы между государствами. Но поскольку в международном сообществе все взаимодействия осуществляются относительно концепта государственного суверенитета, то возникает вопрос о применимости в киберпространстве традиционной нормы, содержащей абсолютный запрет каких-либо посягательств на территориальные правомочия государств, или необходимости ее толкования таким образом, чтобы была возможность учесть особенности организации киберпространства. В некоторых случаях в качестве точки отсчета для анализа структуры киберпространства и распределения властных полномочий акторов представляется возможным исполь-

¹ Joint Publication 3-12. Cyber Space Operations. Ch. I. 2. The Nature of Cyberspace [Электронный ресурс]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_12.pdf (дата обращения: 21.03.2020).

² Jerry C. Whitaker (ed), Systems Maintenance Handbook. 2nd edn. CRC Press LLC. 2002. Ch. 17 "Network Concepts" [Электронный ресурс]. URL: <https://epdf.pub/electronic-systems-maintenance-handbook-second-edition.html> (дата обращения: 15.12.2019); ГОСТ Р ИСО/МЭК 7498-4-99. Информационная технология. Взаимосвязь открытых систем. Базовая эталонная модель. Ч. 4. Основы административного управления. [Электронный ресурс]. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=124253&pageK=34DF434B-29DA-47D3-96C9-D7AB1D535D5D> (дата обращения: 09.12.2019).

зование концепции «Человек в центре (Man-in-the-Middle)»¹, когда лицо, осуществляющее какие-либо действия вне зависимости от физического нахождения и осуществляемых функций, подчинено юрисдикции определенного государства.

В приведенных выше примерах, а также в аналогичных случаях мы видим разделение суверенных правомочий в отношении физически определенной территории государств (где могут храниться данные), и их правомочий в отношении данных. Хотя государство обладает юрисдикцией в отношении размещенной на его территории инфраструктуры и находящихся в ней данных, сами данные уже, как правило, не увязываются с его территорией. Как считает Комиссия Европейского союза, государства не обладают исключительными правами на регламентацию доступа к информации², в отличие от прав контроля государственной территории. Конечно же, это не относится к чувствительной правительственной информации. А собственно, правом на регулирование доступа к информации обладает государство, на территории которого предлагаются услуги и/или находятся пользователи информации.

В данном контекста очень полезным является рассмотрение проблемы реализаций суверенных правомочий в отношении ИКИ и данных правительством Эстонии. Предполагая, что ИКИ в пределах национальной территории может быть разрушена извне, правительство Эстонии реализовало концепцию «электронного посольства»³. В первом случае — это «физическое посольство», когда правительственная и иная важная для населения информация, например, о правах собственности, а также персональные данные хранятся на ресурсах, которые находятся на территориях дипломатических представительств Эстонии в дружественных государствах. Во-вторых, в случае «виртуального посольства» данные размещаются на частных облачных ресурсах.

Это положение свидетельствует о сосуществовании двух «параллельных» юрисдикций. Первая основана на принципе территориальности ИКИ, хранящей данные, другая — на территориальной доступности предлагаемых услуг и национальности или местожительства владельца данных. Поэтому подобно тому, как это сделано в морском праве, мы можем концептуализировать киберпространство как состоящее из разных зон — или слоев — суверенных полномочий, в зависимости от близости к сфере исключительной государственной власти, которая составляет ядро суверенитета.

Современная международная практика, равно как и национальное законодательство и судебные решения, касающиеся юрисдикции в отношении трансграничной деятельности, показывают, что, хотя государства подчеркивают исключительный

¹ См. например: [5].

² См. Предложения к правилам Европейского парламента и Совета по Европейскому ордеру о представлении и сохранности электронных доказательств в уголовных делах: «The data ordered through a European Production Order should be provided directly to the authorities without the involvement of authorities in the Member State where the service provider is established or represented. The Regulation also moves away from data location as a determining connecting factor, as data storage normally does not result in any control by the state on whose territory data is stored. Such storage is determined in most cases by the provider alone, on the basis of business considerations». Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on European Production and Preservation Orders for Electronic Evidence in Criminal Matters. COM/2018/225 final — 2018/0108 (COD). Chapter 1: Subject Matter, Definitions and Scope. Art. 1: Subject Matter [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A225%3AFIN> (дата обращения: 12.12.2019).

³ Implementation of the Virtual Data Embassy Solution. Summary Report of the Research Project on Public Cloud Usage for Government, Conducted by Estonian Ministry of Economic Affairs and Communications and Microsoft Corporation [Электронный ресурс]. URL: https://www.mkm.ee/sites/default/files/implementation_of_the_virtual_data_embassy_solution_summary_report.pdf (дата обращения: 17.12.2019).

характер своих правомочий и юрисдикции в отношении физического уровня киберпространства в силу принципа территориальности, его логический и социальный уровни открыты для трансграничных проявлений юрисдикции других государств в силу самой структуры интернета. Можно утверждать, что киберпространства открыты для осуществления государственной власти на основе критерия близости, т. е. в тех случаях, когда государство может установить подлинную связь с цифровыми объектами или онлайн-персонами (пользователь сети (*cyber-persona*))¹, в отношении которых могут осуществляться властные полномочия.

Подобно критерию «подлинной связи», установленному Международным судом ООН в делах *Nottebohm*² и *Barcelona Traction*³, используемому для определения того, может ли государство осуществлять экстерриториальную юрисдикцию, критерий близости описывает степень связи между данными или услугами, хранящимися за границей, и государством. Поэтому близость не устанавливает абсолютного критерия, а скорее относительного, в зависимости от конкретной ситуации и интересов соответствующих государств. Следующие критерии, установленные в случаях, касающихся экстерриториального доступа к данным, могут включать факторы для определения близости в случаях перекрывающихся притязаний на суверенитет: степень, в которой затрагиваются территория и интересы (последствия — вред, ущерб) конкретных государств, местоположение и национальность владельца данных, основная территория, с которой осуществляется доступ к данным, и на которую они адресуются, а в случае предоставления услуг — характер и масштабы связей поставщика услуг с конкретным государством. Существует точка зрения, что «неэффективность осуществления государственного контроля в сфере международного информационного обмена может быть связана с неадекватностью средств его осуществления, а не с отсутствием необходимости контроля. Нельзя не учитывать, что государственный контроль в той или иной области вводится в силу необходимости обеспечения реализации правовых норм, а не потому, что государство произвольно избирает область, в которой государственный контроль осуществлять будет несложно. В отношении международного информационного обмена необходимость государственного контроля обусловлена существованием запретов и ограничений на распространение информации» [3]. В этой позиции также подтверждается тезис о том, что пределы киберпространства и объем его регулирования и заявления суверенных правомочий определяются лишь самим затронутым государством самостоятельно путем заявления об этом через принятие нормативных актов и его возможностями по распространению своей юрисдикции вне национальной территории.

Неразвитость современного международного правового режима противодействия информационным угрозам и неопределенный объем суверенных полномочий государств в глобальных сетях объясняются тем, что международное сообщество обычно не ведет переговоры по разработке и заключению договоров для решения проблем до тех пор, пока их последствия, а не гипотетические возможности, не начнут ощущаться. Лишь проявление последствий какой-либо деятельности дает толчок к решению возникающих проблем. Так, например, «начало развития тяжелой воздушной авиации совпало с Первой мировой войной, во время которой была ясно продемонстрирована военная мощь самолетов для сбора разведывательных данных, нападения на наземные силы и бомбардировки вражеских городов. Результатом

¹ Joint Publication 3-12. Cyber Space Operations. Ch. I. 2. The Nature of Cyberspace.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/18/summaries> (дата обращения: 16.12.2019).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/5389.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).

стал крайне ограниченный режим воздушного права, при котором любое вхождение в воздушное пространство страны без его разрешения следует рассматривать как серьезное нарушение ее суверенитета и территориальной целостности»¹. Данное положение контрастирует с положениями космического права, которые определяют доступность космического пространства для использования всеми, поскольку в начале космической эпохи аппараты для исследования космоса не представляли угрозы для объектов на земле, в отличие от летательных аппаратов, несмотря на то, что и в одном и другом случае происходят пролеты над территорией государств. Именно отсутствие угрозы наземным объектам стало тем фактором, который определил, что находящиеся на орбите объекты находятся за пределами территориальных притязаний любой нации.

Что касается физического уровня киберпространства, то подконтрольность государству является абсолютно преобладающей по критерию территории в дискуссии об объеме суверенных правомочий. Это отражает международный консенсус о применимости международного права в киберпространстве, описанный Группой правительственных экспертов ООН в докладах за 2013² и 2015 гг.³, в которых установлено, что суверенитет и правила юрисдикции государства применяются к ИКИ, расположенной на территории государства.

Так, например, п. «е» Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности⁴ подтверждает права и обязанности каждого государства, в соответствии с надлежащими нормами и правилами, в отношении законной защиты своего информационного пространства и критической информационной инфраструктуры от ущерба в результате угроз, вмешательства, атак и актов агрессии. То есть речь идет, прежде всего, о территориальных правомочиях государств. Очевидным образом следует предполагать, что суверенные правомочия государства не могут быть распространены на логический и социальные уровни интернета, и возможно говорить лишь о праве осуществления юрисдикции государства в ограниченном числе ситуаций, например, определенных в ст. 11 и 12 Уголовного кодекса России.

Государства регулярно отстаивают свое право на осуществление юрисдикции над компонентами физического уровня, например, устанавливая нормативные стандарты или требования безопасности. И также можно заявить, что какого-либо «информационного» суверенитета существовать не может вне пределов государственной территории. Не может же государство заявлять о праве устанавливать какие-либо правила в отношении информационного пространства, элементы инфраструктуры которого и, тем более, информация физически находятся вне его территориальной юрисдикции. Нельзя смешивать понятия «суверенитет» и «юрисдикция». И, следовательно, можно сделать вывод о том, что киберпространство едино, поскольку в противном случае государство не смогло бы присвоить ответственность за действия каких-либо международных акторов, если их действия осуществлялись в пределах физической территории другого государства, а последствия сказались на территории

¹ См.: U.S. Department of Defense Office of General Counsel. An Assessment of International Legal Issues in Information Operations. May 1999. P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/irp/eprint/io-legal.pdf> (дата обращения: 05.12.2019).

² Документ ООН A/68/98 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/371/68/PDF/N1337168.pdf?OpenElement>.

³ Документ ООН A/70/174 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения: 03.12.2019).

⁴ Приложение к письму постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. Документ ООН A/66/359 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/66/359&Lang=R (дата обращения: 10.12.2019).

государства-объекта вмешательства. О том, что в этом вопросе существует согласие между большинством государств, даже теми из них, которые придерживаются совершенно полярных воззрений на объем прав и обязанностей государств в киберпространстве, можно найти подтверждение в практике государственных органов США и Китая.

Литература

1. Коростелёв С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях // Управленческое консультирование. 2015. № 8. С. 26–31.
2. Коростелёв С. В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 19–29.
3. Талимончик В. П. Обеспечение верховенства международного права в эпоху информационных технологий / Верховенство права на национальном и международном уровнях как приоритет деятельности ООН и суверенных государств: Материалы международной научно-практической конференции 6 сентября 2019 года / под ред. Е. М. Абайдельдинова, А. Х. Абашидзе, Р. К. Сарпекова, М. Ж. Куликпаевой. Нур-Султан, 2019. С. 206–217.
4. Punday D. The Narrative Construction of Cyberspace: Reading Neuromancer, Reading Cyberspace Debates. College English; Urbana. Vol. 63, 2. November 2000. P. 194–213.
5. Li Cheng. Cyberspace Reliabilities Revisit: New Challenges and Approaches. The College of William and Mary, ProQuest Dissertations Publishing, 2019. ProQuest Number: 13881565.
6. Eric Talbot Jensen. The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // Georgetown Journal of International Law. Vol. 48. 2017. P. 740–744.

Об авторе:

Коростелев Станислав Валентинович, Ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Korostelev S. V. "Responsibility to Protect" as a political and legal justification for acts of use of force in international relations // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 8. P. 26–31. (In rus)
2. Korostelev S. V. To the definition of the phenomenon of terrorism: influence of the legacy of the Nuremberg Tribunal // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 19–29. (In rus)
3. Talimonchik V. P. Ensuring the Rule of International Law in the Age of Information Technology / The Rule of Law at the National and International Levels as a Priority of the Activities of the UN and Sovereign States: Materials of the International Scientific and Practical Conference on September 6, 2019/ed. E. M. Abaideldinov, A. H. Abashidze, R. K. Sarpekov. Nur-Sultan, 2019. 712 p. P. 206–217. (In rus)
4. Punday D. The Narrative Construction of Cyberspace: Reading Neuromancer, Reading Cyberspace Debates. College English; Urbana. Vol. 63, 2. November 2000. P. 194–213.
5. Li Cheng. Cyberspace Reliabilities Revisit: New Challenges and Approaches. The College of William and Mary, ProQuest Dissertations Publishing, 2019. ProQuest Number: 13881565.
6. Eric Talbot Jensen. The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // Georgetown Journal of International Law. Vol. 48. 2017. P. 740–744.

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges, PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru

Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутриполитических процессах современной Шотландии

Тюрин Е. А. *, Савинова Е. Н., Агабабов А. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), Орел, Российская Федерация; *Turin.of.Foveran@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается идентичность шотландских мусульман как нетрадиционное для Шотландии социокультурное проявление глобализации региональных социально-политических процессов. Актуальность данной темы обусловлена тем, что число мусульман в составе шотландского населения в последнее десятилетие активно возрастает. В этой связи спектр вопросов по поводу будущего национального суверенитета Шотландии существенно расширяется, требуя поиска научно-теоретических и практических ответов. Исследовательской целью статьи является анализ влияния исламской идентичности на внутриполитические процессы в Шотландии. Для реализации данной цели авторы опирались на общелогический, институциональный, констатационно-фактологический, сравнительный методы, применяемые в политической науке. Кроме того, в статье использованы данные социально-антропологических и психологических исследований, проводившихся по рассматриваемой проблематике зарубежными коллегами. В результате проведенного исследования авторы выявили активизацию деятельности шотландских властей, вынужденных в рамках внутренней политики разрабатывать комплексные мероприятия, направленные на шотландцев, исповедующих ислам. В статье затрагиваются вопросы политического участия мусульман, исламского экстремизма и другие, практическое решение которых, по мнению авторов, связано с проблемой интеграции мусульман в шотландское общество (традиционно христианское). В этой связи особое значение авторы придают особенностям исламской идентичности в современном шотландском обществе. Авторы приходят к выводу, что данная идентичность является социокультурным проявлением глобальных цивилизационных процессов и содержит в себе множество внутренних противоречий, обусловленных целым рядом объективных причин, основной из которых является несоответствие друг другу двух цивилизационных кодов: традиционного (исконно шотландского, христианского, европейского) и нетрадиционного (привнесенного извне, мусульманского, азиатского).

Ключевые слова: Шотландия, глобализация, регионализация, политические процессы, исламский фактор, идентичность мусульман

Для цитирования: Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Агабабов А. Р. Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутриполитических процессах современной Шотландии // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 50–63.

The Identity of Scottish Muslims as a Socio-cultural Manifestation of Globalization in the Domestic Political Processes of Modern Scotland

Evgeny A. Turin*, Elena N. Savinova, Alexander R. Agababov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA), Orel, Russian Federation; *Turin.of.Foveran@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers the identity of Scottish Muslims as a non-traditional for Scotland socio-cultural manifestation of globalization of regional socio-political processes. The relevance of this topic is determined by the fact that the number of Muslims as a part of population of Scotland has been growing rapidly over the past decade. In this regard, the range of questions about the future national sovereignty of Scotland is significantly expanding, requiring the search for scientific, theoretical and practical answers. The research goal of the article is to analyze the influence of Islamic identity on domestic political processes in Scotland. To achieve this goal, the authors rely on general logic, institutional, stating factual and comparative methods used in political science. In addition, the article uses the data of socio-anthropological and psychological research conducted on the subject by foreign colleagues. As a result of the research, the authors identified the activation the Scottish authorities' activities, who are forced (within the framework of internal policy) to develop comprehensive measures aimed at Scots who confess Islam. The article deals with the issues of political participation of Muslims, Islamic extremism and others, the practical solution of which, according to the authors, is connected with the problem of Muslims integration into the Scottish society (traditionally Christian). In this regard, the authors attach particular importance to the peculiarities of Islamic identity in the modern Scottish society. The authors come to the conclusion that this identity is a socio-cultural manifestation of global civilizational processes and it contains plenty of internal contradictions caused by a number of objective reasons, the main of which is the discrepancy between two civilizational codes: the traditional (native Scottish, Christian, European) and the non-traditional (brought from the outside, Muslim, Asian).

Keywords: Scotland, globalization, regionalization, political processes, Islamic factor, identity of Muslims

For citing: Turin E. A., Savinova E. N., Agababov A. R. The Identity of Scottish Muslims as a Socio-cultural Manifestation of Globalization in the Domestic Political Processes of Modern Scotland // Administrative consulting. 2020. No. 6. P. 50–63.

Введение

На первый взгляд сама постановка вопроса о наличии исламской идентичности в Шотландии может показаться парадоксальной, учитывая традиционные для этого региона идентичности¹ — шотландскую, христианскую, британскую, европейскую, клановую и иные. Традиционные идентичности формировались в Шотландии на протяжении многих столетий и продолжают развиваться в настоящее время [1]. Тем не менее, факт современных социокультурных трансформаций в Шотландии, испытывающей на своем региональном уровне влияние глобальных процессов, дает право говорить о появлении нетрадиционных черт в идентичностях шотландского населения. В этой связи, конечно, невозможно игнорировать рост численности шотландцев², исповедующих ислам. Безусловно, речь идет прежде всего об

¹ В отечественном обществоведческом научном знании неоспоримый вклад в изучение идентичностей шотландцев внесли исследования А. Ю. Апрыщенко. Наиболее существенными работами данного автора по рассматриваемой проблематике являются: «Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация» (Ростов-на-Дону, 2006); «Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX вв.» (Ростов-на-Дону, 2008); «Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей» (СПб., 2016).

² Здесь и далее авторы следуют принципу, согласно которому шотландцами в Шотландии издавна считаются представители самых разных этнических групп, а главным критерием выступает постоянное проживание на территории Шотландии. Подобная толерантность объясняется, в том числе, весьма разнообразными генетическими примесями у шотландцев. См.: Companion website for "A genetic atlas of human admixture history", Hellenthal et al, Science. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://admixturemap.paintmychromosomes.com/> (дата обращения: 16.07.2019).

осевших в Шотландии выходцах из мусульманских регионов бывшей Британской империи и современных стран Ближнего и Среднего Востока. Нельзя не обращать внимания и на то обстоятельство, что имеется некоторый (весьма незначительный, но, тем не менее, увеличивающийся) процент шотландцев, принимающих ислам, именно, как результат личных духовно-религиозных исканий и убеждений, а не в силу, например, этноконфессиональных особенностей своих семей¹.

Как полагают специалисты из университетов Эдинбурга и Глазго, в ближайшее десятилетие мусульманское население Шотландии может увеличиться вдвое. Согласно результатам исследований, опубликованным в онлайн-издании «Herald Scotland», среди шотландцев достаточно многочисленную группу составляют дети-мусульмане в возрасте до 15 лет, хотя, при этом, увеличивается и количество пожилых адептов ислама². В связи с увеличением доли мусульман в шотландском обществе, возник целый ряд проблем, являющихся предметом внутренней политики Шотландии: политического участия мусульман, мусульманского образования, исламского экстремизма и других. Практическое решение названных проблем в той или иной степени связано с темпами и особенностями интеграции мусульман в шотландское общество (традиционно христианское), что, в конечном итоге, обуславливает характер проявления исламской идентичности в социально-политических процессах современной Шотландии, а также специфику влияния данной идентичности на этничность шотландцев. Так или иначе, все упомянутые аспекты вписываются в телеологию рассматриваемой проблематики [2, с. 118–127], актуализируясь на фоне активизации национального самосознания шотландцев и вновь раздающихся голосов о необходимости выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства в связи с Brexit.

Несомненно, ислам все активнее проявляет себя политически, символически, духовно в таких сложившихся образованиях, каковыми являются традиционные социокультурные локусы христианской Европы (в том числе, Шотландия). Это вызвано иммигрантским потоком из стран Ближнего Востока. «Исламизация», в свою очередь, начинает порождать панику в рядах европейцев, что, в свою очередь, вызывает горячие социальные дискуссии (отражаясь на законотворческой деятельности) и способствует возникновению новых политических объединений (довольно часто, националистического и исламофобского толка).

Таким образом, актуальность заявленной авторами темы обусловлена тем, что рост числа мусульман в составе шотландского населения в последнее десятилетие активно возрастает, а этот факт, в свою очередь, является социокультурным проявлением глобализации внутривнутриполитических процессов в Шотландии. В этой связи спектр вопросов по поводу будущего шотландского государственно-национального суверенитета существенно расширяется, требуя поиска научно-теоретических и практических ответов.

Теоретические основы

Исследовательской целью статьи является анализ влияния исламской идентичности на внутривнутриполитические процессы в Шотландии, хотя, при этом, следует отметить, что в рамках обществоведческого научного дискурса вопросы влияния различных идентичностей на социально-политические процессы в разных странах поднимают-

¹ См. например: Шотландец принял ислам, не встретившись ни разу с мусульманами // Азан / Мировые новости / Новообращенные мусульмане [Электронный ресурс]. URL: <https://azan.ru/ahbar/read/shotlandets-prinyal-Islam-ne-vstretivshis-ni-razu-s-musulmanami-10778> (дата обращения: 17.07.2019).

² См. «Herald Scotland» (официальный сайт онлайн-издания) [Электронный ресурс]. URL: www.heraldscotland.com (дата обращения: 17.07.2019).

ся с известным постоянством¹. При этом используется различный методологический инструментарий, подробное концептуальное раскрытие которого останется за пределами ограниченных рамок статьи. Тем не менее необходимо указать, что для реализации означенной цели авторами были применены общелогический, институциональный, констатационно-фактологический, сравнительный методы, применяемые в политической науке. Кроме того, авторы опирались на материалы социально-антропологических и психологических исследований, проводившихся по рассматриваемой проблематике отечественными и зарубежными коллегами, среди которых мы отметили бы Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, И. Уоллерстайна, М. Биллинга, Э. Смита, Ф. Бекхофера, Дж. Джозефа, М. Хетчера, Д. Маккроуна, К. Харви, Дж. Грина, С. Барбура, Т. Нейрна, Т. Девайна, Ч. Патти, Д. Денвера, Дж. Митчелла, Х. Бочела, В. Богданера, А. Ренвика, Д. Галлахера, М. Линклейтера, М. Китинга и др. Среди отечественных авторов следует выделить В. Ю. Апрыщенко, А. А. Громыко, Н. В. Еремину, П. О. Каракчиева, В. В. Руднева, Я. И. Мальцева, А. В. Новикова, Е. А. Устюжанинову, Е. А. Жорова, Т. Л. Андрееву, А. С. Васильеву, Г. С. Остапенко, О. Троицкую, Т. В. Черноморову, М. В. Королеву, Н. В. Ласкову и др.

Можно констатировать, что научное осмысление проблем идентичности в контексте исследования общественно-политических процессов происходит под разными углами зрения: одни исследователи касаются данных вопросов в рамках изучения проблем развития наций и этносов; других интересует нациестроительство; третьи берут для анализа исторические аспекты идентичности; четвертые рассматривают государственную национальную политику; пятые затрагивают политико-идеологические и мировоззренческие грани национализма и т. д. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей сходятся на признании важности изучения вопросов идентичности как существенном факторе, влияющем на характер протекания социально-политических процессов в том или ином регионе мира.

Обсуждение

Термин «идентичность», являясь в некотором смысле «нечеткой» категорией, тем не менее подвергся до такой степени тщательному изучению в социальных науках, что некоторые исследователи считают его использование нецелесообразным [8, р. 1–47]. Вдобавок к этому, названный термин отчасти пересекается с понятием «я». «Я» — это одновременно мышление, действие и чувство привязанности к агенту в пределах его/ее субъективности или описания этой субъективности с точки зрения того, что отлично от «я» [27]. Различные концепции «я» в социальных науках варьировались от сосредоточения на самоанализе и изучении себя [3; 12, р. 117–140] до определения личности в отношении индивида к социальному миру [21; 24]. Точно так же идентичность может рассматриваться и как продукт индивидуальных процессов [11], и как продукт предписаний социальных структур, которые формируют и конструируют различные идентичности [32, р. 184–193].

Причины возникновения различий в этих подходах при изучении идентичности можно рассматривать как отход от более проблемных и существенных концепций, которые могут создавать соответствующие теоретические основания для межгрупповой дискриминации и конфликтов в рамках социально-политической практики [9; 14, 1–17; 18, р. 411–425; 30, р. 371–391]. Все это позволяет рассматривать идентичность (так же, как и категорию «я») как текучую, податливую терминологию

¹ Подробнее см.: Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Этничность как социокультурная основа развития политического процесса в современной Шотландии: теоретико-методологические аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1606–1610 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54585.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

ческую конструкцию, которая постоянно обсуждается и изменяется [19, р. 145–162; 25, р. 921–945]. Таким образом, понимание эволюционной изменчивости терминов «идентичность» и «я» позволяет нам лучше понять двойственную функциональность их природы. С одной стороны, люди должны принадлежать к группам, объединяющим их чувством единства истории и общественных целей [29], что отражает функцию идентичности, служащей для поддержания у индивидуумов и групп ощущения социально-политической стабильности и культурно-исторической преемственности. С другой стороны, идентичность должна предоставлять людям возможность отличать себя от других [3] и позволять группам постоянно поддерживать свое «я», чтобы адаптироваться к постоянно меняющимся социальным реалиям [22]. Все сказанное позволяет проводить параллели с двойной функцией систем социального знания и социальных репрезентаций.

Таким образом, по сути системы знаний, специфичные для каждой конкретной группы, служат для ее определения и отличают ее от других групп. Формы здравого смысла, характеризующие социальные группы, имеют особую историческую траекторию, в которой находится группа: 1) откуда она исходит, 2) где она находится в более широкой социальной структуре, 3) куда она движется [4, р. 163–186]. Кроме того, социальные представления обладают преобразующим потенциалом, который позволяет помещать знания о ранее неизвестном или отсутствующем явлении в системы знаний, характерные для различных групп [5, р. 379–404; 13; 22]. Иными словами, социальные представления предоставляют людям значимые объективации различных элементов в их окружении, посредством которых объекты приобретают значение для того или иного сообщества [4, р. 163–186].

Напротив, социальные репрезентации имеют предписывающий потенциал, который позволяет существующим, хорошо зарекомендовавшим себя системам знаний ежедневно информировать о жизненном мире. Таким образом, человеческие субъекты взаимно взаимодействуют с элементами своего окружения и через них [26, р. 451–463] объективными способами, которые считаются разумными и значимыми для других субъектов в их социальной среде [31]. Обе позиции объединяет идея о том, что индивиды вовлечены в социальные процессы конструирования знаний, мотивированные необходимостью знакомить незнакомых людей [23, р. 3–69]; и что они воспринимают мир как сообщество [6, р. 335–354], чтобы сделать повседневную практику, обусловленную более функциональной социальной средой. Получающиеся в результате системы здравого смысла позволяют субъектам общаться и действовать согласованно. Они знакомят их с окружающей средой и устанавливают границы, которые бессознательно позволяют им просто «не быть» в повседневной практике. Означенные системы здравого смысла обязательно оформляются с точки зрения существующих знаний и убеждений, что обеспечивает историческую преемственность в различных социальных группах и поддерживает чувство единой групповой истории, а значит, и идентичности.

Результаты

В настоящей статье авторы подходят к вопросу изучения социальных репрезентаций шотландских мусульманских общин с точки зрения понятий «идентичность» и «я», трактуя их как «диалогичные» и «трансформирующие». Такой подход позволяет рассматривать личность в неразрывной связи с социальными знаниями и распространяющимися на них репрезентациями. Кроме того, это дает возможность концептуализировать идентичность как непрерывный конструкт, содержащий элементы одинаковости и последовательности, а также как нечто, что постоянно претерпевает изменения и трансформации посредством расширения в перманентно меняющейся социально-политической среде. При этом мы, ориентируясь на раз-

работки теории диалогического «я», опираемся на традицию понимания народами и отдельными их представителями себя как социально сложившихся и рефлексивных явлений [17]. Для такого взгляда на себя и социальные отношения важны идеи рефлексивности и перспективного восприятия (межсубъективности). По сути, диалогическая теория самости позволяет нам понять, как социальные репрезентации отражаются в самости и как согласование различных «я»-позиций приводит к формированию, сохранению и развитию идентичности. При этом внимание уделяется «предписывающему» характеру социальных знаний, что позволяет сместить акцент с таких конструктов, как «я» и «идентичность» на социальные знания и их использование в формировании новых способов познания и бытия.

В данной статье использовались данные различных исследований, в рамках которых выявлялись часто испытываемые противоречия между исламским образом жизни и жизнью в Великобритании. Конечно, соединение таких проявлений идентичности как «мусульманскость» и «шотландскость» («британскость», «европейскость») может и не быть проблематичным, тем не менее эти различия делали сами исследуемые, четко отличая «шотландскость» («британскость», «европейскость») от «мусульманскости». Мы утверждаем, что те участники, которые предпочитают придерживаться мусульманских установлений, несмотря на трудности применения их в повседневной жизни, пытаются сохранить онтологическую функцию идентичности. Те же, кто решается нарушить предписания ислама в пользу облегчения своей жизни в определенных сферах, выбирают прагматическую функцию идентичности [10, р. 41–58]. Это отражает двойную функцию как идентичности, так и социального знания в обеспечении стабильности, которая требует верности определенному образу существования (онтологическая функция), а также необходимость адаптации и воспроизведения новых способов существования (прагматическая функция). Эти функции идентичности сами по себе не являются взаимоисключающими, и может случиться так, что в других случаях люди будут находить онтологические возможности решения проблем прагматического характера. Тем не менее мы отмечаем, что различие между этими двумя функциями может быть причиной, которая провоцирует внутренний конфликт личности для лиц, воспринимающих эти две проблемы как противоречащие друг другу. Имея ввиду две названные функции идентичности, мы можем выйти за пределы простого «дискурса об идентичности» и точно указать, о чем идет речь в случаях наличия этих противоречий.

Вопрос о том, ощущают ли мусульмане угрозу своей идентичности, имеет ключевое значение для понимания вектора развития исламского мировоззрения. Эта угроза, в каком-то смысле, предопределяет их самоидентификацию, повседневные социальные практики и политическое поведение, что в полной мере показательным на примере Шотландии (и Великобритании в целом).

Представление ислама и мусульман в английских СМИ (да и, в целом, в британских) отражает негативные ассоциации, что особенно актуально в отношении набожных и практикующих мусульман [28, р. 257–270]. Сочетаясь с экономической ущербностью, а также прямой и институциональной дискриминацией, все это создает у мусульман ощущение неполноценности и исходящей от Лондона угрозы. Это ощущение усугубляется необходимостью интеграции путем соответствия определенному представлению «хорошего» или «умеренного» мусульманина [20]. Более того, названное представление (навязываемое Лондоном британскому обществу) служит для уточнения и сопоставления категорий «мусульманскость» и «шотландскость» («британскость», «европейскость»). В связи с этим, многие формы политического участия мусульман стали возникать как реакция на социально-исторические условия, в которых мусульмане ощущали угрозу своей исламской идентичности. Как и в большинстве случаев предрассудков, представления об «опасном

мусульманине» в британском обществе стали неотъемлемой частью понимания/представления самих мусульман.

Нужно отметить, что в Шотландии периодически проводятся исследования, содержащие политологические, социологические, этнографические аспекты. Результаты этих изысканий имеются в свободном доступе и используются не только в научно-теоретических целях, но и в государственной практике в рамках выработки управленческих решений. В данной статье мы опирались на данные исследования, проведенного в нескольких крупнейших шотландских мечетях, обнаружив влияние постоянно меняющихся контекстов в идентичности мусульман. Эти данные были получены зарубежными коллегами в среде шотландских мусульман, считающих ислам центральным в своей идентичности (именно поэтому исследование проводилось в мечетях) [15, р. 31–50]. Результаты побуждают задуматься о различиях в дискурсах и социальных репрезентациях. Последние, отличаясь по тем или иным аспектам выражения, подходят для различных ситуаций и контекстов. Данные упомянутых исследований отражают процессы, в которых ислам в Великобритании и британские мусульманские группы претерпевают изменения, адаптируясь к различным местным условиям (в том числе, шотландским). Эти данные фиксируют моменты, посредством которых мусульманские группы адаптируют свои системы ценностей и различные способы понимания и выражения ислама, в данном случае в британском контексте [16; р. 272].

Возвращаясь к упомянутому исследованию, отметим, что оно проводилось в течение 2012 г. Мохаммедом Сартави (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания) и Гордоном Саммутом (Мальтийский университет, Мальта). Их работа заключалась в том, чтобы систематически фиксировать вопросы (касающиеся принятия тех или иных решений бытового характера), адресованные мусульманами местным имамам; анализировать дальнейшие действия задававших вопросы; а также лично встречаться с этими мусульманами. В среднем в каждую мечеть ежедневно поступало около 20 запросов (по телефону и лично). В рамках этого исследования было получено свыше 3000 данных, при участии шотландских мусульман-выходцев из стран Ближнего Востока, Южной Азии и Африки. Записи записывались в режиме реального времени вручную и кодировались с использованием компьютерной программы для последующего анализа. Имамы и власти мечетей были полностью проинформированы о целях и задачах исследования. Кроме того, были приняты все необходимые меры для обеспечения анонимности участников и обеспечения конфиденциальности. Все полученные данные были исследователями сгруппированы по темам, на основании которых можно было бы составить представление об особенностях идентичности шотландских мусульман как социокультурном проявлении глобализации во внутриполитических процессах современной Великобритании.

Одним из ключевых аспектов, позволяющих говорить об идентификационных проблемах мусульман Шотландии, стал вопрос религиозных предпочтений в сфере семейной жизни.

Проблема состоит в том, что шотландским (и, в целом, британским) мусульманам, несмотря на их попытки дистанцироваться от своего культурно-исторического кода, все еще сложно интегрировать собственную исламскую идентичность в неисламскую (шотландскую, британскую, европейскую) практику повседневной жизни, особенно в семейной сфере. Так, положение главы семейства может вызывать внутренние противоречия между положением мужа-европейца и идентичностью отца-мусульманина. Здесь понимание роли европейского мужа, который требует равенства в партнерстве и компромисса в семейных отношениях, часто становится проблематичным, наталкиваясь на бытовые аспекты в воспитании детей (особенно, когда мать-христианка настаивает на участии маленьких членов семьи

в церковных ритуалах). Характерно, что для снятия подобного противоречия мусульманин, как правило, идет за советом к имаму, своими установками усугубляющему ситуацию, так как его совет predetermined предписаниями ислама. Еще одной характерной ситуацией, обостряющей противоречие между «мусульманскостью» и «шотландскостью», является расторжение брака. Причина здесь также кроется в различиях систем социальных представлений, по-разному конструирующих брак и его легитимность. Поэтому смешанные (мусульманско-христианские) пары, чтобы развестись, вынуждены консультироваться с представителем исламского закона. Брак становится объектом размышлений, и самоидентификация — «я»-шотландец (британец, европеец) и «я»-мусульманин — отражает противоречие, возникающее в результате различных объективаций брака в обеих системах социальных знаний. В этом случае значение переговоров с представителем мусульманского духовенства влечет за собой согласование идентичностей, т.е. муж-европеец (мусульманин) признает за собой и своей супругой (христианкой) право не придерживаться исламских предписаний в разных вопросах повседневной жизни, когда прагматические проблемы преобладают над онтологическими. В противном случае, «мусульманскость» имеет приоритет перед «шотландскостью» и, в равной степени, перед «британскостью» и «европейскостью».

Отметим, что во всех исследованных случаях мусульмане считали себя «интегрированными» в «западный» образ жизни. Они, казалось, вели себя таким образом, чтобы облегчить собственную интеграцию в шотландское (британское, европейское) общество, и, помимо чисто эмпирического или ценностного измерения «шотландскости», они приняли образ жизни, который больше относится к неисламской идентичности. Однако внутри семейной сферы, похоже, произошли нарушения чувства идентичности шотландских мусульман. В этих случаях аспекты повседневной жизни, воспринимаемые как естественные, становятся объектами рефлексии, а воплощенное множество культурных знаний или систем репрезентации порождает противоречия. Это требует согласованности между различными «я»-позициями и альтер-эго [23, р. 3–69]. Последние характеризуют трансформацию в социальных репрезентациях. Поэтому шотландским мусульманам, участвовавшим в исследованиях, приходилось пересматривать свою идентичность с разных (потенциально конфликтующих) «я»-позиций.

Сказанное выше свидетельствует о том, что участники исследований, отдававшие предпочтение прагматике, чувствовали необходимость сохранения онтологических функций идентичности в определенных случаях, связанных с отдельными сторонами семейной жизни. Их в значительной степени шотландский (британский, европейский) образ жизни, который включал в себя практики, выходящие за пределы их «мусульманскости», в определенные моменты перекрывался необходимостью сохранения исламских аспектов своей идентичности.

С другой стороны, непреклонные, на первый взгляд, в своей ортодоксальной исламской практике шотландские мусульмане могут чувствовать необходимость идти на компромиссы из прагматических соображений. Так, в рамках упомянутых исследований, частой практикой была смена арабского (мусульманского) имени, имеющего иногда отсылку непосредственно к Корану. Происходило это из-за того, что мусульманское имя в определенной мере несло в себе начало, разрушающее шотландскую (британскую, европейскую) идентичность. Носитель имени сталкивался с социокультурными проблемами и трудностями внутри тех или иных институциональных структур, т.е. само имя становилось проблемным. Не каждый день кто-то думает о функциях имени, однако все же следует осознавать последствия объективации имени (в том числе, применительно к исламским и шотландским социальным представлениям). Как и во многих религиях, имена в исламе являются маркером идентичности и символом благодарности богу. Однако в бюрократи-

ческих и светских британских (в том числе, шотландских) учреждениях функция имени заключается в том, чтобы идентифицировать и отличать людей друг от друга при принятии управленческих решений. С одной стороны, шотландский (британский) мусульманин может легко сменить имя, не посоветовавшись с имамом. Но, другой — ему нужно договориться о своих «я»-позициях (из-за внутренних культурных противоречий, присутствующих в одном и том же социальном объекте — имени). Впрочем, исследование М. Сартави и Г. Саммута выявили случаи, когда шотландским мусульманам требовалось обратиться к имаму в попытке поддержать свою «мусульманскость», независимо от того, существует ли в их действиях явная опасность нарушения исламского закона или нет. Это указывает на наличие у британских (в том числе, шотландских) мусульман предпочтений (или, по крайней мере, сомнений) онтологического характера, что наблюдается даже тогда, когда «немусульманское» поведение не ограничивает и не нарушает их повседневную жизнь. Характерен пример с мусульманином-торговцем, испытывавшим крайнее душевное волнение по поводу границ прибыли, которые может установить розничный продавец для продукта. Естественно, этот человек обратился за советом к имаму, объяснившему, что при наличии согласия продавца и покупателя, любой размер прибыли не нарушает исламского права. Тем не менее показательно, что правоповоротный шотландский мусульманин-торговец был обеспокоен, что из-за финансового успеха он может сделать что-то, нарушающее исламские установления. Этот частный случай довольно любопытен. Конечно, на протяжении развития авраамических религий деньги всегда рассматривались как искушение и путь к греху. Однако ислам устанавливает четкие предписания и руководящие принципы для регулирования бизнеса. Поэтому у упомянутого торговца присутствовало внутреннее противоречие между его растущим успехом в коммерческих делах (что является характерной чертой шотландской, британской и европейской идентичностей) и онтологическими проблемами, вызванными его исламской идентичностью. В этом случае проблема заключалась не только в том, что имел место конфликт в поведенческих или эмпирических измерениях идентичности, но и в том, что он присутствовал в ценностных измерениях. В результате, упомянутому торговцу потребовались заверения, что он не нарушает границ своей «мусульманскости».

Подобных и иных примеров в исследовании М. Сартави и Г. Саммута очень много. Среди них есть и такие, которые представляют убедительные доказательства онтологической необходимости для шотландских мусульман поддерживать свое правоверие (даже если это невозможно на практике). Так, мусульманин (один из участников исследования) по состоянию здоровья должен был вводить ежедневные дозы лекарств путем инъекций, что мешало ему поститься, поскольку любое вещество, вводимое внутрь, нарушает пост. Неспособность поститься во время Рамадана стала проблемой идентичности для этого шотландского мусульманина, потому что он не мог продемонстрировать поведенческие формы своей «мусульманскости» в то время, когда сообщество единоверцев коллективно выполняло этот ритуал. «Я»-мусульманин и «я»-шотландец (в том смысле, что он не обязан поститься во время Рамадана) слишком конфликтовали в сознании этого человека, чтобы он мог оставаться спокойным в конкретный календарный период года. Естественно, имеются и иные примеры, свидетельствующие о том, что у шотландских мусульман потребность в правоверии довольно активно вступает в противоречие с их «шотландскостью» («британскостью», «европейскостью»). Для них «я»-мусульманин имеет преимущество перед всеми другими идентичностями.

Необходимость практиковать ислам перед лицом иной культуры, требующей принятия новых идентичностей, влечет за собой внутренний конфликт личности, для которой «свое» подвергается опасности вытеснения и замещения «чужим», которое должно быть принято как «свое». Подобный внутренний конфликт порожд-

дает в человеке ощущение двусмысленности своего положения в социуме, неуверенность, страх и, как следствие, агрессию, выливающуюся в общественно опасные действия (в том числе, политического характера). «Шотландскость» (и шире, «европейскость») в таких условиях отсылает мусульман к прагматике, независимо от того, что предписано исламом. Это особенно распространено в отношении медицинских и финансовых вопросов, когда простые житейские ситуации требуют удовлетворения основных потребностей, несмотря на нарушение религиозных обязательств. Впрочем, необходимость выбора приоритетов между прагматическими и онтологическими мотивами порождает дискуссии не только на уровне научного обсуждения философских или духовных проблем, но и на уровне политико-управленческих практик. Последние сопряжены с необходимостью (как для государственных, так и для общественных структур Шотландии) выстраивать внутриполитическую стратегию и тактику с учетом проблем идентичности шотландских мусульман.

Заключение

Таким образом, задача преодоления интеграционных трудностей шотландских (шире, британских) мусульман в контексте специфики спектра их идентичностей представляется на сегодняшний момент крайне актуальной с позиций управления социально-политическими процессами в рассматриваемой стране.

Мусульмане Шотландии (как и всей Великобритании), стремящиеся сохранять правоверие во всех аспектах своей жизни, оказываются более уязвимыми перед угрозами, с которыми сталкивается исламская идентичность в западном обществе. Более того, на некоторых эти угрозы повлияли в части приверженности исламским убеждениям и практике повседневной жизни, мотивировав на более глубокую интеграцию. Временами такие мусульмане даже пытаются выглядеть иначе и дистанцироваться от единоверцев. Тем не менее даже они испытывают внутреннее побуждение к возвращению своей «мусульманскости» в полном объеме. Это прежде всего относится к вопросам брака и семьи, а также наиболее сложным жизненным ситуациям. Исследования М. Сартави и Г. Саммута показывают, что когда дело доходит до семейных вопросов, мусульмане, как правило, демонстрируют преобладающую необходимость придерживаться правоверия. Эта потребность наиболее остра для тех, кто предпочитает отказаться от исламских рецептов в своей повседневной жизни. Что интересно в этом явлении, так это то, что оно отражает очевидную дихотомию — даже если мусульманин решил отказаться от коранических предписаний в своей практической деятельности и внешности, он все равно сохраняет ортодоксальность в вопросах личной жизни. Интересно, что подобная дихотомия не характерна для традиционно мусульманских стран [7]. Хотя многие из рассмотренных выше внутренних конфликтов и противоречий, по-видимому, имеют мало общего с «шотландскостью» как таковой, эти конфликты и противоречия все же возникают у мусульман, которые пока еще находятся вне исторически сложившегося общественного бытия Шотландии, независимо от установлений ислама. По этой причине проявления неисламских форм поведения у шотландских мусульман можно охарактеризовать как позицию «я»-шотландец (британец, европеец), за которой следуют интернализация системы личных представлений и формирование новых идентичностей.

Тенденции таковы, что доминирующие в шотландском обществе представления становятся приоритетными для шотландских мусульман, которые предпочитают принимать шотландские (и общебританские) культурные представления и ценности. Хотя данные, представленные здесь, не могут говорить обо всех шотландских мусульманах, но, все же, свидетельствуют: мусульмане, обращающиеся в мечети за советом по семейным вопросам и демонстрирующие сильную связь с исламом в частных сферах, несмотря на это, предпочитают публично дистанцироваться от него.

Тем не менее ислам по-разному проявляет себя в качестве источника самоидентификации и приоритетов в формировании «я»-позиций шотландских мусульман в каждом конкретном случае. Кроме того, сферы жизни, в которых исламские аспекты самости имеют приоритет, указывают на то, что диалог с самими собой также зависит от контекста. Диалогическая теория изучения «я»-позиций — это полезный теоретический подход, позволяющий понять, как усваивается внутренняя часть какофонии систем социального знания, которые формируют идентичность. Тем не менее без расширения теоретических и методологических перспектив применение диалогической теории ограничивается лишь внутренним отражением более широких социальных факторов, играющих очень важную роль.

Таким образом, социальные представления и повседневные практики шотландских мусульман на личностном уровне находятся под влиянием ощущения того, что их «мусульманскость» испытывает угрозы со стороны иных ценностных систем и традиций общественного бытия. Это заставляет некоторых избегать идентификации со «своим» (мусульманским) сообществом, отдавая предпочтение прагматике. Так мусульманское вероисповедание, британская система ценностей и сугубо шотландская специфика социального бытия могут расходиться в сознании одного и того же человека, порождая внутренний конфликт его личности, вызванный противоречиями между онтологическими и прагматическими соображениями. Иными словами, с одной стороны, есть ислам, с другой — жизнь в шотландском и общebritанском контекстах. Подобное положение вещей провоцирует не только напряженность в поведении самих мусульман, живущих в «чужом» социокультурном пространстве (которое, оказалось, нелегко сделать «своим»), но и во взаимодействии мусульман с немусульманами, воспринимаемыми в качестве европейцев/британцев/шотландцев (которые, к тому же, идентифицируются как христиане). Все перечисленное нарушает неосознанный поток повседневной жизни из-за столкновения двух систем значений, базирующихся на сопоставлении «мусульманскости» и «шотландскости» («британскости», «европейскости»). Названное столкновение приводит на практике к конфликту идентичностей в рамках противостояния онтологического и прагматического начал, что, в свою очередь, проявляется в социально-политических процессах. В этой связи со стороны мусульман должно демонстрироваться осознание необходимости поиска нового способа существования, чтобы продолжить жизнь в новой культуре принимающей страны. В настоящем исследовании как трансформирующие, так и предписывающие функции ислама в жизни мусульман стали главными проблемами. Сосредоточенность на повседневной практике показывает, где для шотландских мусульман лежат противоречия между источниками идентичности. Таким образом, выводы авторов показывают, что именно трансформирующие и предписывающие функции ислама лежат в основе тех проблем, которые входят в дискурс об идентичности шотландских мусульман.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб. : Алетейя, 2016.
2. Тюрин Е. А. Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 118–127.
3. Allport G. W. *Pattern and growth in personality*. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1961.
4. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1999. N 29 (2). P. 163–186.
5. Bauer M., Gaskell G. (eds.) *The biotechnology movement* // Biotechnology — the making of a global controversy. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 379–404.
6. Bauer M., Gaskell G. Social representations theory: A progressive research programme for social psychology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. N 38 (4). P. 335–354.

7. *Bowen J. R.* Why the French don't like headscarves: Islam, the State, and public space. Princeton : Princeton University Press, 2007.
8. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. N 29. P. 1–47.
9. *Butler J.* Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London : Routledge, 1999.
10. *Camilleri C., Malewska-Peyre H.* Socialization and identity Strategies // *Handbook of Cross-cultural Psychology: Basic processes and human development* / eds. Berry J. W., Dasen P. R., Saraswathi T. S. London : Allyn and Bacon, 1997. Vol. 2. P. 41–68.
11. *Erikson E. H.* Identity: Youth and crisis. New York : Norton, 1968.
12. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. N 7. P. 117–140.
13. *Gervais M.-C.* Social representations of nature: the case of the "Braer" oil spill in Shetland (Unpublished doctoral thesis). London : Department of Social Psychology, London School of Economics and Political Science, 1997.
14. *Hall S.* Introduction: Who needs identity? // *Questions of Cultural Identity* / eds. Hall S., Gay P. D. Thousand Oaks : Sage, 1996. P. 1–17
15. *Hermans H. J. M.* Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // *Psychological Bulletin*. 1996. N 119. P. 31–50.
16. *Hermans H. J. M.* The dialogical self: Towards a theory of personal and cultural positioning // *Culture & Psychology*. 2001. N 7 (3). P. 243–281.
17. *Hermans H. J. M., Kempen H. J. G.* The dialogical self: Meaning as movement. San Diego : Academic Press, 1993.
18. *Holtz P., Wagner W.* Essentialism and attribution of monstrosity in racist discourse: Right-wing internet postings about Africans and Jews // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. N 19 (6). P. 411–425.
19. *Howarth C.* Identity in whose eyes? The role of representations in identity Construction // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2002. N 32. P. 145–162.
20. *Mamdani M.* Good Muslim, bad Muslim: America, the Cold War, and the roots of terror (1st edn.). New York : Pantheon Books, 2004.
21. *Mead G. H.* Mind, self, and society: From the standpoint of a social behaviorist. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
22. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge : Polity Press, 1961/2008.
23. *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representations // *Social Representations* / eds. Farr R., Moscovici S. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
24. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London : SAGE, 1987.
25. *Reicher S. D.* The context of social identity: Domination, resistance, and change // *Political Psychology*. 2004. N 25. P. 921–945.
26. *Sammur G., Daanen P., Sartawi M.* Inter objectivity: Representations and artefacts in cultural psychology // *Culture & Psychology*. 2010. N 16. P. 451–463.
27. *Sammur G., Sartawi M., Giannini M., Labate C.* (in press). Representations and social belonging: An idiographic approach to community and identity // *Multicentric identities in a globalizing world* (Yearbook of idiographic Science. Vol. V) / eds. Gennaro A., Salvatore S., Valsiner J. Charlotte : Information Age.
28. *Spalek B.* Muslim communities post 9/11 — citizenship, security and social justice. *International Journal of Law // Crime and Justice*. 2008. N 36 (4). P. 257–270.
29. *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 1981; UK Office for National Statistics. Focus on Religion. London : ONS, 2004.
30. *Verkuyten M.* Discourses about ethnic group (de-) essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. N 42 (3). P. 371–391.
31. *Wagner W., Hayes N.* Everyday Discourse and Common-Sense — The Theory of Social Representation. New York : Palgrave Macmillan, 2005.
32. *Wrong D. H.* The Oversocialized Conception of Man // *American Sociological Review*. 1961. N 26. P. 184–193.

Об авторах:

Тюрин Евгений Анатольевич, доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; Turin.of.Foveran@yandex.ru

- Савинова Елена Николаевна**, доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; SavinovaE.N@ yandex.ru
- Агабабов Александр Рафаэлевич**, аспирант Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация). Направление подготовки 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, направленность/профиль «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»; aagababov@mail.ru

References

1. Apryshchenko V.Yu. Scotland in the New Age: in search of identities. St. Petersburg: Aletheia, 2016. (In rus)
2. Turin E. A. State and Nation: Teleological Aspects of Scotland's Policy // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. № 10. P. 118–127. (In rus)
3. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1961.
4. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1999. N 29 (2). P. 163–186.
5. Bauer M., Gaskell G. (eds.) The biotechnology movement // Biotechnology — the making of a global controversy. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 379–404.
6. Bauer M., Gaskell G. Social representations theory: A progressive research programme for social psychology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. N 38 (4). P. 335–354.
7. Bowen J. R. Why the French don't like headscarves: Islam, the State, and public space. Princeton : Princeton University Press, 2007.
8. Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000. N 29. P. 1–47.
9. Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London : Routledge, 1999.
10. Camilleri C., Malewska-Peyre H. Socialization and identity Strategies // Handbook of Cross-cultural Psychology: Basic processes and human development / eds. Berry J.W., Dasen P. R., Saraswathi T.S. London : Allyn and Bacon, 1997. Vol. 2. P. 41–68.
11. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. New York : Norton, 1968.
12. Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. N 7. P. 117–140.
13. Gervais M.-C. Social representations of nature: the case of the "Braer" oil spill in Shetland (Unpublished doctoral thesis). London : Department of Social Psychology, London School of Economics and Political Science, 1997.
14. Hall S. Introduction: Who needs identity? // Questions of Cultural Identity / eds. Hall S., Gay P.D. Thousand Oaks : Sage, 1996. P. 1–17
15. Hermans H.J.M. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // Psychological Bulletin. 1996. N 119. P. 31–50.
16. Hermans H.J.M. The dialogical self: Towards a theory of personal and cultural positioning // Culture & Psychology. 2001. N 7 (3). P. 243–281.
17. Hermans H.J.M., Kempen H.J.G. The dialogical self: Meaning as movement. San Diego : Academic Press, 1993.
18. Holtz P., Wagner W. Essentialism and attribution of monstrosity in racist discourse: Right-wing internet postings about Africans and Jews // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2009. N 19 (6). P. 411–425.
19. Howarth C. Identity in whose eyes? The role of representations in identity Construction // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2002. N 32. P. 145–162.
20. Mamdani M. Good Muslim, bad Muslim: America, the Cold War, and the roots of terror (1st edn.). New York : Pantheon Books, 2004.
21. Mead G.H. Mind, self, and society: From the standpoint of a social behaviorist. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
22. Moscovici S. Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge : Polity Press, 1961/2008.
23. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / eds. Farr R., Moscovici S. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
24. Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London : SAGE, 1987.
25. Reicher S.D. The context of social identity: Domination, resistance, and change // Political Psychology. 2004. N 25. P. 921–945.

26. Sammut G., Daanen P., Sartawi M. Inter objectivity: Representations and artefacts in cultural psychology // *Culture & Psychology*. 2010. N 16. P. 451–463.
27. Sammut G., Sartawi M., Giannini M., Labate C. (in press). Representations and social belonging: An idiographic approach to community and identity // *Multicentric identities in a globalizing world (Yearbook of idiographic Science. Vol. V)* / eds. Gennaro A., Salvatore S., Valsiner J. Charlotte : Information Age.
28. Spalek B. Muslim communities post 9/11 — citizenship, security and social justice. *International Journal of Law // Crime and Justice*. 2008. N 36 (4). P. 257–270.
29. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 1981; UK Office for National Statistics. Focus on Religion. London : ONS, 2004.
30. Verkuyten M. Discourses about ethnic group (de-) essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. N 42 (3). P. 371–391.
31. Wagner W., Hayes N. *Everyday Discourse and Common-Sense — The Theory of Social Representation*. New York : Palgrave Macmillan, 2005.
32. Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man // *American Sociological Review*. 1961. N 26. P. 184–193.

About the authors:

Evgeny A. Turin, Associate Professor of the Chair of Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; Turin.of.Foveran@yandex.ru

Elena N. Savinova, Associate Professor of the Chair of Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; SavinovaE.N@ yandex.ru

Alexander R. Agababov, Graduate Student of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation); aagababov@mail.ru

Южнотирольский вопрос как фактор межгосударственных отношений Италии и Австрии

*Шумилов М. М. *, Шмидт О. И.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье выясняются исторические предпосылки и современное состояние этнополитического конфликта в Южном Тироле. Раскрываются содержание и формы его проявления, программные заявления, документы, аргументы, действия австрийских и итальянских политиков, направленные как на обострение, так и на урегулирование конфликта. Принимая во внимание мотивы и предпочтения местного населения, авторы критически воспринимают возможность дальнейшей автономизации итальянской провинции, ее политического самоопределения. Вместе с тем они не исключают перспективу конфликтного развития ситуации и ухудшения австрийско-итальянских отношений в условиях трансформации ЕС.

Ключевые слова: Австрия, Австрийская Республика, Италия, Итальянская Республика, Европейский союз, ЕС, ООН, Южный Тироль, сепаратизм, этнополитический конфликт, двойное гражданство

Для цитирования: Шумилов М. М., Шмидт О. И. Южнотирольский вопрос как фактор межгосударственных отношений Италии и Австрии // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 64–81.

South Tyrol Issue as a Factor of Interstate Relations between Italy and Austria

Mikhail M. Shumilov, Olga I. Shmidt*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

The research highlights the ethnopolitical conflict within the European Union (using the example of the South Tyrol autonomy). The article states the reasons for the formation of separatist sentiments on the territory of this region, considers in detail the foreign policy activities of the Republic of Austria and the relationship between Austria and Italy. This paper discusses the historical background and the current state of the ethnopolitical conflict in the South Tyrol region. The purpose of the study is to disclose the nature and manifestations of the conflict, policy statements, documents, reasons and actions of Austrian and Italian officials, aimed at escalating as well as settlement of the conflict. Taking into consideration the objectives and preferences of the local population, the authors question the possibility of further autonomization of the Italian province and its political self-determination. However, they do not exclude the future aggravation of the conflict and exacerbation of the Austria-Italy relations in the context of the European Union transformation.

Keywords: Austria, Austrian Republic, European Union, Italy, the Italian Republic EU, UN, South Tyrol, separatism, ethnopolitical conflict, dual nationality

For citing: Shumilov M. M., Shmidt O. I. South Tyrol Issue as a Factor of Interstate Relations between Italy and Austria // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 64–81.

Многим странам Европейского союза (ЕС) знакомы сепаратистские проявления со стороны национальных меньшинств, добивающихся большей автономии и даже политического самоопределения. Данная проблема не обошла стороной и Италию. Здесь, на севере страны, в автономной области Трентино-Альто-Адидже, продолжается этнополитический конфликт, во многом обусловленный вынужденным сосуществованием устойчивых этнических групп, использующих при общении итальянский и его венецские диалекты, немецкий (австро-баварский диалект) и ладинский (относится к ретороманской подгруппе романской группы индоевропейской языковой семьи) языки, а также историческими притязаниями Италии и Австрии на богатые ресурсы региона. Этот конфликт стал фактором европейской политики после Первой мировой войны, когда по условиям Сен-Жерменского мирного договора (1919) Южный Тироль, принадлежавший дому Габсбургов с XIV в., перестал быть составной частью Австрии. В результате 230 тыс. тирольцев перешли под итальянское управление, их протесты были проигнорированы победителями [7, с. 28–29].

В скором времени часть южнотирольцев депортировали в Австрию, на смену им пришли итальянские переселенцы [10, с. 43]¹. Фашистская Италия усилила репрессии в отношении немецкоязычного населения. Историческое название местности — «Южный Тироль» — запретили и исключили из топонимики. Она получила новое название — Альто-Адидже. Немецкий язык фактически оказался под запретом. Серьезные изменения претерпела и местная система образования. Закрывались немецкие школы, дети этнических итальянцев и ладин были обязаны, а дети немцев вынуждены посещать школы с преподаванием на итальянском языке. Единичные случаи издания газет на немецком языке имели место вследствие их взаимодействия с римско-католической церковью [29, с. 5–10; 31, с. 6–11]².

Все это подчеркивает этнолингвистическую природу южнотирольского конфликта, его глубокие корни, международную подоплеку, остроту проявлений. Изначально этот предмет привлекал к себе внимание со стороны ученых Австрии, Италии, Германии и некоторых других стран, что подтверждают многочисленные публикации, прежде всего, на немецком и английском языках³. На этом фоне количество соответствующих исследований на русском языке представляется незначительным. Более того, их авторы, уходя от комплексного изучения конфликта, избирательно сужают фокус научного интереса, сосредоточивают внимание на отдельных сторонах и аспектах серьезной научной проблемы. Наконец, они проявляют недостаточную осведомленность о состоянии и степени изученности проблематики южнотирольского конфликта, достижениях европейских и американских ученых.

Тем временем в научной литературе сформировалось представление о затухании южнотирольского конфликта, а также о том, что его прямые и косвенные участники под эгидой Евросоюза и мирового сообщества якобы сумели выработать успешную модель урегулирования имеющихся противоречий [15, с. 10–11; 21; 30, с. 264; 22; 26; 4, с. 56, 63–64]. Так, конкретизируя механизм урегулирования конфликта,

¹ Швейцер В. Тлеющий очаг сепаратизма в Европе // Независимая газета. 2018. 28 мая [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-05-28/10_7233_tirol.html (дата обращения: 20.02.2020).

² Alcock A. The South Tyrol Autonomy. A Short Introduction. County Londonderry, Bozen/Bolzano, May 2001. P. 1–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.provincia.bz.it/downloads/South-Tyrol%20Autonomy.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Publications | Publikationen | Pubblicazioni / Universität Innsbruck / Univ. Prof. DDr. Günther Pallaver [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uibk.ac.at/politikwissenschaft/guenther-pallaver/publikationen/> (дата обращения: 20.02.2020); Poblador M. C. English-language literature on South Tyrol: a comprehensive bibliography. July 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/publications/Documents/South_Tyrol_bibliography.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Гюнтер Паллавер отмечает, что в его основу был положен принцип «диссоциативного» разрешения конфликтов, предусматривающий максимально возможное разделение языковых групп между собой, а также принцип переговорной демократии, поощряющий сотрудничество этнических элит. В результате опасность насильственной эскалации в провинции была предотвращена [21, с. 381–382, 393–394].

Безусловно, модель урегулирования южнотирольского конфликта представляет теоретический и практический интерес в контексте выработки реалистичных сценариев преодоления сохраняющихся межэтнических противоречий на постсоветском пространстве. Вместе с тем, обладая набором уникальных признаков, она не может быть просто скопирована и зеркально применена на Донбассе, в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии или Нагорном Карабахе. Более того, несмотря на очевидные успехи в преодолении многих трудноразрешимых противоречий и мирном развитии Южного Тироля, здесь сохранились нерешенные вопросы, причем некоторые из них, например, связанные с самоопределением Южного Тироля, в последние годы даже обострились. Хотя за последние 50 лет ситуация в Трентино-Альто-Адижде заметно изменилась в лучшую сторону, южнотирольский конфликт все еще остается реальным фактором международных отношений Италии и Австрии в контексте европейской политики.

Как бы то ни было движение в сторону урегулирования конфликта началось после окончания Второй мировой войны. Тогда державы-победительницы подтвердили довоенную границу между Италией и Австрией. Они же договорились о решении проблемы немецкоязычного меньшинства в Италии путем переговоров между заинтересованными сторонами. В результате 5 сентября 1946 г. в Париже было заключено соглашение, известное по именам его инициаторов — Альчиде де Гаспери, председателя совета министров и министра иностранных дел Италии, и Карла Грубера, министра иностранных дел Австрии, по которому Южный Тироль остался за Италией. При этом немецкоязычному меньшинству, локализованному в провинции Больцано (Южный Тироль) и соседних городах провинции Трентино, гарантировали полное равенство прав с италоязычным населением, законодательную и исполнительную автономию, уважение языковых и культурных особенностей¹. Включенное в Парижский мирный договор с Италией (1947), Парижское соглашение 1946 г. приобрело международное значение и по-прежнему считается действующим. Австрия становилась гарантом автономного проживания немецкоязычного меньшинства в территориальных рамках Южного Тироля [4, с. 59]².

Конституция Итальянской Республики 1947 г. предусматривала создание области Трентино-Альто-Адижде с особыми формами и условиями автономии (ст. 114–116), а также гарантировала охрану языковых меньшинств (ст. 6). На деле же в новой территориальной единице немецкоязычное население составило меньшинство с весьма незначительными правами, особенно в сфере культуры, официального использования немецкого языка, финансов, сфере занятости. Проигнорировав призывы его представителей к созданию автономной области Южный Тироль, итальянские власти фактически административно оформили «яблоко раздора», которое в дальнейшем «осложняло не только взаимоотношения двух лингвистических общин региона, но и межгосударственные отношения Италии и Австрии» [16, с. 8; 10, с. 44]³.

В связи с восстановлением суверенитета Австрийской Республики в мае 1955 г. южнотирольский вопрос занял особое место в ее внешней политике. При этом

¹ Austro-Italian Agreement. September 5, 1946 // Foreign Relations of The United States, 1946, Paris Peace Conference: Documents, Vol. IV [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v04/d297> (дата обращения: 20.02.2020).

² *Alcock A.* The South Tyrol Autonomy. P. 22.

³ Там же. P. 4–8.

министр иностранных дел и федеральный канцлер Австрии Бруно Крайский, подержав план создания большой европейской Зоны свободной торговли, взял курс на европейскую интеграцию. Впрочем, в ЕЭС он видел формирующийся «блок с определенным идейно-политическим профилем», и это обстоятельство закрывало для Австрии перспективу вхождения в общий рынок [11, с. 129].

Возможно, по этой причине позиция Б. Крайского по вопросу урегулирования южнотирольского вопроса отличалась противоречивостью. Он рассматривал его с точки зрения не пограничного размежевания между Италией и Австрией, а признания прав и обеспечения законных интересов немецкоговорящего меньшинства, подвергавшегося дискриминации. Поэтому главной целью Крайского в урегулировании конфликта являлась идентичностная самореализация Южного Тироля путем предоставления ему статуса политической автономии [7, с. 31–32].

Террористические акты радикал-сепаратистов, которые потрясли автономную область в 1950–1960-е годы, а также отказ итальянских властей в 1952 г. придать немецкому языку статус официального языка региона продемонстрировали недостаточность договора Де Гаспери — Грубера, который предусматривал правовую защиту немецкоязычного населения Южного Тироля. Продолжалось искусственное заселение провинций Больцано (Бозен) и Трентино этническими итальянцами из центральных и южных районов страны [9, с. 84]¹. Если накануне Первой мировой войны италоязычное население Южного Тироля составляло 17 339 чел. (2,9%), то после 1945 г. его удельный вес достиг 34,3% и не снижался до начала 1960-х годов [15, с. 13]².

Поскольку итальянские власти Италии не поддерживали на должном уровне этническую и культурную самобытность немецко- и ладинаязычного населения, а также игнорировали его законные претензии на создание автономной законодательной и исполнительной власти, Австрия активизировала усилия по защите интересов южных тирольцев. Ввиду отсутствия прогресса на двусторонних переговорах Б. Крайский попытался урегулировать вопрос путем обращения в ООН. В октябре 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1497, содержащую призыв к Австрии и Италии возобновить переговоры в целях урегулирования всех возникших между ними разногласий относительно имплементации Парижского соглашения от 5 сентября 1946 г.³

После серии взрывов в городе Больцано (в ночь с 11 на 12 июля 1961 г.) [28], организованных тирольскими сепаратистами, отношения между Италией и Австрией вновь обострились [31, с. 12]. Итальянская сторона ввела визовый режим и задержала 150 членов политической организации «Комитет по освобождению Южного Тироля». Появились опасения распространения репрессий на Южнотирольскую народную партию (ЮНП), представлявшую интересы немецкоязычного и ладинского населения. В течение нескольких месяцев предпринимались безуспешные попытки урегулировать данный вопрос путем переговоров между Австрией и Италией в Цюрихе, Милане и Венеции. После этого Австрия вновь обратилась в ООН в ноябре 1961 г. Решением собрания ООН от 28 ноября 1961 г. действие резолюции № 1497 было возобновлено⁴.

¹ Там же. Р. 7.

² Лишь после 1961 г. представительство италоязычных граждан в составе южнотирольского населения стало постепенно сокращаться: в 1971 г. — 33,3%; в 1981 г. — 28,7%, в 1991 г. — 27,65%, в 2001 г. — 26,47% [15, с. 13].

³ Resolution 1497 (XV). The status of the German-speaking element in the Province of Bolzano (Bozen); implementation of the Paris agreement of 5 September 1946 (31 October 1960) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldlii.org/int/other/UNGA/1960/22.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Resolution 1661 (XVI). The status of the German-speaking element in the Province of Bolzano (Bozen) (28 November 1961) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldlii.org/int/other/UNGA/1961/38.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Тогда же, 13 сентября 1961 г., Рим сформировал рабочую комиссию для рассмотрения проблемы Южного Тироля в составе 19 экспертов, в которую вошли семь представителей ЮНП¹. В результате проделанной работы «Комиссия 19» уточнила права региона. Пакет предложений состоял из 137 пунктов, содержавших новые компетенции властей Южного Тироля, а также инструкции по выполнению законов и административных распоряжений. В результате подключения к урегулированию конфликта европейских дипломатов, в 1962 г. состоялась Женевская конференция, на которой Австрия, при поддержке извне, добилась более широких прав самоуправления для немецкоязычных жителей Южного Тироля [16, с. 8–9; 10, с. 44]².

В конечном счете министры иностранных дел Курт Вальдхайм и Альдо Моро в ноябре 1969 г. подписали в Копенгагене коммюнике [23, с. 98–99], в котором изложили сроки реализации пакета предложений рабочей комиссии. Южный Тироль, где наиболее был распространен немецкий язык, получил права «расширенной автономии». Статус немецкого языка был повышен. Признавалось немецкое название территории — Южный Тироль (Südtirol).

Наконец, 20 января 1972 г. вступил в силу второй статут (устав) автономной области Трентино-Альто-Адидже в составе провинций Тренто и Больцано³, расширивший права немецкоязычного и ладинского населения на участие в законодательстве и управлении [15, с. 10–18; 31, с. 12]. В этой связи Энтони Алкок особо отмечал, что, во-первых, защита местных языковых меньшинств становилась частью национальных интересов Италии; во-вторых, законодатель разрешил официально называть провинцию Больцано Южным Тиролем⁴. Хотя реализация предусмотренных мер заняла продолжительное время (так, принцип языкового паритета начал использоваться в государственных структурах лишь к маю 1989 г.)⁵, спор по поводу Южного Тироля между Австрией и Италией был официально урегулирован.

Согласно статуту, региональный парламент избирал президента, двух вице-президентов и министров автономии. При этом в течение срока полномочий избранного парламента пост президента области попеременно должны занимать представители немецкой и итальянской общины. Ключевыми характеристиками обновленной системы власти явилась значительная политическая автономия для Южного Тироля: пропорциональное представительство языковых групп в органах законодательной, исполнительной и судебной власти провинции; право вето для языковых групп в вопросах, касающихся их жизненно важных интересов; введение «системы этнических квот» при замещении ключевых должностей и распределении жизненно важных ресурсов. Закон также гарантировал равенство прав граждан, независимо от принадлежности к языковой группе, а также сохранность культурных и языковых различий отдельных этнических групп [31, с. 13; 16, с. 9; 4, с. 58–62]⁶. Важно отметить, что «расширенная автономия» также гарантировала провинциям значительную финансовую независимость от Рима за счет перераспределения в их пользу налоговых поступлений (до 90%)⁷.

¹ Die Geschichte der Autonomie. Chronologie 1948–1972 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.provinz.bz.it/pariservertrag/autonomie/chronologie.asp> (дата обращения: 20.02.2020).

² Швейцер В. Тлеющий очаг сепаратизма в Европе; Alcock A. The South Tyrol Autonomy. P. 8–9.

³ Special Statute for Trentino-Alto Adige. P. 112–113 [Электронный ресурс]. URL: http://www.provinz.bz.it/downloads/autonomy_statute_eng.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Alcock A. The South Tyrol Autonomy. P. 11.

⁵ Там же. P. 13.

⁶ Там же. P. 11–18.

⁷ В дальнейшем этот показатель, близкий к 90%, фактически не изменился, и приблизительно 9/10 налогов, собираемых в провинциях Тренто и Больцано, не выходили за их пределы (Alcock A. The South Tyrol Autonomy. P. 15–16; L'ordinamento finanziario a seguito dell'accordo

Хотя немецкоязычные жители Южного Тироля усилили свое представительство в муниципальных органах власти и могли напрямую обращаться в Международный суд ООН в Гааге, фактически их продолжали подвергать дискриминации. Достаточно сказать, что в 1975 г. из 6000 должностей в муниципальных учреждениях Южного Тироля лишь 14% занимали представители немецкоязычного населения, в то время как оно составляло в провинции 62,9%¹. В начале 1980-х годов лишь 6% полицейских в Трентино-Альто-Адидже — были южнотироляцами и только 15% итальянских полицейских имели достаточные знания немецкого языка².

Только в 1992 г. Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали официально объявил о прекращении австро-итальянского спора³. Это стало важной предпосылкой для вступления Австрийской Республики в ЕС в 1995 г. (членами ЕС не могут быть государства, имеющие взаимные территориальные претензии). Трентино-Альто-Адидже стал частью еврорегиона Тироль — Южный Тироль — Трентино, который в ЕС наделен специальным статусом. В том же 1992 г. австрийские власти объявили об устранении противоречий с Италией по вопросу Южного Тироля. Они отозвали свою жалобу в ООН 1962 г. на неполную реализацию Италией соглашений по Южному Тиролю [31, с. 14]. «При этом, — отмечает В. Я. Швейцер, — правительство Италии признало не только правомерность всех ранее заключенных соглашений по Южному Тиролю, но и право Австрии на дальнейший контроль ситуации в этой административной единице Италии»⁴.

Итак, после 1992 г. южнотирольский конфликт приобрел латентный характер. Он усилился в 2001 г. после получения Южным Тиролем статуса отдельной немецкоязычной провинции на севере Италии. Обострение конфликта произошло 21 сентября 2006 г., когда Национальный совет Австрии подавляющим большинством голосов рекомендовал включить в преамбулу будущей Конституции положение об особой роли Австрии в качестве гаранта и защитника автономии Южного Тироля [31, с. 27–28].

История получила продолжение в условиях глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., вызвавшего повсеместный прилив национализма и, в частности, усиление евроскептицизма. В 2008 г. победа правопоцентристской коалиции на парламентских выборах в Италии стала отправной точкой для обсуждения расхождений в отношении роли автономных провинций в контексте федерализации государства [5]⁵. Тогда же в Южном Тироле обострилась борьба между представителями ЮНП, придерживающихся умеренных взглядов, и радикальными сепаратистами из партии «Свобода Южного Тироля» (ПСЮТ).

Хотя устав ЮНП включал пункт о самоопределении провинции в соответствии с международным законодательством о защите прав меньшинств, она не добивалась отделения от Италии. ЮТП стремилась к достижению «полной автономии» в составе Италии и в контексте процессов европейской интеграции [27]. Начиная с 1969 г. она добивалась внутреннего самоопределения в смысле «динамической

di Milano (2009). Available at: // <http://www.officinadellautonomia.it/lordinamento-finanziario-a-seguito-dellaccordo-di-milano/>; [12, с. 54–55; 14, с. 106; 16, с. 15; 17, с. 169].

¹ Проблема Южного Тироля на современном этапе // Другая Европа. Цивилизация и вызовы времени [Электронный ресурс]. URL: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/problema-yuzhnogo-tirolya-na-sovremenno> (дата обращения: 20.02.2020).

² Alcock A. The South Tyrol Autonomy. P. 13.

³ Das Südtirol-Handbuch, 30. überarbeitete Auflage Juni 2017 / Redaktion: Margit Adami Gallo; Landespresseamt, Landhaus I, 39100 Bozen, Silvius-Magnago-Platz 1. 269. S. 42–43.

⁴ Швейцер В. Тлеющий очаг сепаратизма в Европе.

⁵ Берлускони возглавил новую политическую партию в Италии // РИА Новости. 2009. 29 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20090329/166350380.html> (дата обращения: 20.02.2020).

автономии» в пределах Итальянской Республики и не предъявляла претензий на внешнее самоопределение [26, с. 77–78, 81]. Представляя интересы значительной части немецко- и ладинаязычного населения, она изначально выступала за ограничение доступа мигрантов к провинциальной системе социального обеспечения, но с 2008 г. стала добиваться интеграции последних в немецкую и ладинскую группы посредством ассимиляции [32, с. 1278–1281]¹.

Более активную позицию по вопросу самоопределения занимала вторая по значению политическая сила провинции — «либертарианцы» (*Die Freiheitlichen*), которые претендовали на представительство интересов немецоязычного большинства и латин Южного Тироля. Ее руководители П. Ляйтнер (1998–2013) и его преемник В. Блаас, связанные с Австрийской партией свободы (АПС), критиковали ЮНП за нерешительность и допускали отделение провинции от Италии. В 2012 г. *Die Freiheitlichen* опубликовала проект конституции «Свободного государства «Южный Тироль»» инсбрукского профессора Петера Пернталера [8, с. 64–65]. Выступая с радикальных позиций, она также последовательно выступала за ограничение притока мигрантов, противодействовала распространению их культурного влияния в Южном Тироле [32, с. 1283–1284].

Наиболее радикальные движения края — ПСЮТ и «Оборонный союз стрелков Южного Тироля» — выступили за публичное обсуждение проекта «либертарианцев». Более того, программа ПСЮТ содержала требования самоопределения Южного Тироля посредством референдума, неограниченного использования родного языка, прекращения «итальянизации» школьного воспитания [8, с. 65–66].

С выходом на политическую арену Австрии националистов АПС во главе с Хайнцем-Кристианом Штрахе ситуация на севере Италии заметно обострилась. Из программы АПС 2011 г. следовало, что «Австрия является защитником интересов немцев и латинов Южного Тироля, представляет интересы всех бывших подданных монархии Габсбургов, чьим родным языком является немецкий». Кроме того, АПС заявила о стремлении к единству Тироля, поддержке союзов соотечественников и выступила в защиту права самоопределения Южного Тироля².

Не удивительно, что в 2013 г. ПСЮТ попыталась активизировать процесс самоопределения жителей региона. Для реализации этой цели впервые был проведен консультационный референдум, по результатам которого свыше 92% из 61 189 участников данного мероприятия (14,06% от общего числа избирателей Южного Тироля) проголосовали за осуществление своего права на самоопределение, то есть фактически высказались за независимость от Италии [25]. После оглашения результатов референдума южнотирольцы включились в обсуждение проекта третьей редакции статута автономии, который предусматривал закрепление права на самоопределение и возможность получения жителями региона «двойного гражданства» с Австрийской Республикой. Автором этого предложения стал депутат Ландтага Южного Тироля, один из лидеров ПСЮТ Свен Кнолль [9, с. 84].

Новый повод для критики политических оппонентов у «либертарианцев» и ПСЮТ появился в связи с миграционным кризисом 2015 г. и попытками итальянских властей разместить в Трентино-Альто-Адидже мигрантов из Азии и Африки. В этом они увидели новую форму «итальянизации» региона³. Одновременно они протестовали

¹ В 2013 г. в составе населения Южного Тироля на мигрантов (в основном из европейских стран) приходилось 8,8%, или почти 45,5 тыс. из 516 000 жителей провинции. При этом местные власти, включая провинциальный парламент, стремились купировать любые проявления мигрантов в сторону самоидентификации и инкорпорировать их в сложившиеся структуры южнотирольского общества посредством ассимиляции [19, с. 81; 35, с. 1099, 1109–1113].

² Швейцер В. Тлеющий очаг сепаратизма в Европе.

³ Новые мигранты, как правило, объединялись с италияязычной группой южнотирольцев [19, с. 81–83].

против приобретения жилья итальянскими военнослужащими на деньги южнотирольских налогоплательщиков, попыток сократить количество немецкоязычных культурных обществ, принуждения южнотирольских спортсменов выступать за Италию. Ужесточение их позиции в плане самоопределения края проявилось в требовании введения «двойного гражданства» для южных тирольцев. По мнению радикалов, это открывало перспективы совещательного голоса для Австрии при решении южнотирольских вопросов; предоставления южным тирольцам помощи австрийского консульства; их участия в спортивных состязаниях на стороне Австрии, расширения представительства южных тирольцев в Национальном совете и Европарламенте [8, с. 66–67].

Эти новые требования не остались незамеченными в Австрии. Вступив по итогам выборов в октябре 2017 г. в коалицию с Австрийской народной партией (АНП), правопопулистская АПС озвучила в правительственном заявлении (декабрь 2017 г.) идею о «двойном гражданстве». В нем отмечалось, что жители Южного Тироля (примерно для 70% из них немецкий язык является родным)¹ имеют право на получение австрийского гражданства наряду с итальянским. Поскольку австрийские власти считали референдум реальным путем решения многих, в том числе международных проблем, этот путь, по словам В.Я. Швейцера, не был заказан и для темы самоопределения Южного Тироля². Во всяком случае, на пресс-конференции по итогам первого заседания его кабинета министров канцлер Австрии Себастьян Курц заявил о намерении нового правительства страны предложить гражданство этническим немцам итальянской провинции Трентино-Альто-Адидже, хотя и после «тесных консультаций с Римом»³.

В правительственной программе, представленной новым правительством Австрии в декабре 2017 г., ставилась задача по обеспечению жителям Южного Тироля возможности получения «двойного гражданства» в соответствии с духом европейской интеграции и в интересах более тесного объединения граждан стран — членов ЕС⁴. Правительство Австрии рассчитывало, что немецкоязычные жители итальянского региона Трентино-Альто-Адидже смогут подать заявку на получение австрийского гражданства в 2018 — начале 2019 г.⁵ Депутат от АПС Вернер Нойбауэр публично

¹ Italy and Austria no closer to resolving dual citizenship row // NEWEUROPE. September 19, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neweurope.eu/article/italy-and-austria-are-no-closer-to-resolving-dual-citizenship-row/> (дата обращения: 20.02.2020); Rome and Vienna no closer to resolving minority row // NEWS-FRONT. September 19, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://en.news-front.info/2018/09/19/rome-and-vienna-no-closer-to-resolving-minority-row/> (дата обращения: 20.02.2020); «Опасное развитие» в Австрии: вспыхнет ли конфликт в Южном Тироле? // EurAsia Daily. 2017. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/19/opasnoe-razvitie-v-avstrii-vspykhnet-li-konflikt-v-yuzhnom-tirole> (дата обращения: 20.02.2020). По данным переписи, проведенной в Южном Тироле в 2011 г., около 70% местных жителей сказались немецкоязычными.

² Швейцер В. Тлеющий очаг сепаратизма в Европе.

³ Саможнев А. Паспорта раздора. Австрия может поссориться с Италией из-за Южного Тироля [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. 19 декабря. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/v-italii-osudili-plany-avstrii-vydat-pasporta-zhiteliam-iuzhnogo-tirolia.html>; Новые власти Австрии пообещали паспорта немецкоязычным итальянцам в Южном Тироле. Политики в Риме против // NEWSRU.COM. 2017. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/world/19dec2017/sudtirol.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Österreich will Doppelpass für Südtiroler // Zeit Online. 19. Dezember 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-12/doppelte-staatsbuergerschaft-oesterreich-suedtirol-angebot-italien-kritik>; Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022. S. 33. Available at: https://www.wienerzeitung.at/_em_daten/_wzo/2017/12/16/171216_1608_regierungsprogramm.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Саможнев А. Паспорта раздора; Ларина Н. Австрия может поссориться с Италией. Южный Тироль раздора // Российская газета. 2018. 8 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://vremya.press/avstriya-mozhet-possoritsya-s-italiej-yuzhnyj-tirol-razdora/> (дата обращения: 20.02.2020); Ма-

заявлял о возможности для жителей Южного Тироля получить австрийский паспорт с 2019 г., а для южнотирольских спортсменов — соревноваться в будущем за сборную Австрии, а не Италии¹.

Несмотря на то что правительственная программа освещала планы австрийского правительства до 2022 г., определенные шаги в этом направлении стали предприниматься еще в 2018 г. Во всяком случае, в сентябре 2018 г. канцлер Австрии С. Курц посетил Больцано, где попытался оказать предвыборную поддержку ЮНП². «В нашей правительственной программе, — заявил Курц, — мы выполнили пожелание южных тирольцев, которое было выражено всеми сторонами в Южном Тироле, и прежде всего правительством южнотирольских провинций»³. В свою очередь, в ходе визита в Больцано лидер АПС, вице-канцлер Х.-К. Штрахе заявил, что «двойное гражданство» будет иметь большое значение для многих тирольцев, так как «национальная идентичность, которую они и так ощущают, будет подтверждена документально»⁴.

Планы правительства Австрии натолкнулись на жесткую критику со стороны Италии. Во многом это было предопределено итогами выборов, состоявшихся 4 марта 2018 г. Победу на них одержала правоцентристская коалиция, которой в целом удалось набрать 37% голосов, прежде всего, за счет националистов из «Лиги» Маттео Сальвини (17,5%) и партии экс-премьера Сильвио Берлускони «Вперед, Италия» (14%). В число победителей также вошли левые евроскептики из «Движения пяти звезд» во главе с Луиджи Ди Майо. В результате появилось популистское правительство, которое опиралось на две партии, получившие большинство в парламенте — «Лигу» и «Движение пяти звезд». Оно пыталось вернуть Италии национальный суверенитет, «как в рамках ЕС, так и на международной арене», и ставило его «во главу процесса принятия политических решений» [3, с. 17; 2, с. 106–107].

В Риме политические намерения Вены называли «жестом национализма» и усмотрели в них угрозу деликатной этнической сбалансированности в автономном районе Альта-Адидже⁵. Комментируя новость, заместитель министра иностранных дел Италии Бенедетто Делла Ведова заметил, что «предложение Курца сделано в бархатной перчатке европеизма, но несет в себе знак этнонационалистического железного кулака». С ним солидаризовалась экс-министр по делам молодежи из правительства Берлускони Джорджия Мелони, заявившая, что «Вена нас унижает»⁶.

Министр иностранных дел Италии Энцо Моаверо Миланези тоже прокомментировал планы Австрии: «Ввиду деликатных вопросов, таких как проблема беженцев (...),

нуков С. Паспорта раздора. 2018. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/2018/09/18/pasporta-razdora/> (дата обращения: 20.02.2020); Burack Cr. Italy and Austria spar over German-speaking South Tyrol dual citizenship rumors // DW. July 25, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/322AN> (дата обращения: 20.02.2020).

¹ «Опасное развитие» в Австрии: вспыхнет ли конфликт в Южном Тироле?; Итальянские спортсмены из Южного Тироля смогут выступать за Австрию // SKI.RU. Горнолыжный портал. 2017. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ski.ru/az/blogs/post/italyanskie-sportsmeny-iz-yuzhnogo-tirolya-smogut-vystupat-za-avstriyu/> (дата обращения: 20.02.2020).

² Italy and Austria no closer to resolving dual citizenship row.

³ Саможнев А. Паспорта раздора.

⁴ Белл Б. Австрийские и итальянские националисты спорят из-за Южного Тироля [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. 2018. 24 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45959976> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Саможнев А. Паспорта раздора.

⁶ Новые власти Австрии пообещали паспорта немецкоязычным итальянцам в Южном Тироле; Киреев Д. Имперские планы Себастьяна Курца // Euromag. 2017. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euromag.ru/articles/imperskie-planu-sebastijana-kurca/> (дата обращения: 20.02.2020); Дудина Г. Австрия напомнила об оставленном в Италии // Коммерсант. 2017. 21 декабря. № 238. С. 6.

вопрос двойного гражданства для граждан соседней страны, уже имеющих европейское гражданство, кажется мне последним из вопросов, которые следует поднять». Он обвинил правительство Австрии в продвижении законодательного предложения, способного разжечь разногласия вместо того, чтобы сосредоточиться «на действиях, способствующих единству и взаимной гармонии между странами»¹. В этом его поддержал представитель итальянской правой партии «Итальянские братья» Франческо Лоллобриджида, который потребовал от премьер-министра Конте последовать примеру Миланези в защите территориальных интересов Италии. Обратив внимание на то, что еще ни один глава правительства иностранного государства не вмешивался в избирательную кампанию, он прямо заявил: «Границы Италии священны»².

За несколько часов до визита С. Курца в Рим правительство Италии обвинило Вену в реваншистских планах относительно Южного Тироля. 18 сентября Министерство иностранных дел Италии опубликовало пресс-релиз, в котором уподобило планы Австрии предоставить гражданство немецкоязычным жителям итальянской провинции Южный Тироль в год 100-летия окончания Первой мировой войны «анакронистическому реваншизму»³.

Хотя С. Курц был встречен в итальянской столице пышной церемонией, состоялись его переговоры с главой правительства Италии Джузеппе Конте⁴, Э. Миланези отклонил приглашение своей австрийской коллеги Карин Кнайсль приехать на встречу в Вену. Он прямо заявил, что «климат взаимного доверия» между странами утрачен. Это стало реакцией на планы австрийского правительства выдать свои паспорта жителям Трентино-Альто-Адидже, говорящим на немецком и ладинском языках. Причиной дипломатического решения стали «повторяющиеся утверждения» вокруг разработки соответствующего законопроекта⁵. Итальянский сенатор от правой партии «Вперед, Италия» Гаспарри Маурицио приветствовал решение Э. Миланези отменить встречу с К. Кнайсль⁶.

Следует согласиться с мнением британского журналиста Бетани Белла о том, что особую остроту австро-итальянскому конфликту придавало участие в нем двух националистических партий «с практически идентичной позицией по многим вопросам». Так, 25 октября 2018 г. на заседании парламента австрийский министр

¹ Italien lehnt Pläne für doppelte Staatsbürgerschaft in Südtirol ab // Zeit Online. 8. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-09/suedtirol-oessterreich-italien-doppelte-staatsbuergerschaft-streit> (дата обращения: 20.02.2020).

² Italiens Rechtsparteien attackieren Kurz // Wiener Zeitung. 17. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/990139-Italiens-Rechtsparteien-attackieren-Kurz.html> (дата обращения: 20.02.2020); Kurz über Südtiroler Doppelpässe: Für Italien kein „Grund zur Aufregung“ // Die Presse. 18. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diepresse.com/5498427/kurz-uber-sudtiroler-doppelpasse-fur-italien-kein-grund-zur-aufregung> (дата обращения: 20.02.2020).

³ МИД Италии: «Климат взаимного доверия с Австрией утрачен» // ИА REGNUM. 2018. 19 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2484686.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Председатель Совета ЕС Себастьян Курц прибыл с визитом в Рим // ИА REGNUM. 2018. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2484117.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Глава МИД Италии отменил предстоящий визит в Австрию // РИА Новости. 2018. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180918/1528759989.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Italiens Rechtsparteien attackieren Kurz // Wiener Zeitung. 17. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/990139-Italiens-Rechtsparteien-attackieren-Kurz.html> (дата обращения: 20.02.2020); Kurz über Südtiroler Doppelpässe: Für Italien kein „Grund zur Aufregung“ // Die Presse. 18. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diepresse.com/5498427/kurz-uber-sudtiroler-doppelpasse-fur-italien-kein-grund-zur-aufregung> (дата обращения: 20.02.2020).

иностранных дел дал понять, что правительство будет соблюдать коалиционное соглашение, которое предусматривает реализацию «двойного гражданства» для южных тирольтцев¹.

Ранее, в ходе своего визита в Больцано, Штрахе заявил, что «двойное гражданство» будет иметь большое значение для многих тирольтцев: «Национальная идентичность, которую они и так ощущают, будет подтверждена документально»². Разделяя такие взгляды, Свен Кнолль призывал жителей Южного Тироля «не забывать, что они являются австрийским меньшинством на итальянской территории, поскольку южнотирольская автономия — это не территориальная автономия, а чисто этническая автономия для защиты австрийского меньшинства, немецкого и ладинского родного языка»³. Не удивительно, что министр внутренних дел и одновременно замглавы правительства Италии Маттео Сальвини, один из лидеров Лиги Севера, ранее неоднократно называвший АПС своими союзниками, заверял австрийских «товарищей» в том, что его правительство на уступки по Южному Тиролю не пойдет⁴.

Несмотря на обострение конфликта в 2018 г., ситуация вокруг него не давала оснований для «сгущения красок» и драматизации ситуации.

Во-первых, самим австрийцам по закону запрещено иметь «двойное гражданство». Его не признают даже для граждан турецкого происхождения⁵. Поэтому, навязывая «двойное гражданство» жителям Италии, Австрия фактически придерживалась «двойных стандартов» и рисковала обострить внутривнутриполитическую ситуацию.

Во-вторых, внутри самой Австрии отношение к данному вопросу было неоднозначным. К тому же вопрос о предоставлении австрийского гражданства жителям Южного Тироля на официальном уровне откладывался до осени 2019–2020 гг. Пресс-секретарь австрийского правительства Питер Лаунски-Тиффенталь выражал намерение принимать любое решение исключительно «в диалоге с Римом и Больцано», а введение «двойного гражданства» — только с согласия властей Больцано⁶.

В-третьих, вопреки распространенному представлению о стремлении южнотирольтцев получить гражданство Австрии⁷, данные авторитетного «Лингвистического барометра» (2014) свидетельствовали, что 80,7% опрошенных жителей Альто-Адидаже идентифицировали себя как «южнотирольтцы», 9,3% — как итальянцы и только 2,2% — как австрийцы [30]⁸. По другим данным, в 2014 г. только 7% жителей

¹ Österreich: „Staatsbürgerschaft für Südtiroler wird umgesetzt“ // Unser Tirol. 25. Oktober 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unsertirol24.com/2018/10/25/oesterreich-staatsbuergerschaft-fuer-suedtiroler-wird-umgesetzt/> (дата обращения: 20.02.2020).

² Националисты Австрии и Италии схлестнулись в споре из-за аннексированного 100 лет назад Южного Тироля // Фокус. 2018. 24 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://focus.ua/world/410235-nacionalisty-avstrii-i-italii-sxlestnulis-v-spore-izza-anneksirovannogo-100-let-nazad-yuzhnogo-tirola> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Österreich: „Staatsbürgerschaft für Südtiroler wird umgesetzt“.

⁴ Белл Б. Австрийские и итальянские националисты спорят из-за Южного Тироля.

⁵ «Опасное развитие» в Австрии: вспыхнет ли конфликт в Южном Тироле?; Белл Б. Австрийские и итальянские националисты спорят из-за Южного Тироля; Левчук К. За двойное гражданство в Австрии накажут вдвойне // Швейцария деловая. 2017. 6 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2017/07/dvoynoe-grazhdanstvo-avstrii/> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ В Вене рассматривают возможность предоставления австрийского гражданства жителям Южного Тироля // Италия по-русски. 2018. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://italia.ru.com/news/vene-rassmatrivayut-vozmozhnost-predostavleniya-avstriiskogo-grazhdanstva-zhiteliam-yuzhnogo-ti> (дата обращения: 20.02.2020).

⁷ Marchetti S. The South Tyrol identity crisis: to live in Italy, but feel Austrian // The Guardian. May 30, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/education/2014/may/30/south-tyrol-live-in-italy-feel-austrian> (дата обращения: 20.02.2020).

⁸ Larin S. J., Engl A. Granting Austrian citizenship to German-speaking Italians would not be a victory for South Tyrol's separatists Austrian // BLOGS.LSE.AC.UK. January 10, 2018 [Электронный

Южного Тироля считали проблемой совместное проживание разных этнических групп. Напротив, сильно увеличилось число тех, кто видел в сосуществовании трех языков фактор взаимного обогащения жителей Южного Тироля [17, с. 173]. Принимая во внимание эти и другие обстоятельства, Г. Паллавер пришел к выводу, что в последнее время настроения в Южном Тироле сильно изменились, гражданское общество во многом обесценило сложившуюся политическую и административную систему, основанную на официальном сосуществовании обособленных друг от друга этносов. В результате этническая разобщенность отступала в прошлое, уступая место растущей «территоризации» (территориальной интеграции) Южного Тироля [21, с. 382–394].

Действительно, в Южнотирольском парламенте XV созыва (2013–2018) преобладали представители ЮНП (45,7% голосов). За ними следовали сравнительно умеренные «либертарианцы» (17,9%) и «Зеленые» (8,7%). Радикальной партии «Свобода Южного Тироля» удалось заручиться поддержкой всего 7,2% голосов [8, с. 61]. На провинциальных выборах в Ландтаг Южного Тироля 21 октября 2018 г. «либертарианцы» получили лишь 6,2% (два места в провинциальном парламенте вместо прежних шести), а ПСЮТ сумела заручиться поддержкой 6,0% голосов избирателей (два мандата в провинциальном Совете вместо прежних трех). В этом проявилось недоверие большинства южнотирольцев националистическим партиям [26, с. 78, 82]¹.

Отмечая, что в Южном Тироле немцам и итальянцам совместно удалось избавиться от кровопролитных этнических конфликтов прошлого, губернатор автономной провинции Больцано-Боцен — Южный Тироль Арно Компатчер с удовлетворением констатировал: «Сегодня нам удастся жить вместе, не теряя при этом своей яркой самобытности. У нас есть спагетти и кнедели, мы стараемся брать лучшее от каждой культуры и не боимся за свою национальную идентичность». Ссылаясь на опросы общественного мнения, он указывал, что 45% проживающих в провинции вообще не планировали добиваться «двойного гражданства», 35% — «говорят, что это было бы неплохо, но не стремятся получить его любой ценой» и только 17% жителей определенно хотели бы иметь «двойное гражданство»².

Вместе с тем уверенность Компатчера в том, что «многонациональное общество в Южном Тироле уже построено, мирное сосуществование установлено, и будет неправильным раскалывать население введением „двойного гражданства“ или проведением референдума», вызывает раздражение у определенной части немецкоязычных жителей, которые из-за частых отлучек губернатора в Рим именуют его «бравым итальянским школьником, исправно выполняющим римские домашние задания» [8, с. 63–64].

Данный факт свидетельствует о том, что, хотя политический конфликт в последние годы приобрел вялотекущий характер и проявляется в ненасильственных формах, раздельное сосуществование трех этнолингвистических групп до конца преодолеть не удалось. В контексте миграционного кризиса и преодоления его последствий немецкоязычные жители и их политические представители опасаются, что усиление языкового разнообразия в автономной провинции приведет к нарушению равновесия между традиционными национальными идентичностями. Поэтому мультикультурализм не становится фактором сближения основных групп южнотирольцев. Родные языки мигрантов не микшируют сложившуюся официальную

ресурсы]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2018/01/10/granting-austrian-citizenship-to-german-speaking-italians-would-not-be-a-victory-for-south-tyrols-separatists/> (дата обращения: 20.02.2020).

¹ Provincial Elections Renewal of the Provincial Council of the Autonomous Province of Bolzano–South Tyrol. October 21, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.buergernetz.bz.it/vote/landtag2018/results/home_le_vg.htm (дата обращения: 20.02.2020).

² Белл Б. Австрийские и итальянские националисты спорят из-за Южного Тироля.

билингвистическую структуру южнотирольского общества. Напротив, в провинции воспроизводятся культурные и социальные границы между «историческими» группами, что сдерживает формирование единой южнотирольской гражданской идентичности [19, с. 83–84].

В сентябре 2019 г. в Италии появилось второе правительство Конте, поддержанное коалицией из «Движения пяти звезд» и Демократической партии. Проявляя лояльность к «европейским и атлантическим ценностям» и директивам ЕС, оно не противопоставляет «суверенитет» европейской солидарности и выступает за смягчение инициированной Сальвини жесткой миграционной политики. Во всяком случае, на пост министра внутренних дел назначили беспартийную Лучиану Ламорджезе, которая обещала проявлять умеренность по отношению к беженцам. Новое правительство уже отказалось от политики «закрытых портов» [3, с. 16, 18; 1, с. 13–14]. С одной стороны, это снимает у южнотирольских сепаратистов претензию по поводу усиления итальянского государственного национализма. С другой — дает им основание для активизации своей подрывной деятельности в связи с перспективой притока в Италию новых мигрантов.

Аналогичные изменения произошли и в австрийской политике. В результате инцидента, известного как «Дело Ибицы», АПС покинула правительственную коалицию с АНП. В мае 2019 г. парламент выразил ей вотум недоверия, и вице-канцлер Х.-К. Штрахе, замешанный в скандале, ушел в отставку¹. 29 сентября 2019 г. в стране состоялись досрочные выборы в Национальный совет, на которых уверенную победу одержала консервативная АНП, набравшая 37,5%. Социал-демократы получили 21,2%, «зеленые» — 13,9%, а либералы из партии «Новая Австрия» — 8,1% голосов. Одновременно позиции АПС во главе с Норбертом Хофером, продолжающей выступать за предельное ужесточение миграционной политики и даже выход Австрии из ЕС, заметно ослабли. Крайне правые набрали 16,2% голосов, в то время как на предыдущих выборах осенью в 2017 г. за них проголосовали 26%².

Первого января 2020 г. С. Курц объявил о достижении договоренности с «Зелеными» сформировать совместный кабинет министров Австрии. Он вернулся на пост канцлера Австрии, а лидер «Зеленых» Вернер Коглер согласился стать вице-канцлером, министром культуры, искусства, по делам государственной службы и спорта. Новое правительство заявило о своей приверженности курсу на усиление евроинтеграции. Партнеры по правительственной коалиции согласились проводить умеренную миграционную политику с оглядкой на принципы и директивы ЕС. Особенно болезненным компромиссом для «Зеленых» стало их согласие на введение в Австрии так называемого превентивного ареста лиц, представляющих угрозу общественной безопасности, но не совершивших никаких правонарушений, направленных против неконтролируемой миграции³. В новой правительственной про-

¹ Мищенко О. Вице-канцлер Австрии ушел в отставку // DW. 2019. 18 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/3lh0U> (дата обращения: 20.02.2020).

² Трухачев В. Выборы в Австрии: победа Курца, неприятность для России // EurAsia Daily. 2019. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/30/vybory-v-avstrii-pobeda-kurca-nepriyatnost-dlya-rossii> (дата обращения: 20.02.2020); Коваль И. В Австрии оглашены окончательные итоги парламентских выборов // DW. 2019. 4 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/3Qhb1> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Kurz und Kogler präsentierten Regierungsprogramm // NOEN.AT. 2. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noen.at/in-ausland/koalitionsdetails-kurz-und-kogler-praesentierten-regierungsprogramm-wien-bundesregierung-koalition-regierung-sebastian-kurz-werner-kogler-regierungsbildung-180797985> (дата обращения: 20.02.2020); Salomon M. von. Regierungsprogramm: Wer hat sich da jetzt durchgesetzt? // KURIER.AT. 2. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kurier.at/politik/inland/die-wichtigsten-punkte-aus-324-seiten-regierungsprogramm/400716558> (дата обращения: 20.02.2020); Grüne und ÖVP — Welche Forderungen kommen ins Regierungsprogramm? // KONTRAST.AT. 3. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kontrast.at/regierungsprogramm->

грамме говорилось о солидарной ответственности Австрии и Италии гарантировать независимое развитие и дальнейшее развитие автономии Южного Тироля в тесной координации с представителями немецкоязычного и латинского меньшинств. При этом тема «двойного гражданства», связанная с выдачей австрийских паспортов жителям Южного Тироля, была закрыта¹. Сам этот вопрос исчез из информационного пространства.

Изменения политического ландшафта Австрии пришлось по нраву представителям умеренных политических сил Южного Тироля. Так, председатель ЮНП Филипп Ахаммер выразил надежду на то, что правительство Себастьяна Курца в дальнейшем продолжит интересоваться урегулированием имеющихся проблем Южного Тироля². В условиях формирования новой правительственной коалиции в Австрии Ф. Ахаммер и А. Компатчер приветствовали коалиционную программу будущего австрийского федерального правительства, прежде всего ее положения, касающиеся южнотирольского вектора австрийской внешней политики. Можно сказать, что они рассчитывают на поддержку Австрии в восстановлении целого ряда автономных полномочий Южного Тироля, ограниченных итальянскими властями после 1992 г.³

Следовательно, в провинции с высоким уровнем жизни и благосостояния населения сохраняется объективная основа для сепаратистских настроений и проявлений. Нельзя забывать о том, что причиной отказа Австрии от претензий к итальянской стороне по вопросу Южного Тироля стал ее политический шантаж. Как отмечает М. Ю. Сорвина, Вена «вынужденно пошла на эту меру в обмен на членство в ЕС» [20, с. 84].

Как можно заметить, в Южном Тироле сохраняются объективные предпосылки как для обострения противоречий между этнолингвистическими общинами, так и для активизации сил, выступающих за его внешнее самоопределение. Следует согласиться с Марком Регглой в том, что существует возможность внезапного и быстрого изменения ситуации в пользу националистов вследствие неблагоприятного развития политических событий в Италии, Австрии и Евросоюзе в целом [26, с. 79, 83].

Определенный интерес в этом отношении представляют результаты майских (2019) выборов в Европарламент. Так, обозреватель информационного агентства EurAsia Daily Дмитрий Семушин зафиксировал в каждой европейской стране высокую долю тех, «кто считает, что война между странами Евросоюза возможна. Конкретно — это 28% избирателей ЕС... В некоторых странах среди молодежи эта доля превышает 50%. На практике это означает, что верящие в возможность войны живут в реалиях конкуренции и конфликта, а не европейского сотрудничества»⁴.

2020-oevp-gruene/migrationintegration (дата обращения: 20.02.2020); Короткий В. «Зеленая» Австрия. Какое оно — правительство Курца 2.0? // Укринформ. Мультимедийная платформа иновещания Украины. 2020. 14 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/2855738-zelenaa-avstria-kakoe-ono-pravitelstvo-kurca-20.html> (дата обращения: 20.02.2020).

¹ ÖVP und Grüne bekennen sich zur Schutzfunktion für Südtirol // RAINNEWS.IT. 2. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rainews.it/tgr/tagesschau/articoli/2020/01/tag-Oesterreich-Regierungsprogramm-Suedtirol-Schutzfunktion-Doppelpass-ddab34ca-38c9-42db-a863-a2554f914804.html> (дата обращения: 20.02.2020); Doppelpass für Südtiroler nicht mehr vorgesehen // SUEDTIROL-NEWS.IT. 3. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.suedtirolnews.it/politik/regierungsprogramm-doppelpass-fuer-suedtiroler-nicht-mehr-vorgesehen> (дата обращения: 20.02.2020).

² Achammer: „Wahlausgang auf jeden Fall positiv für Südtirol“ // STOL.IT. 30. September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stol.it/artikel/politik/achammer-wahlausgang-auf-jeden-fall-positiv-fuer-suedtirol> (дата обращения: 20.02.2020).

³ SVP zufrieden mit Regierungsprogramm zwischen ÖVP und Grünen // Unser Tirol. 2. Januar 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unsertirol24.com/2020/01/02/svp-zufrieden-mit-regierungsprogramm-zwischen-oevp-und-gruenen/> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Семушин Д. Итоги выборов в Европарламент: усиление фрагментарности и неопределенности // EurAsia Daily. 2019. 4 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/>

В связи с распространением в Европе пандемии коронавируса COVID-19 страны-члены ЕС в массовом порядке продемонстрировали отказ от солидарности в пользу самоизоляции и сосредоточились на собственных национальных интересах. Мало того что Италия не смогла получить от соседних стран необходимую ей помощь, 10 марта 2020 г. Австрия закрыла границы для ее граждан, не способных документально подтвердить, что они не заражены коронавирусом. Это привело к усилению в европейской политике настроений евроскептицизма, дальнейшей разбалансировке механизмов финансово-валютного регулирования, ослаблению наднациональных институтов ЕС. Американский политолог Даг Бандоу приписал коронавирусу способность убить саму «идею европейского сообщества в каком-либо значимом смысле»¹.

Как бы то ни было в дальнейшем возможны новые проявления самоизоляции европейских стран. В силу неспособности наднациональных структур ЕС и его членов бескорыстно взаимодействовать в кризисных условиях следует ожидать усиления политических позиций не только итальянских евроскептиков, но и сепаратистов Южного Тироля, уязвленных бессилием итальянских властей парировать угрозу коронавируса и связанной с ним экономической рецессии.

Принимая во внимание нестабильность внутривнутриполитической ситуации в Италии и некоторых других странах ЕС, испытывающих экономические трудности, отмечая усиление «правых» партий, подрывающих либеральные устои европейской солидарности, можно с высокой степенью вероятности предположить в среднесрочной перспективе новое обострение южнотирольского вопроса. В этой связи сохраняется вероятность активизации, как сепаратистских настроений, так и националистических проявлений на севере Италии, выдвижения все новых претензий Австрии к Италии и ухудшения отношений двух стран в условиях глобальной экономической рецессии, продолжающегося проникновения в Европу нелегальных мигрантов, ослабления евроатлантической солидарности и нарастающей турбулентности внутри самого ЕС.

Литература

1. *Алексеевкова Е. С.* Италия — ЕС: отказ от политики «суверенной изоляции»? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 5. С. 10–15.
2. *Алексеевкова Е. С.* Страна победившего популизма: Италия после выборов // Современная Европа. 2019. № 2. С. 106–117.
3. *Алонци Р., Любин В. П.* Политика «желто-зеленого» правительства Италии 2018–2019 гг. и его конфликт с ЕС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2019. С. 15–20.
4. *Андреева Г. Н.* Конституционно-правовые основы автономии Южного Тироля (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2017. № 4. С. 56–64.
5. *Гуселетов Б. П.* Итоги парламентских выборов в Италии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 55–69.
6. *Сепаратизм в политической жизни современной Европы* / под ред. П. Е. Канделя. М.: Ин-т Европы РАН, 2015.
7. *Сорвина М. Ю.* От Лиги Наций к ООН: вопрос о Южном Тироле // Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2015. № 2. С. 28–32.
8. *Сорвина М. Ю.* Политические силы Южного Тироля и его автономия // Сепаратизм в по-

news/2019/06/04/itogi-vyborov-v-evroparlament-usilenie-fragmentarnosti-i-neopredelennosti (дата обращения: 20.02.2020).

¹ *Bandow W.* Will Coronavirus Kill the European Union // The National Interest. March 16, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/will-coronavirus-kill-european-union-133432> (дата обращения: 20.02.2020).

литической жизни современной Европы / под ред. П. Е. Канделя. М. : Ин-т Европы РАН, 2015. С. 59–68.

9. Сорвина М. Ю. Современная мирная инициатива по урегулированию межэтнической проблемы Южного Тироля // Проблемы толерантности: история и современность. Материалы междунар. научн. конф., г. Череповец 16–18 апреля 2015 г. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2015. С. 83–85.
10. Швейцер В. Я. Южный Тироль: тлеющий очаг сепаратизма в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 43–46.
11. Швейцер В. Я. СССР — Австрия: на выражах мировой политики // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 121–130.
12. Alber E., Zwillig C. Continuity and Change in South Tyrol's Ethnic Governance // *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* / Ac. ed.: L. Salat, S. Constantin, A. Osipov, I.G. Székely. P. 33–66.
13. *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* / Academic editor: L. Salat, S. Constantin, A. Osipov, I.G. Székely. Cluj-Napoca, 2014.
14. Benedikter Th. The Financial System of the Autonomous Province of Bolzano/Bozen // *Tolerance Through Law. Self Governance and Group Rights in South Tyrol*, ed. J. Woelk, Fr. Palermo, Js. Marko. P. 105–119.
15. Benedikter R. East Ukraine's four perspectives: A Solution According to the South Tyrol Model // *Ethnopolitics Papers*. 2015. N 37. August. P. 1–27 [Электронный ресурс]. URL: https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/page-files/Benedikter_EP_No37.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
16. Carlà A. South Tyrolean Solutions to Ethnic Conflicts from a Security Studies Perspective // *Ethnopolitics Papers*. 2016. № 41. April. P. 1–19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/307887351_South_Tyrolean_Solutions_to_Ethnic_Conflicts_from_a_Security_Studies_Perspective (дата обращения: 20.02.2020).
17. Carlà A., Constantin S. Territorial and Cultural Self-Governance in Italy, Strengths and Challenges of South Tyrol's Autonomy // *Minority Self-Government in Europe and the Middle East: From Theory to Practice* / ed. O. Akbulut, E. Aktoprak. P. 154–182.
18. Carlà A. Land of welcome, land of fear: explaining approaches to 'new' diversity in Catalonia and South Tyrol // *Journal of Ethnic & Migration Studies*. 2018. Jun. Vol. 44. Is. 7. P. 1098–1116.
19. Meçe M. H. Challenges of Diverse Migration Flows in Italy's Autonomous Province of South Tyrol // *Acta Universitatis Carolinae Studia Territorialis*. XVI. 2016. Číslo 2. P. 65–85.
20. *Minority Self-Government in Europe and the Middle East: From Theory to Practice* / ed. O. Akbulut, E. Aktoprak. Leiden : Brill Nijhoff, 2019.
21. Pallaver G. South Tyrol's changing political system: from dissociative on the road to associative conflict resolution // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2014. Vol. 42. Is. 3. P. 376–398.
22. Perathoner Ch. Die Südtirol-Autonomie als internationales Referenzmodell? Die internationale Absicherung und die Verallgemeinerungsfähigkeit der Südtiroler Errungenschaften // *Europa Ethnica*. 2015. N 3/4. S. 94–109.
23. Peterlini O. Autonomie und Minderheitenschutz in Südtirol und im Trentino, Überblick über Land und Geschichte, Recht und Politik / Oskar Peterlini // *Regionalrat der Autonomen Region Trentino-Südtirol*, Bozen Trien, 2000.
24. *Regional Autonomy, Cultural Diversity and Differentiated Territorial Government: The Case of Tibet — Chinese and Comparative Perspectives* / ed. R. Toniatti, J. Woelk. London : Routledge, 2017.
25. Reinhard O. Probelauf für ein Referendum — Südtiroler für Selbstbestimmung // *EU-INFOTHEK*. 21. Januar 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eu-infothek.com/probelauf-fuer-ein-referendum-suedtiroler-fuer-selbstbestimmung/> (дата обращения: 20.02.2020).
26. Röggla M. Consensus Impossible? South Tyrol's Autonomy Convention and the issue of Self-determination // *Journal of Autonomy and Security Studies*. 2019. № 3 (2). P. 67–85.
27. Scantamburlo M. Selbstbestimmung und Parteien in Südtirol: Territoriale und europäische Parteistrategien zwischen Autonomie und Sezession // *European Diversity and Autonomy Papers*, EDAP. 03/2016. S. 1–40 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/publications/Documents/2016EDAP_03_FINAL.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
28. Scrinzi O., Golowitsch H. Chronik Südtirol: 1959–1969 von der Kolonie Alto Adige zur Autonomen Provinz Bozen Verlag: Stocker, 1996. [Электронный ресурс]. URL: https://bas.tirol/cpt_anschlaege/feuernacht/ (дата обращения: 20.02.2020).

29. *Steininger R.* South Tyrol: A Minority Conflict of the Twentieth Century. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 2003. P. 5–10.
30. *Südtiroler Sprachbarometer.* Sprachgebrauch und Sprachidentität in Südtirol / Autonome Provinz Bozen-Südtirol Landesinstitut für Statistik — ASTAT. Bozen, 2006.
31. *Tolerance Through Law: Self Governance and Group Rights In South Tyrol* / Ed. by Jens Woelk, Francesco Palermo, Joseph Marko. Leiden; Boston, 2008. 420 p.
32. *Wisthaler V.* South Tyrol: the importance of boundaries for immigrant integration // *Journal of Ethnic & Migration Studies.* 2016. Vol. 42. N 8. P. 1271–1289.
33. *Woelk J.* From compromise to compact? Working autonomy in South Tyrol // *Regional Autonomy, Cultural Diversity and Differentiated Territorial Government: The Case of Tibet — Chinese and Comparative Perspectives* / ed. R. Toniatti, J. Woelk. P. 133–155.

Об авторах:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

Шмидт Ольга Игоревна, аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); oshmidt@inbox.ru

References

1. Alekseenkova E. S. Italy — EU: abandoning the policy of “sovereign isolation”? // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences* [Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN]. 2019. № 5. P. 10–15. (In rus)
2. Alekseenkova E. S. Country of victorious populism: Italy after the elections // *Modern Europe.* 2019. № 2. P. 106–117. (In rus)
3. Alonzi R., Lyubin V. P. The policy of the “yellow-green” government of Italy 2018–2019 and its conflict with the EU // *Greater Eurasia: Development, security, cooperation.* M., 2019. P. 15–20. (In rus)
4. Andreeva G. N. Constitutional and legal foundations of autonomy of South Tyrol (analytical review) // *Social and humanities sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law* [Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo]. Abstract journal. 2017. N 4. P. 56–64. (In rus)
5. Guseletov B. P. Results of parliamentary elections in Italy // *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences* [Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN]. 2018. № 1. P. 55–69. (In rus)
6. Separatism in the political life of modern Europe / ed. P. E. Kandel. M.: Institute of Europe of RAS, 2015. 88 p. (In rus)
7. Sorvina M. Yu. From the League of Nations to the UN: the question of South Tyrol // *Topical issues and prospects for the development of social sciences* [Aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya obshchestvennykh nauk] / Collection of scientific works based on the results of the international scientific and practical conference. 2015. № 2. P. 28–32. (In rus)
8. Sorvina M. Yu. Political forces of South Tyrol and its autonomy // *Separatism in the political life of modern Europe* / ed. P. E. Kandel. M.: Institute of Europe of RAS, 2015. P. 59–68. (In rus)
9. Sorvina M. Yu. Modern peace initiative to resolve the inter-ethnic problem of South Tyrol // *Problems of tolerance: history and modernity. Materials of International Scientific Conference, Cherepovets April 16–18, 2015 Cherepovets: Cherepovets State University, 2015. P. 83–85. (In rus)*
10. Schweitzer V. Ya. South Tyrol: a smoldering hotbed of separatism in Europe // *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences* [Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN]. 2018. № 2. P. 43–46. (In rus)
11. Schweitzer V. Ya. USSR and Austria: on the superiority of world politics // *Modern Europe* [Sovremennaya Evropa]. 2014. № 2 (58). P. 121–130. (In rus)
12. Alber E., Zwilling C. Continuity and Change in South Tyrol's Ethnic Governance // *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* / Ac. ed.: L. Salat, S. Constantin, A. Osipov, I. G. Székely. P. 33–66.
13. *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* / Academic editor: L. Salat, S. Constantin, A. Osipov, I. G. Székely. Cluj-Napoca, 2014.

14. Benedikter Th. The Financial System of the Autonomous Province of Bolzano/Bozen // *Tolerance Through Law: Self Governance and Group Rights in South Tyrol*, ed. J. Woelk, Fr. Palermo, Js. Marko. P. 105–119.
15. Benedikter R. East Ukraine's four perspectives: A Solution According to the South Tyrol Model // *Ethnopolitics Papers*. 2015. N 37. August. P. 1–27 [Electronic resource]. URL: https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/page-files/Benedikter_EP_No37.pdf.
16. Carlà A. South Tyrolean Solutions to Ethnic Conflicts from a Security Studies Perspective // *Ethnopolitics Papers*. 2016. № 41. April. P. 1–19 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/307887351_South_Tyrolean_Solutions_to_Ethnic_Conflicts_from_a_Security_Studies_Perspective.
17. Carlà A., Constantin S. Territorial and Cultural Self-Governance in Italy, Strengths and Challenges of South Tyrol's Autonomy // *Minority Self-Government in Europe and theMiddle East: From Theory to Practice* / ed. O. Akbulut, E. Aktoprak. P. 154–182.
18. Carlà A. Land of welcome, land of fear: explaining approaches to 'new' diversity in Catalonia and South Tyrol // *Journal of Ethnic & Migration Studies*. 2018. Jun. Vol. 44. Is. 7. P. 1098–1116.
19. Meçe M. H. Challenges of Diverse Migration Flows in Italy's Autonomous Province of South Tyrol // *Acta Universitatis Carolinae Studia Territorialia*. XVI. 2016. Číslo 2. P. 65–85.
20. *Minority Self-Government in Europe and theMiddle East: From Theory to Practice* / ed. O. Akbulut, E. Aktoprak. Leiden : Brill Nijhoff, 2019.
21. Pallaver G. South Tyrol's changing political system: from dissociative on the road to associative conflict resolution // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2014. Vol. 42. Is. 3. P. 376–398.
22. Perathoner Ch. Die Südtirol-Autonomie als internationales Referenzmodell? Die internationale Absicherung und die Verallgemeinerungsfähigkeit der Südtiroler Errungenschaften // *Europa Ethnica*. 2015. N 3/4. S. 94–109.
23. Peterlini O. Autonomie und Minderheitenschutz in Südtirol und im Trentino, Überblick über Land und Geschichte, Recht und Politik / Oskar Peterlini // *Regionalrat der Autonomen Region Trentino-Südtirol, Bozen Trien*, 2000.
24. *Regional Autonomy, Cultural Diversity and Differentiated Territorial Government: The Case of Tibet — Chinese and Comparative Perspectives* / ed. R. Toniatti, J. Woelk. London : Routledge, 2017.
25. Reinhard O. Probelauf für ein Referendum — Südtiroler für Selbstbestimmung // *EU-INFOTHEK*. 21. Januar 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.eu-infothek.com/probelauf-fuer-ein-referendum-suedtiroler-fuer-selbstbestimmung/>.
26. Röggla M. Consensus Impossible? South Tyrol's Autonomy Convention and the issue of Self-determination // *Journal of Autonomy and Security Studies*. 2019. № 3 (2). P. 67–85.
27. Scantamburlo M. Selbstbestimmung und Parteien in Südtirol: Territoriale und europäische Parteistrategien zwischen Autonomie und Sezession // *European Diversity and Autonomy Papers, EDAP*. 03/2016. S. 1–40 [Electronic resource]. URL: http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/publications/Documents/2016EDAP_03_FINAL.pdf.
28. Scrinzi O., Golowitsch H. *Chronik Südtirol: 1959–1969 von der Kolonie Alto Adige zur Autonomen Provinz Bozen* Verlag: Stocker, 1996. [Electronic resource]. URL: https://bas.tirol/cpt_anschlaege/feuernacht.
29. Steininger R. *South Tyrol: A Minority Conflict of the Twentieth Century*. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 2003. P. 5–10.
30. *Südtiroler Sprachbarometer. Sprachgebrauch und Sprachidentität in Südtirol* / Autonome Provinz Bozen-Südtirol Landesinstitut für Statistik — ASTAT. Bozen, 2006.
31. *Tolerance Through Law: Self Governance and Group Rights In South Tyrol* / Ed. by Jens Woelk, Francesco Palermo, Joseph Marko. Leiden; Boston, 2008. 420 p.
32. Wisthaler V. South Tyrol: the importance of boundaries for immigrant integration // *Journal of Ethnic & Migration Studies*. 2016. Vol. 42. N 8. P. 1271–1289.
33. Woelk J. From compromise to compact? Working autonomy in South Tyrol // *Regional Autonomy, Cultural Diversity and Differentiated Territorial Government: The Case of Tibet — Chinese and Comparative Perspectives* / ed. R. Toniatti, J. Woelk. P. 133–155.

About the authors:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; mshumilov@mail.ru

Olga I. Shmidt, Graduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), oshmidt@inbox.ru

Влияние цифровой трансформации на процессы слияний и поглощений

Цыгалов Ю. М. *, Бахарева М. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *tsigalov_@mail.ru

РЕФЕРАТ

Слияния и поглощения являются признанным и эффективным механизмом развития компаний. В зависимости от целей, слияния и поглощения (M&A) позволяют укрепить положение организации на рынке, сформировать новые конкурентные преимущества, выйти на новые рынки сбыта, приобрести недостающие компетенции, коренным образом изменить ключевые параметры деятельности и улучшить структуру компании. В России теоретико-методологические основы слияний и поглощений представлены достаточно широко. Исследованы процессы слияний и поглощений, рассмотрены возможные негативные эффекты, отражающиеся в падении стоимости объединенной компании. На эффективность M&A существенное влияние оказывает развитие бизнес-процессов, в первую очередь цифровая трансформация. В 2016–2019 гг. в число 10 крупнейших сделок M&A, как в мире, так и в России, регулярно включаются компании, связанные с информационными технологиями и высокими технологиями. В работе рассмотрена одна из самых актуальных тенденций современного мира — цифровая трансформация бизнеса, и зависимость процессов слияний и поглощений от цифровизации, происходящей не только в IT-компаниях, но и в компаниях нетехнологического сектора. Целью исследования является доказательство прямой взаимосвязи между цифровой трансформацией и M&A. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ и синтез, сравнение, оценка и обобщение результатов исследований и отчетов консалтинговых компаний. Обосновано, что цифровизация является одной из важнейших причин и драйвером процессов слияний и поглощений. Выявлены особенности и специфика сделок с технологическими целями и сформулированы основные рекомендации по их проведению.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровизация; технологии; слияния и поглощения (M&A); технологическая сделка; нетехнологический сектор; инновации; стратегия

Для цитирования: Цыгалов Ю. М., Бахарева М. А. Влияние цифровой трансформации на процессы слияний и поглощений // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 82–96.

Influence of Digital Transformation on Mergers and Acquisitions Processes

Yuri M. Tsigalov*, Maria A. Bakhareva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; *tsigalov_@mail.ru

ABSTRACT

Mergers and acquisitions are a recognized and effective mechanism for the development of companies. Depending on the goals, mergers and acquisitions (M&A) can strengthen the organization's market position, create new competitive advantages, enter new sales markets, acquire missing competencies, radically change key business parameters and improve the company's structure. In Russia, the theoretical and methodological foundations of mergers and acquisitions are represented quite widely. Investigated the processes of mergers and acquisitions, examined the possible negative effects reflected in the decline in the value of the combined company. The development of business processes, primarily digital transformation, has a significant impact on the effectiveness of M&A. In 2016–2019 Among the 10 largest M&A transactions, both in the world and in Russia, information technology companies are regularly included. The paper considers one of the most relevant trends in the modern world —

the digital transformation of the business, as well as the dependence on technologies and digital technologies, occurring not only in the IT company, but also in the non-technology sector company. The purpose of the research is to prove the direct relationship between digital transformation and M&A. In the course of the research, the following methods were used: analysis and synthesis, comparison, assessment and generalization of research results and reports of consulting companies. It is proved that digitalization is one of the most important reasons and drivers. The main recommendations for their implementation were formulated.

Keywords: digital transformation, digitalization, technology, mergers and acquisitions (M&A), technological deal, non-technological sector, innovation, strategy

For citing: Tsygalov Yu. M., Bakhareva M. A. Influence of Digital Transformation on Mergers and Acquisitions Processes // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 82–96.

Введение

Слияния и поглощения являются эффективным механизмом ведения бизнеса и прочно вошли в российскую практику развития компаний. В зависимости от целей корпорации, слияния и поглощения (M&A) позволяют ей укрепить положение на рынке, сформировать новые конкурентные преимущества, выйти на новые рынки сбыта, приобрести недостающие компетенции, коренным образом изменить ключевые параметры деятельности и улучшить структуру. Статистика слияний и поглощений отражает существующие рыночные тенденции. В мировой практике вопросы теории слияний и поглощений разработаны достаточно глубоко, а фундаментальные труды по M&A опубликованы и в России. Даны основные принципы и подходы слияний и поглощений, исследованы процессы и специфика каждого этапа процесса M&A [4; 8]. Поэтому в России в развитии теории уделяют основное внимание специфике слияний и поглощений в национальной экономике [1; 5], влиянию преобразования компании на процесс создания стоимости [2; 3], комплексной оценке эффективности слияний [7]. Большое внимание уделяется проблемам, которые могут возникнуть в процессе M&A [3; 6]. В целом в настоящее время акцент исследований слияний и поглощений сместился в сферу отдельных отраслей и учета их специфики. Так, в 2012–2019 гг. из-за политики Центробанка по санации проблемных банков резко увеличилось число слияний и поглощений в банковской сфере России [9; 10].

На эффективность процессов слияний и поглощений существенное влияние оказывает развитие современных бизнес-процессов, в первую очередь цифровая трансформация. В современных условиях в процессах M&A наблюдается смещение акцента на цифровую трансформацию как на движущую силу и один из основных факторов развития рынка слияний и поглощений в современных условиях, что отражается в российских законодательных актах¹. В результате все более актуальными становятся мотивы совершения сделок по слияниям и поглощениям, связанные с кооперацией в области НИОКР и доступом к информации, передовым технологиям, ноу-хау и специалистам в этой сфере. Данный сегмент рынка M&A изучен не очень глубоко как в России, так и за рубежом. Целью исследования является доказательство прямой взаимосвязи между цифровой трансформацией и эффективностью процессов M&A.

Технологические сделки, имеющие особую специфику, в большинстве случаев рассматриваются как традиционные транзакции на рынке M&A, хотя они требуют

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

к себе особого внимания и стратегического подхода со стороны компаний, заинтересованных в достижении устойчивых конкурентных преимуществ. Возрастающая роль цифровых технологий отражена в отчетах ведущих консалтинговых компаний в сфере M&A¹. В список крупнейших слияний и поглощений в последние годы, как в России (табл. 1), так и в мире (табл. 2) регулярно входят компании, работающие в информационных технологиях, в сфере телекоммуникаций и медиа, в сфере высоких технологий. Традиционные лидеры слияний и поглощений: кредитные организации, компании, связанные с добычей и переработкой углеводородов и цветных металлов, безусловно, применяют в своей деятельности цифровые технологии.

Методы

В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ и синтез, сравнение, оценка и обобщение результатов исследований и отчетов консалтинговых компаний.

Мощное влияние тенденций нынешнего тысячелетия и поколений *Y* и *Z* на мировое потребление в сочетании с изменением поведения потребителей и открытием развивающихся рынков побуждает игроков различных секторов стремиться трансформировать бизнес-модели с помощью цифровых технологий, чтобы соответствовать предпочтениям и ожиданиям потребителей нового поколения.

Как и в экономике в целом, динамизм и конкурентная среда в производственном секторе менялись в контексте цифровой трансформации. Цифровая трансформация также существенно повлияла на динамику бизнеса — процессы роста, входа и выхода фирм на рынок. В течение 1990-х и начала 2000-х цифровые технологии очень быстро распространялись, оказывая влияние на различные области экономической деятельности и становясь универсальной технологией XXI в. Было создано много новых компаний — часто начинающих с небольших средств, и некоторые из них преуспели, завоевав значительную долю рынка и став в настоящее время лидерами в своей области.

Когда идет речь о цифровой трансформации, то, в первую очередь, рассматривают компании, предоставляющие услуги в сфере ИТ. Тем не менее, производственный и иные сектора не менее затронуты цифровизацией процессов. Цифровые технологии лежат в основе происходящей производственной революции, которая наблюдается в обрабатывающей промышленности, и, таким образом, прокладывает предприятиям путь в Индустрию 4.0. Ни одна компания не может позволить себе игнорировать влияние технологий, которые позволяют организациям частично или полностью автоматизировать свою деятельность, достигая более высокого

¹ Отчет о слияниях и поглощениях 2017 года: возрождение рынка высокотехнологичных слияний и поглощений // Boston Consulting Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2017/corporate-development-finance-technology-digital-2017-m-and-a-report-resurgent-high-tech-marketplace.aspx> (дата обращения: 20.03.2020); Рынок слияний и поглощений в России в 2019 г. // КПМГ [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/02/ru-ru-ma-survey-2019.pdf> (дата обращения: 20.03.2020); Перспективы на 2020 год: заключение смелых сделок по слияниям и поглощениям в период быстрых перемен // PricewaterhouseCoopers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/deals/library/year-end-review-outlook.html> (дата обращения: 20.03.2020); Отчет о слияниях и поглощениях в 2017 году: правильное заключение технологических сделок // Boston Consulting Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2017/corporate-development-finance-technology-digital-2017-m-and-a-report-doing-tech-deals-right.aspx> (дата обращения: 20.03.2020); Как цифровые инструменты помогают раскрыть ценность M&A — 2018 // Deloitte LLP [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/finance/articles/cfo-insights-how-digital-tools-are-helping-unlock-ma-value.html> (дата обращения: 16.03.2020).

Крупнейшие сделки на российском рынке M&A в 2019 г.
 Table 1. The largest transactions in the Russian M&A market in 2019

Объект сделки	Сектор	Покупатель	Продавец	Приобретенная доля, %	Сумма сделки, млн долл.
ПАО «ЛУКОЙЛ»	Нефтегазовый	ПАО «ЛУКОЙЛ»	Миноритарные акционеры	5,1	3000
АО «Газпром»	Нефтегазовый	Информация о покупателе не раскрывалась	АО «Газпром»	3,6	2941
АО «Газпром»	Нефтегазовый	Информация о покупателе не раскрывалась	АО «Газпром»	2,9	2202
DKBR Mega Retail Group (совместное предприятие группы «Дикси», «Красное и Белое», «Бристоль»)	Потребительский	Группа «Дикси»; «Красное и Белое»	Группа «Дикси»; «Красное и Белое»	51% 49%	2656
АО «Арктик СПГ-2»	Нефтегазовый	CNOOC Ltd (China National Offshore Oil Corp)	АО «НОВА-ТЭК»	10	2612
АО «Арктик СПГ-2»	Нефтегазовый	Japan Oil, Gas and Metals National Corporation; Mitsui & Co Ltd	АО «НОВА-ТЭК»	10	2612
АО «Арктик СПГ-2»	Нефтегазовый	Japan Tobacco Inc.	АО «НОВА-ТЭК»	10	2612
Tele2 Russia Telecom	Телекоммуникации и медиа	Ростелеком	ПАО «Банк ВТБ»; Банк «Россия»; Invintel BV	55	2095
Luxoft	Инновации и технологии	DXC Technology	Существующие акционеры	100	2006
Совместное предприятие (объединяет Delivery Club, YouDrive, DC Daily, Performance Group, Foodplex)	Инновации и технологии	Сбербанк; Mail.ru Group	Совместное предприятие	100	1566

Объект сделки	Сектор	Покупатель	Продавец	Приобретенная доля, %	Сумма сделки, млн долл.
АО «МегаФон»	Телекоммуникации и медиа	АО «МегаФон»	ПАО «Газпромбанк»; миноритарные акционеры	20,4	1271

Таблица 2

Крупнейшие сделки на глобальном рынке M&A в 2019 г.
 Table 2. The largest transactions in the global M&A market in 2019

Покупатель	Объект сделки	Квартал/год	Приобретенная доля, %	Сумма сделки, млн долл.
United Technologies Corp	Raytheon Co	2 квартал 2019	100	86 229,00
Bristol-Myers Squibb Co	Celgene Corp	1 квартал 2019	100	84 080,00
Saudi Arabian Oil Co — Saudi Aramco	Saudi Basic Industries Corp — SABIC	1 квартал 2019	70	69 092,00
AbbVie Inc	Allergan plc	2 квартал 2019	100	62 743,00
Fidelity National Information Services Inc	Worldpay Inc	1 квартал 2019	100	42 902,30
Occidental Petroleum Corp	Anadarko Petroleum Corp	2 квартал 2019	100	36 810,90
Xerox Holdings Corp	HP Inc	4 квартал 2019	100	33 098,20
Peugeot SA	Fiat Chrysler Automobiles NV	4 квартал 2019	100	32 285,00
BB&T Corp	SunTrust Banks Inc	2 квартал 2019	100	31 579,00
Fiserv Inc	First Data Corp	1 квартал 2019	100	30 480,70

и более стабильного качества продукции при более низких затратах. Цифровые технологии позволяют управлять все более сложными цепочками поставок, поддерживать более тесные отношения со своими клиентами и адаптировать свою продукцию в режиме реального времени к требованиям рынка.

Серьезная проблема современности заключается в том, как компаниям быстро получить доступ к технологиям, которые могут продвинуть их бизнес, и как эти технологии успешно интегрировать с текущими операциями. Приобретение технологий стало одним из инструментов для покупателей во всех секторах экономики, стремящихся стимулировать инновации, оптимизировать операции и процессы,

персонализировать продукты и услуги. В связи с этим молодые, передовые в технологическом отношении отрасли, связанные с производством и использованием наукоемкой продукции, технологических новинок, сверхсложной техники, становятся главной сферой интересов слияний и поглощений. Аналогичным образом компания-покупатель может стремиться приобрести новые технологии, патенты и ноу-хау, квалифицированный персонал и пр. Развитие таких ресурсов собственными силами, как правило, требует чрезвычайно высоких затрат времени и финансовых средств.

Слияния и поглощения (M&A) — это общий термин, используемый для описания консолидации компаний или активов посредством различных типов финансовых операций, включая слияния, приобретения, консолидации, тендерные предложения, покупку активов. Механизмы слияний и поглощений применяются тогда, когда приобретение конкурентных преимуществ возможно с меньшими расходами за счет внешних источников путем приобретения активов других компаний. Существует ряд факторов, побуждающих компании совершать те или иные сделки: в то время как некоторые слияния и поглощения мотивированы доступом к рынку или эффектом масштаба, другие — движимы доступом к новым технологиям и структурным изменениям. Приобретая конкурентов (горизонтальная интеграция), фирмы могут достичь более высоких прибылей и более низких затрат за счет экономии от масштаба, усилить свои позиции на рынке. Слияния и поглощения также могут быть и механизмом для приобретения новых цифровых технологий и получения за счет цифровизации новых конкурентных преимуществ.

Выгоды от слияния могут быть получены в связи с экономией на дорогостоящих работах по разработке новых технологий и созданию новых видов продукции. С помощью слияний (поглощений) могут быть соединены передовые научные идеи и денежные средства, необходимые для их реализации. Одна фирма может иметь выдающихся исследователей, инженеров, программистов, но не обладать соответствующими производственными мощностями и сетью реализации, необходимыми для извлечения выгоды от новых продуктов, которые ими разрабатывались. А другая компания может иметь превосходные каналы сбыта, но ее работники лишены необходимого творческого потенциала. Вместе же эти компании способны плодотворно функционировать.

Общее количество сделок с технологиями растет со скоростью 9% в год, начиная с 2012 г.¹ Сделки с большой капитализацией (более 500 млн долл.) показали самый сильный рост объема (более 13% в год), и они являются основной движущей силой совокупной стоимости сделок, которая в течение этого периода увеличивалась на 27% в год, с 278 до 717 млрд долл. (рис. 1). В 2016 г. на сделки с высокими технологиями пришлось почти 30% от общего объема сделок по слияниям и поглощениям, которые составили 2,5 трлн².

Абсолютная стоимость сделки с технологиями в любом конкретном году определяется несколькими многомиллиардными транзакциями. Например, в 2016 г. 91 сделка, каждая из которых оценивалась в 1 млрд долл. и более, принесла примерно 80% от общей стоимости технологических слияний и поглощений (см. рис. 1). Две крупнейшие сделки — приобретение ARM Holdings Group SoftBank (31,6 млрд долл.) и покупка LinkedIn (26,2 млрд) компанией Microsoft — занимали 8% от общего объема рынка³. В то же время существует и очень активная площадка для не-

¹ Отчет о слияниях и поглощениях 2017 года: возрождение рынка высокотехнологичных слияний и поглощений // Boston Consulting Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2017/corporate-development-finance-technology-digital-2017-m-and-a-report-resurgent-high-tech-marketplace.aspx> (дата обращения: 14.03.2020).

² Там же.

³ Там же.

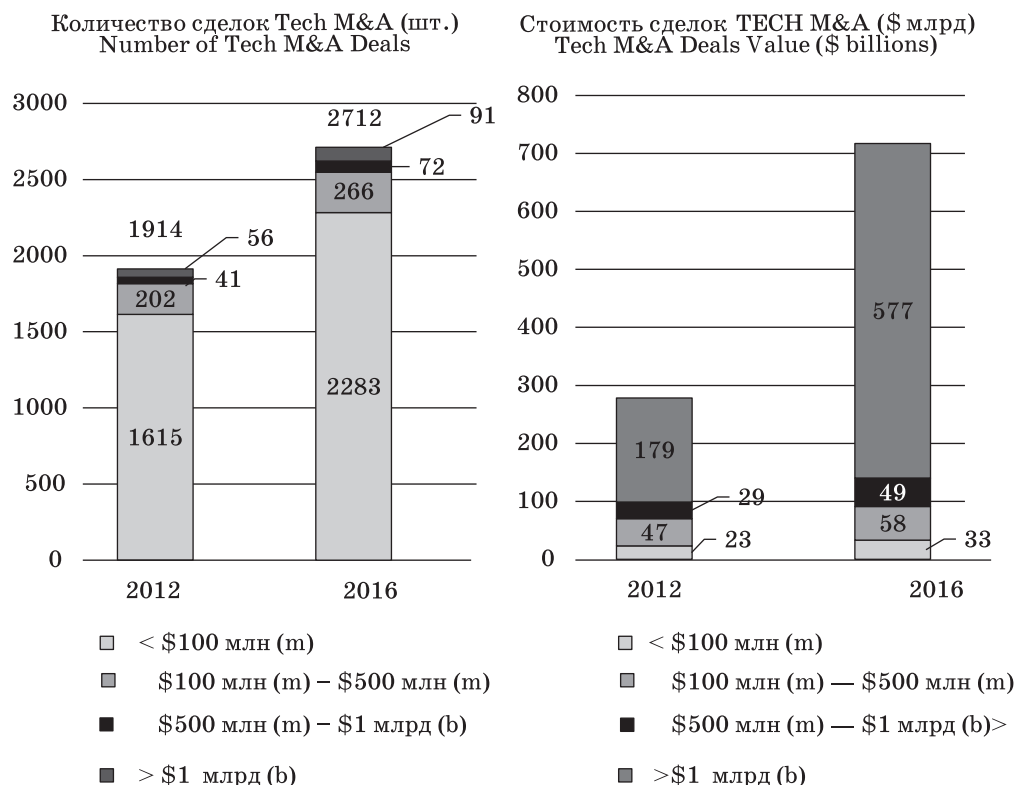

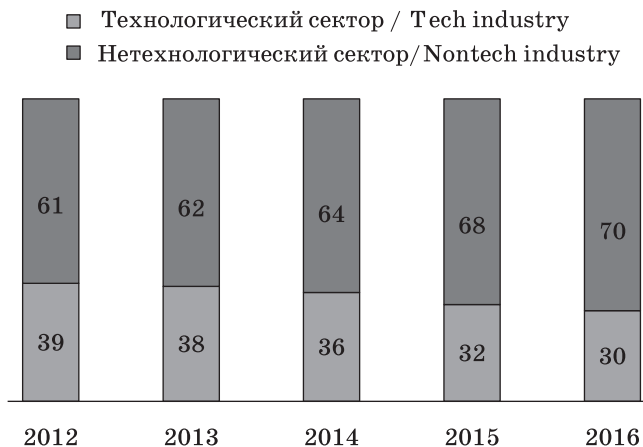
Рис. 1. Количество и стоимость Tech M&A в 2012 и 2016 гг.
Fig. 1. Quantity and cost of Tech M&A in 2012 and 2016

Источник: Отчет о слияниях и поглощениях 2017 г.: возрождение рынка высокотехнологичных слияний и поглощений.

больших приобретений. Более 80% объема технологических слияний и поглощений составляют сделки на сумму 100 млн долл. или меньше (см. рис. 1).

Важнейшим фактором, стимулирующим технологии M&A, является возрастающая роль и известность покупателей в нетехнологических секторах. Отрасли с наибольшей долей технологических сделок включают в себя частный акционерный и венчурный капитал, финансовые услуги, промышленные товары, потребительские товары, розничную торговлю и здравоохранение. Каждая из перечисленных отраслей показала значительное увеличение доли технологических целей с 2012 г., поскольку компании все чаще обращались к слияниям и поглощениям для приобретения новых возможностей и устранения пробелов в инновациях. Доля покупателей нетехнологического сектора выросла на 9 процентных пунктов с 2012 г. и охватывает около 70% всех технологических сделок. Почти треть всех сделок с частным и венчурным капиталом в 2016 г. были связаны с технологическими целями (рис. 2). Этого можно ожидать от венчурных фирм, но в целом для частного акционерного капитала развивается аналогичная тенденция, поскольку финансовые спонсоры все чаще ищут технологические компании, как самостоятельные приобретения, так и дополнения для усиления портфельных компаний.

Tech M&A по типу покупателей (%)
Share Tech M&A by type of acquirer (%)

Покупатели нетехнологического сектора на рынке Tech M&A
по отраслям в 2016 г. (%)
Share Tech M&A by nontech-industry acquirer, 2016 (%)

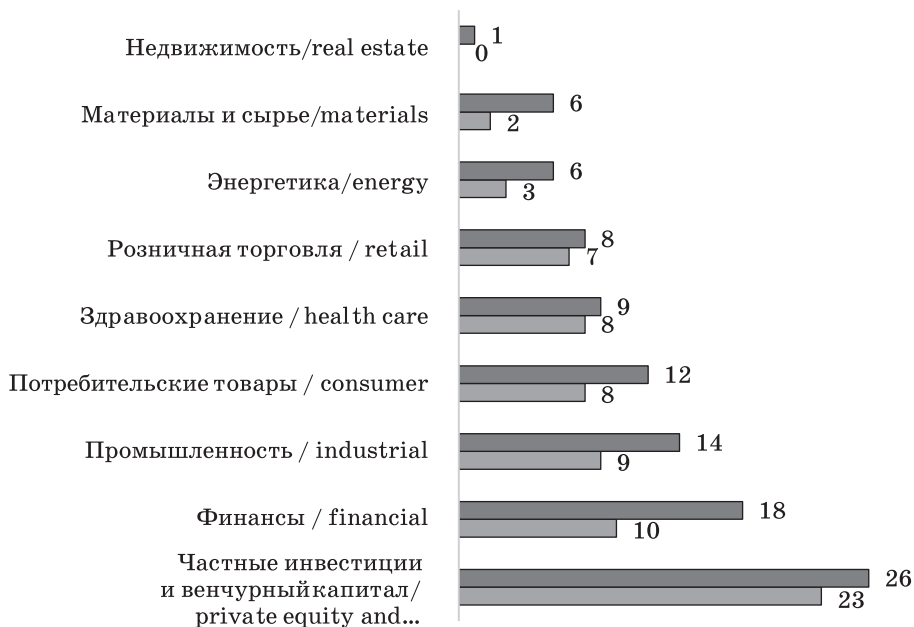

Рис. 2. Покупатели нетехнологического сектора на рынке Tech M&A (2012–2016 гг.)
Fig. 2. Non-technology sector buyers in the Tech M&A market (2012–2016)

Источник: Отчет о слияниях и поглощениях 2017 г.: возрождение рынка высокотехнологичных слияний и поглощений.

Рынок слияний и поглощений, который спустя более 10 лет после финансового кризиса ежегодно показывал рост, в 2019 г. продемонстрировал незначительный спад: число глобальных объявленных транзакций в 2019 г. упало на 3,7% до 34 482 на 19 декабря, согласно данным Dealogic, по сравнению с 35 976 в 2018 г. Эти сделки были оценены примерно в 4 трлн долл., что на 2,4% меньше, чем в прошлом году (в 4,1 трлн долл.).¹ И, несмотря на то, что общая стоимость и объем сделок снизились по сравнению с предыдущим годом, в 2019 г. были объявлены некоторые из крупнейших сделок за все время в отдельных отраслях — от фармацевтической до аэрокосмической.

Многие компании также стремились трансформировать свой бизнес или приобретать новые возможности за счет приобретений в других отраслях, особенно в сфере технологий, которые остаются главной целью для слияний и поглощений в различных секторах. Технологический сектор и, особенно, сфера программного обеспечения, остались в лидерах рынка M&A в 2019 г. В общей сложности в этой отрасли было заключено 10,216 тыс. сделок M&A общим объемом 808 млрд долл., свидетельствуют данные Dealogic². В этом секторе крупнейшей стала сделка по приобретению Fidelity National Information Services платежной системы WorldPay за 42,6 млрд долл.

Что касается российского рынка слияний и поглощений, в 2019 г. рост количества сделок составил 3% по сравнению с предыдущим годом, а стоимость отечественных сделок увеличилась на 21,5%, до почти 63 млрд долл.³ Положительные изменения наблюдаются не только в сегменте внутренних сделок, но и в сегменте приобретений российскими компаниями иностранных активов и наоборот. Учитывая набирающую обороты цифровую трансформацию, вполне закономерно второй год подряд второе место и по объему инвестиций (7,5 млрд долл.), и по количеству сделок (90) занимает сектор инноваций и технологий, который по итогам 2019 г. составил 12% от российской стоимости слияний и поглощений (табл. 3).

Также 2019 г. запомнился рядом крупных сделок, связанных с продажей и привлечением крупных инвестиций компаниями с российскими корнями: Luxoft, Veeam, Nginx, Badoo и Acronis. Все эти компании отличаются тем, что у них либо уникальная бизнес-модель, либо они создали уникальный продукт, который оказался востребован на международном рынке. Одной из крупнейших сделок в отрасли стала продажа 100% глобального поставщика инновационных технологических решений, компании Luxoft Holding Inc., принадлежащей IBS Анатолия Карачинского и Сергея Мацоцкого, американской корпорации DXC Technologies за 2 млрд долл.⁴

Ожидается, что желание увеличить масштабы и стремление к технологиям продолжат стимулировать слияния и поглощения в ближайшем будущем. Например, 40% руководителей в сфере здравоохранения заявили, что их компании могут приобрести другие компании, стать партнерами или сотрудничать в различных секторах здравоохранения в 2020 г., сославшись на доступ к технологиям в качестве причины, по которой их компании будут заключать сделку⁵. Еще одна область,

¹ Белтран Л. Меньше компаний, объединенных в 2019 году. Просто не называйте это плохим годом // Barron's [Электронный ресурс]. URL: <https://www.barrons.com/articles/merger-activity-dipped-in-2019-expect-m-a-to-be-strong-in-2020-51577358000> (дата обращения: 14.03.2020).

² Рынок слияний и поглощений в России в 2019 г. // КПМГ [Электронный ресурс]. — URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/02/ru-ru-ma-survey-2019.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Перспективы на 2020 год: заключение смелых сделок по слияниям и поглощениям в период быстрых перемен // PricewaterhouseCoopers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/deals/library/year-end-review-outlook.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Таблица 3

Количество российских сделок по отраслям в 2019 г. по сравнению с 2018 г.

Table 3. The number of Russian deals by industry in 2019 compared to 2018

Отрасль	2018	2019
Недвижимость и строительство / Real estate and construction	135	123
Инновации и технологии / Innovation and Technology	118	90
Потребительский сектор / Consumer	68	80
Нефтегазовый сектор / Oil and gas	31	59
Банковские услуги и страхование / Banking services and insurance	50	53
Коммуникации и медиа / Communications and Media	48	51
Транспорт и инфраструктура / Transport and infrastructure	53	43
Металлургия и горнодобывающая промышленность / Metallurgy...	54	43
Энергетика и коммунальное хозяйство / Energy and utilities	18	17
Химическая промышленность / Chemical industry	10	13
Другие сферы / Others	78	98

Источник: Рынок слияний и поглощений в России в 2019 г. // КПМГ [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/02/ru-ru-ma-survey-2019.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).

в которой была высокая активность, — это финансовые технологии. Из всех связанных с финтех сделок в 2019 г. три крупнейших были связаны с подсектором обработки платежей, включая приобретение Worldpay компанией Fidelity National Information Services (FIS). Такие транзакции иллюстрируют растущий акцент на масштабах и технологиях, так как финтех превратился из относительно новой отрасли в отрасль, включающую многомиллиардные сделки, всего за несколько лет.

Сделки с технологическими целями во многом отличаются от традиционных слияний и поглощений. Корпоративные лидеры, рассматривающие такие сделки, должны пересмотреть принципы, по которым они проводят слияния и поглощения. Необходимо принять во внимания специфику и все аспекты заключения технологических сделок, включая стратегию, исполнение, оценку, синергизм и интеграцию после слияния. В связи с тенденцией к цифровизации и построению бизнес-экосистем при принятии решения о покупке компании в секторе инноваций и технологий первостепенное значение будут иметь ее качественные характеристики: уникальность продукта и наличие команды, которая может развить технологическое ноу-хау и реализовать потенциал проекта. Кроме того, направление прединвестиционного исследования смещается с анализа финансовых показателей (выручка, EBITDA, задолженность, оборотный капитал и т. д.) на оценку продукта и соответствующего рынка, а также технологических и эксплуатационных характеристик, которые составляют конкурентные преимущества приобретаемой компании.

Успешные покупатели цифровых технологий рассматривают технологические слияния и поглощения как неотъемлемую часть своего стратегического арсенала, и сделки являются неотъемлемой частью ведения бизнеса. Такие компании должны иметь постоянные стратегические процессы, которые включают в себя обсуждение технологических целей слияний и поглощений в рамках продвижения их основного бизнес-портфеля. Технологические сделки также должны дополнять

собственную инновационную работу и исследования компании-покупателя. Приобретения являются лишь одним из столпов четко сформулированного плана цифровой трансформации, и компании должны иметь базовую организационную структуру для интеграции и поддержки целей приобретения.

Получение синергии в слияниях и поглощениях обычно предполагает полную и тесную интеграцию цели. Технологические слияния и поглощения регулируются индивидуальной и зачастую очень рациональной структурой, способствующей быстрому исполнению технологических сделок и их интеграции. Опыт показывает, что можно вообще не интегрировать приобретение, а управлять им на расстоянии «вытянутой руки», чтобы избежать подавления инновационного влечения корпоративной бюрократией.

Важно отметить, что цифровые технологии могут быть не только целью сделки, но и ее непосредственными ускорителями, и расширяющийся набор цифровых инструментов можно использовать на разных этапах любого процесса M&A. Эти решения иллюстрируют, как согласованность, точность и надежность могут применяться к значительным объемам данных, которые имеют решающее значение для каждой фазы сделки M&A (рис. 3). Примерами цифровизации процессов M&A являются¹:

- 1) цифровой скрининг целей (digital target screening). Этот инструмент на стадии выбора цели сделки позволяет сузить список целей до наиболее жизнеспособных приобретений. Он включает в себя данные из внешних источников для анализа тенденций в отрасли, сравнения путей роста и финансовых профилей различных потенциальных целей, а также уточнения списка на основе пользовательских критериев, определенных базовой стратегией приобретения;
- 2) ускоритель взаимозависимости (interdependency accelerator). Используя визуализацию данных для выделения важных этапов пути, ускоритель взаимозависимости предоставляет возможность агрегирования и обработки сотен рабочих планов, позволяющих получить представление о ключевых рисках, проблемах и межфункциональных зависимостях как для приобретений, так и для продаж;
- 3) цифровое проектирование организации (digital organization design). Используя внутренние данные и отраслевые контрольные показатели, ориентированные на передовые практики, руководители могут создавать настраиваемые модели определения размеров и стоимости организации, чтобы облегчить согласование рабочей силы на основе целей и задач, которые стоят после сделки, и желаемых атрибутов новой организации;
- 4) цифровой учет закупок (digital purchase accounting). После сделки M&A упорядочение учета закупок может оказаться сложным, но инструмент цифрового учета закупок может автоматизировать ряд аспектов процесса, объединяя и отображая соответствующие данные, чтобы сократить время, необходимое для подготовки документов, а также автоматизировать проверку и проверку ошибок;
- 5) обработка финансовых отчетов о продаже активов (divestiture financials processing) автоматизирует и ускоряет создание скорректированных финансовых результатов. В некоторых случаях этот процесс (измеряемый от сбора данных до аудита) сокращался с шести—восьми недель до всего лишь 10 дней.

По мнению большинства респондентов седьмого отчета Deloitte «M&A Trends 2020» (84%), цифровые инструменты позволяют покупателям лучше понять организации, которые они приобретают, собрать максимальный объем информации по компании-цели до закрытия сделки². Это помогает планированию интеграции быть

¹ Как цифровые инструменты помогают раскрыть ценность M&A — 2018 // Deloitte LLP [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/finance/articles/cfo-insights-how-digital-tools-are-helping-unlock-ma-value.html> (дата обращения: 16.03.2020).

² The state of the deal: M&A trends 2020 // Deloitte LLP [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/mergers-and-acquisitions/articles/m-a-trends-report.html> (дата обращения: 17.03.2020).

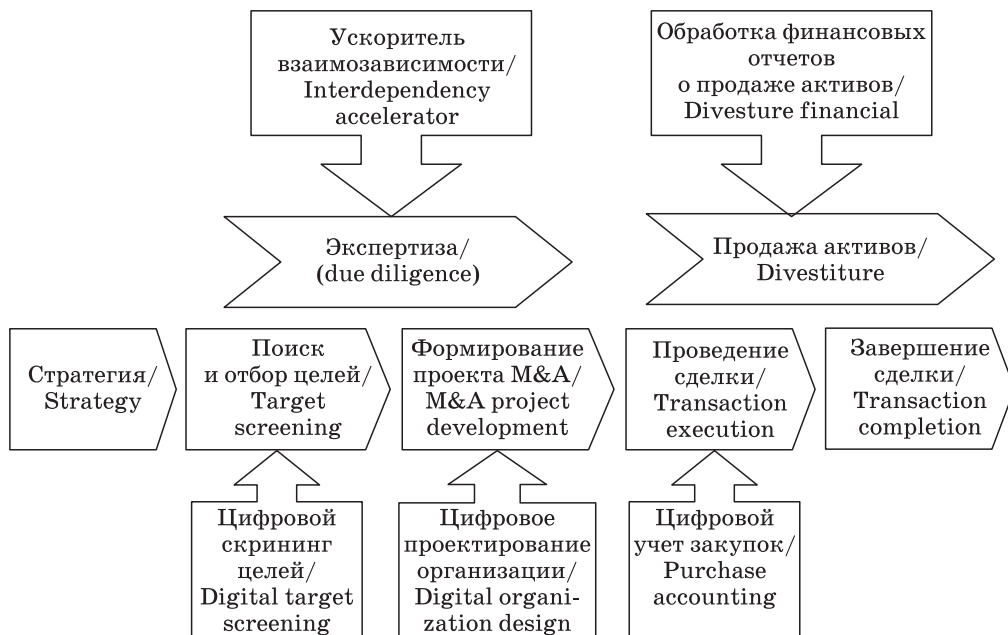

Рис. 3. Решения и ускорители, используемые на протяжении всего жизненного цикла M&A
Fig. 3. Solutions and accelerators used across the M&A lifecycle

Источник: адаптировано авторами на основании: Как цифровые инструменты помогают раскрыть ценность M&A — 2018 // Deloitte LLP [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/finance/articles/cfo-insights-how-digital-tools-are-helping-unlock-ma-value.html> (дата обращения: 20.03.2020).

более эффективным и более ориентированным на создание стоимости, повышая вероятность успеха сделки. Также этот опрос 1000 руководителей корпораций и частных инвесторов показал, что использование цифровых инструментов и ускорителей больше всего оказало влияние на предоставление дополнительной внутренней информации, необходимой для принятия решения о проведении сделки, — так считают 53% опрошенных.

Пятьдесят один процент от числа респондентов ответили, что технологии помогли минимизировать риски и неопределенности на стадии проверки цели приобретения. Также инструменты используются для планирования операций на стадии интеграции и для увеличения скорости закрытия сделок (рис. 4). Цифровые возможности могут применяться к слияниям и поглощениям различными способами, но по большей части эти решения автоматизируют и обеспечивают цифровую поддержку основных процессов M&A. Тем не менее, поскольку эти инструменты обеспечивают большую скорость, точность и понимание ряда отдельных процессов в рамках слияний и поглощений, команды по заключению сделок могут не только выполнять свои обязанности с большей скоростью и точностью, но и извлекать больше идей, которые могут повысить информированность и скорость работы.

В общем, цифровые инструменты смещают акцент с транзакционного на стратегический аспект сделки, и, хотя использование цифровых инструментов не является гарантией увеличения стоимости сделки, эти технологии обеспечивают более плавную работу после интеграции, снижают затраты и сокращают время до завершения. Такие атрибуты могут быть особенно полезны в межотраслевых сдел-

ках, в которых участвующие в сделке компании изначально существуют на разных рынках.

Опытные покупатели технологических активов, как правило, тонко настраивают все аспекты своего корпоративного механизма слияний и поглощений, чтобы обеспечить гибкость, необходимую в технологических сделках. Не существует единого верного способа организации процессов слияний и поглощений, но есть проверенные передовые практики, объединив которые можно получить стратегически правильный подход к заключению технологических сделок — рекомендации по заключению сделок с технологическими целями можно сформулировать следующим образом:

- необходимо создать правильную корпоративную организацию для поиска, выполнения и интеграции инновационных технологических целей, включающую в себя стратегию, процессы, инструменты, инвестиционную команду;
- нужно следовать четкой и целенаправленной стратегии, учитывающей цифровую трансформацию компании в целом, чтобы цифровые приобретения гармонично вписались в структуру и деятельность компании-покупателя;
- компаниям следует прибегать к помощи внешних экспертов в области технологий, чтобы расширить поиск целей в новых технологиях и отраслевых сегментах, а также использовать экспертные знания на ранних этапах заключения сделок и на протяжении всего процесса;
- инвестиционные команды должны уделять больше внимания исследованию операционной модели покупаемой компании до заключения соглашения купли-продажи для выявления потенциальных диссинергий — потенциальных рисков в области HR, ИТ-инфраструктуры, зрелости финансовой функции, особенностей корпоративной культуры, зрелости бизнес-процессов, а также прав интеллектуальной собственности;
- важно разработать индивидуальный план процесса технологических слияний и поглощений, который принимает во внимание как специфику самого процесса, который отличается от традиционного, так и особенности каждой приобретаемой цели;

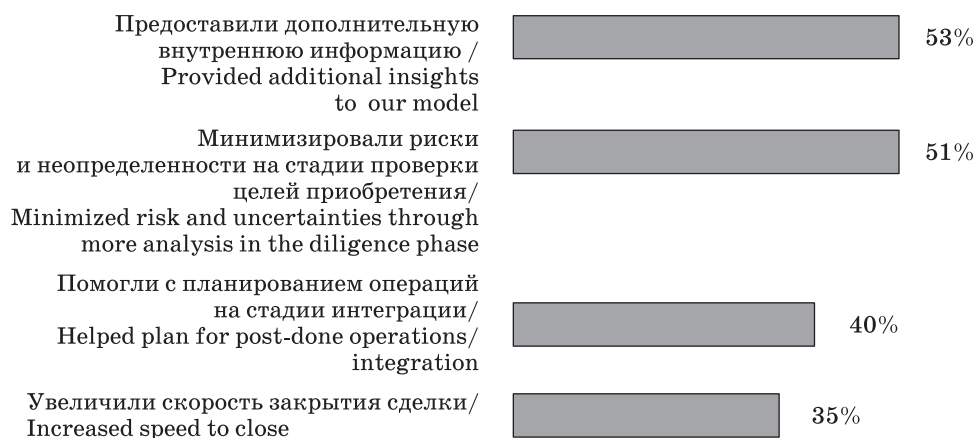

Рис. 4. Влияние использования цифровых инструментов и ускорителей на сделки компаний
Fig. 4. The impact of the use of digital tools and accelerators on company's transactions

Источник: The state of the deal: M&A trends 2020 // Deloitte LLP [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/mergers-and-acquisitions/articles/m-a-trends-report.html> (дата обращения: 20.03.2020).

- цифровые инструменты, которые используются для автоматизации различных процессов M&A на разных стадиях, могут принести компании большую стоимость и оказать положительное влияние и на технологические сделки, начиная с этапа выбора наиболее подходящей цели и заканчивая возможностью ускорения закрытия сделки.

В целом сектор инноваций и технологий продолжал расти в 2019 г., что во многом было связано с быстро развивающейся тенденцией к созданию экосистем и акцентом на цифровизации экономики. В ближайшие несколько лет ожидается повышение конкуренции за запуск новых технологий среди крупных игроков в бизнес-среде и, как следствие, инвестиционной активности в этом секторе.

Выводы

Влияние цифровизации процессов отражается на рынке слияний и поглощений, где становятся приоритетными сделки в сфере IT, проводимыми не только IT-компаниями, но и организациями нетехнологического сектора в целях достижения новых конкурентных преимуществ. Цифровая трансформация бизнеса влияет на процессы слияний и поглощений не только количественно, увеличивая их число в целом и расширяя рынок M&A за счет увеличения количества и стоимости сделок в секторе инноваций и технологий, но и качественно, ускоряя сами процессы сделок, повышая с помощью специальных цифровых инструментов их точность и синергетический эффект от интеграции технологических целей. Цифровая трансформация процессов M&A заставляет компании переосмыслить свои бизнес-модели, сопровождается важными изменениями в динамике бизнеса и характере конкуренции на уровне экономики в целом — важную роль в этих тенденциях играет активизация деятельности по слияниям и поглощениям, во многих случаях связанная с приобретениями информационных технологий и высокотехнологичных компаний.

Литература

1. *Беляева И. Ю.* Современные корпоративные стратегии и технологии в России : монография / И. Ю. Беляева, О. В. Данилова, Б. С. Батаева, Н. Ю. Псарева, Х. П. Харчилава [и др]. М. : Финансовый университет, 2018.
2. *Гвардин С. В.* Создание добавленной стоимости компании при сделках слияний и поглощений. Российский опыт. М. : Эксмо, 2008.
3. *Гранди Т.* Слияния и поглощения. Как предотвратить разрушение корпоративной стоимости, приобретая новый бизнес. М. : Эксмо, 2008.
4. *Депаμφилис Д.* Слияния, поглощения и другие способы реструктуризации компаний. М. : Юнайтед Пресс, 2007.
5. *Жданов А. Ю.* Реструктуризация бизнеса путем слияний и поглощений. М. : Финакадемия, 2008.
6. *Кристофферсон С.* Проклятие победителя: ошибки слияний / С. Кристофферсон, Р. Макниш, Д. Сиас // Вестник МакКинзи. 2004. № 2. С. 63–68.
7. *Моросини П.* Управление комплексными слияниями: В помощь руководителю компании, использующей стратегии M&As / П. Моросини, У. Стеджер. Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005.
8. *Рид С. Ф.* Искусство слияний и поглощений / С. Ф. Рид, А. Р. Лажу. М. : Альпина Паблишер, 2014.
9. *Рукавишников Д. С.* Перспективы российского рынка слияний и поглощений в условиях экономической неопределенности // Управленческое консультирование. 2018. № 6 (114). С. 149–154.
10. *Рукавишников Д. С.* Прогноз динамики численности российских банков до 2025 г. // Управленческое консультирование. 2018. № 8 (116). С. 129–136.

Об авторах:

Цыгалов Юрий Михайлович, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; tsigalov_@mail.ru

Бахарева Мария Анатольевна, студент факультета менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), mari.baxareva@mail.ru

References

1. Belyaeva I.Yu. Modern corporate strategies and technologies in Russia: monograph / I.Yu. Belyaeva, O.V. Danilova, B. S. Bataeva, N.Yu. Psareva, H. P. Kharchilava [etc.]. Moscow: Financial University, 2018. (In rus)
2. Gvardin S. V. Creation of company value added in mergers and acquisitions transactions. Russian experience. Moscow: Eksmo, 2008. 150 p. (In rus)
3. Grandi T. Mergers and acquisitions. How to prevent the destruction of corporate value by acquiring a new business. Moscow: Eksmo, 2008. 113 p. (In rus)
4. Depamphilis D. Mergers, acquisitions and other ways of restructuring companies. Moscow: United Press, 2007. (In rus)
5. Zhdanov A.Yu. Business restructuring through mergers and acquisitions. Moscow: Finacademy, 2008. (In rus)
6. Christofferson S. Curse of the Winner: Merger Error / S. Christopherson, R. McNish, D. Cias // Herald McKinzie. 2004. № 2. P. 63-68. (In rus)
7. Morosini P. Integrated Merger Management: To help the head of the company using M & A strategies / P. Morosini, W. Stager. Dnepropetrovsk: Balance Business Book, 2005. (In rus)
8. Reed S. F. Art of Mergers and Acquisitions / S. F. Reed, A. R. Lajou. Moscow: Alpina Pabliher, 2014. (In rus)
9. Rukavishnikov D. S. Prospects of the Russian market of mergers and acquisitions in conditions of economic uncertainty // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. № 6 (114). P. 149–154. (In rus)
10. Rukavishnikov D. S. Forecast of the dynamics of the number of Russian banks until 2025 // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. № 8 (116). P. 129-136. (In rus)

About the authors:

Yuri M. Tsygalov, Professor of Department of Corporate Finance And Corporate Governance of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); tsigalov_@mail.ru

Maria A. Bakhareva, Student of Faculty of Management of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); mari.baxareva@mail.ru

Пять направляющих шагов теории ограничений систем: проблемы применения в стратегическом анализе

Нечитайло И. А.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nechitajlo_ia@spbstu.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Цель исследования состояла в оценке применимости в стратегическом анализе подхода, известного как пять направляющих шагов теории ограничений систем.

Методы. Используются методы детерминированного факторного анализа и финансовой математики, в частности, методы оценки реальных опционов.

Результаты. Показано, что в некоторых ситуациях увеличение рыночной добавленной стоимости бизнеса может достигаться только рядом инвестиционных проектов, приводящих к последовательному снятию ограничений и созданию положительных синергетических эффектов, а также к появлению реальных опционов. В таких ситуациях оценка отдельных проектов без учета последующих планируемых и возможных стратегических преобразований может вводить в заблуждение относительно их ценности.

Выводы. Основным объектом оценки в стратегическом анализе должна быть стратегия как ряд будущих преобразований с учетом порождаемых ими реальных опционов. Поэтому оценка проектов отдельных стратегических преобразований в последовательности, предписываемой теорией ограничений систем, может приводить к занижению их ценности и необоснованному отклонению. Вместе с тем, использование теории ограничений систем страхует от инвестирования в проекты, не приводящие к ослаблению или снятию в стратегической перспективе ограничений бизнеса.

Ключевые слова: теория ограничений систем, ограничение системы, стратегия, инвестиционный проект, реальный опцион

Для цитирования: Нечитайло И. А. Пять направляющих шагов теории ограничений систем: проблемы применения в стратегическом анализе // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 97–109.

The Five Focusing Steps of the Theory of Constraints: Problems of Application in Strategic Analysis

Igor A. Nechitajlo

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation; nechitajlo_ia@spbstu.ru

ABSTRACT

Objectives. We identify and investigate circumstances that limit an application of the Five Focusing Steps of the Theory of Constraints in the strategic analysis of investment projects effectiveness.

Methods. The methods of factor analysis and financial mathematics including methods for evaluation real options are used.

Results. It is shown that in some cases, an increase in business value can be created only by a combination of a number of investment projects, leading to consistent removal of constraints and arising of useful synergistic effects. It is also shown that a value of a project can be determined by changes in the strategy that the company will have the opportunity to make if project is implemented. In such cases, their evaluation without taking into account subsequent decisions may distort their true value.

Conclusions and Relevance. We concluded that the main object of evaluation in strategic analysis should be a strategy as a series of future transformations, taking into account the

real options generated by them. Therefore, the evaluation of single projects on the base of the Theory of Constraints can lead the rejection of valuable projects due to distortion of their true value. At the same time an application of the Five Focusing Steps in strategic analysis protect against investment in projects with negative net present value.

Keywords: theory of constraints, system constraints, strategy, invest project, real option

For citing: Nechitaylo I. A. The Five Focusing Steps of the Theory of Constraints: Problems of Application in Strategic Analysis // Administrative consulting. 2020. No. 6. P. 97–109.

Введение

Одним из наиболее спорных аспектов стратегического анализа является процесс формирования стратегии. Об этом можно судить хотя бы по отсутствию единой точки зрения на то, является ли появление стратегии в большей мере целенаправленным процессом планирования или стихийным процессом, что отмечается Р. Грантом¹. Если понимать под стратегией последовательность действий, приводящих к качественному изменению параметров управляемой системы, то наличие данной дилеммы ставит вопрос о подходе к выбору их последовательности.

Несмотря на разработанность проблематики анализа конкурентной среды и потенциала корпораций в стратегическом менеджменте, строгое обоснование этого подхода оказалось затруднительным. В связи с этим заслуживает внимания подход к управлению хозяйственными системами, сформулированный в теории ограничений систем (ТОС). Согласно данной теории оптимизация большинства процессов в системе (т.е. локальная оптимизация) чаще всего не приводит к оптимизации системы в целом (что неявно предполагается в традиционном подходе к менеджменту). Напротив, в каждый момент улучшение результата деятельности хозяйственной системы как совокупности связанных процессов возможно только вследствие улучшения условий лишь немногих из них. Эти условия деятельности называются ограничениями системы. Таким образом, в ТОС управление системой сводится к управлению ее ограничениями.

Изначально данная теория была разработана для решения задач оперативного управления производством Э. Голдраттом [13–16]. В дальнейшем разработанные им принципы и метод управления цепями поставок «барабан-буфер-канат» были развиты другими авторами. В частности, исследовались влияние вариабельности показателей операционных процессов на показатель прохода системы в сложных случаях «игры в кости» [18] и возможности снижения отрицательного действия эффекта хлыста в цепях поставок при помощи ТОС [25]. Предпринимались попытки модификации метода «барабан-буфер-канат», наиболее значимой из которых можно считать исследование У. Детмера и Э. Шрагенхайма [3]. В последнее время большое внимание уделялось возможностям синтеза ТОС с концепциями бережливого производства и «шести сигм», исследованных Б. Спроуллом [26], Р. Диасом, Л. Сильвой, А. Тенерой [11], М.В. Хайруллиной, О.А. Кислицыной, А.В. Чуваевым [7] и Е.С. Балашовой [1]. Кроме того, обобщался опыт внедрения ТОС в отдельных областях деятельности, начиная с предприятий мебельной и фармацевтической промышленности [17; 21], птицеферм [10] и заканчивая туристическим бизнесом [22].

Помимо управления производством и цепями поставок ТОС нашла применение в проектном менеджменте. На ее основе Э. Голдраттом был разработан метод критической цепи, развитый Л. Личем [6] и нашедший широкое применение в ряде областей, в частности, в управлении строительными проектами [23]. Также

¹ Грант Р. М. Современный стратегический анализ. СПб. : Питер, 2018.

известен вклад ТОС в преодоление ограничений классического управленческого учета, исследованный С. Бреггом [9] и Т. Корбеттом [5].

Наиболее же полная систематизация положений ТОС, значимых для построения стратегии организации, была предпринята У. Детмером [2], а их универсальность показана Э. Шрагенхаймом [8], исследовавшим их применимость в самых различных областях деятельности. Их квинтэссенцией можно считать подход, позволяющий упорядочивать работу с ограничениями хозяйственной системы и получивший название пяти направляющих шагов ТОС. Несмотря на сложность его применения к некоторым типам ограничений (а именно рыночным и нефизическим ограничениям), исследованных П. Преториусом [24], М. Гуптой и др. [19], этот подход наиболее полно выражает логику ТОС. Согласно ему в первую очередь необходимо установить основное ограничение системы. Далее обеспечить максимально эффективное использование имеющегося потенциала этого ограничения и подчинить ему работу остальных элементов системы. И только когда эти шаги выполнены, можно приступить к оценке целесообразности расширения ограничения системы, в том числе за счет капиталоемких мероприятий. Если в результате одного из этих действий существующее ограничение будет устранено, следует найти новое ограничение системы и повторить этот цикл снова.

Можно согласиться с У. Детмером и Э. Шрагенхаймом [3, с. 65], что использование существующих ограничений системы и подчинение им работы остальных элементов можно отнести к тактическим шагам, в то время как нахождение и расширение ограничений — к шагам стратегическим. Поэтому с позиций ТОС бизнес-стратегию организации можно представить как ряд капиталоемких мероприятий, направленных на последовательное снятие ограничений системы и повышение эффективности их использования.

Исходя из этого оценка бизнес-стратегии организации, на первый взгляд, может быть представлена как сумма чистых приведенных стоимостей (NPV) инвестиционных проектов, анализ которых проводится на цепной основе в предписанной ТОС последовательности. Проблема в том, что несмотря на логичность такого подхода, расчет NPV проектов на цепной основе в некоторых ситуациях может вводить в заблуждение относительно их действительной ценности. А это может приводить к необоснованному отклонению стратегии в целом и упущенным выгодам для организации. Для предотвращения таких упущенных выгод при применении ТОС в стратегическом анализе целесообразно выделить основные типы ситуаций, в которых могла бы проявиться ограниченность подобного подхода. Для этого необходимо исследовать влияние ограничивающих факторов бизнеса на изменение его стоимости в ситуациях со связанными инвестиционными проектами и реальными опционами.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленной задачи рассмотрим несколько гипотетических хозяйственных ситуаций, которые могли бы возникнуть при реализации двух связанных инвестиционных проектов на промышленном предприятии с однопродуктовым производством. В этом производстве однородное сырье проходит переработку на участке X , а полученный из него промежуточный продукт перерабатывается на участке Y в конечный продукт. Рынок промежуточного продукта отсутствует, а рынок конечного продукта представляет собой конкурентный рынок с настолько большим количеством продавцов и покупателей, что данное промышленное предприятие можно рассматривать как ценополучателя. На рынке сырья данное предприятие также не способно оказывать существенного влияния на цену изменением объема его закупок. С позиций директ-костинга все затраты данного предприятия, за ис-

ключением затрат сырья, можно рассматривать как условно-постоянные расходы, изменяющиеся в большей мере в результате изменения производственных мощностей, чем под влиянием изменения их загрузки.

На предприятии существует по одному проекту модернизации производства на каждом участке. С технической точки зрения модернизация производства на участке X может выполняться независимо от проведения модернизации на участке Y и наоборот. Таким образом, у руководства предприятия существует 4 варианта действий: не предпринимать изменений и поддерживать сложившиеся параметры производства (базисная стратегия); провести модернизацию на участке X (проект X); провести модернизацию на участке Y (проект Y); провести модернизацию на обоих участках (комплекс проектов X и Y). Причем последний вариант предполагает одновременную реализацию этих двух проектов.

В целях упрощения предположим, что время проведения модернизации производства на участках X и Y пренебрежимо мало и проекты начнут давать результат в первый месяц после их принятия. При этом срок использования основного технологического оборудования на участках X и Y до следующих крупных вложений одинаков и составит 8 лет, которые примем за горизонт планирования, что обеспечит сопоставимость проектов. В общем же случае можно было бы использовать метод бесконечного цепного повтора [4], который позволяет, во-первых, сопоставлять проекты с разными сроками жизни, во-вторых, автоматически включать в оценку NPV терминальную стоимость проектов, которую мы не будем учитывать в расчетах.

Также в целях упрощения предполагается, что при любом варианте действий нормы затрат сырья и выхода конечного продукта из полуфабриката, цены на сырье и конечный продукт (табл. 1), а также производственная мощность участков (табл. 2) будут оставаться неизменными на горизонте планирования. Спрос на продукцию организации в первый год ожидается на уровне 700 тыс. т конечного продукта, во второй год — 720 тыс. т и начиная с третьего года — 730 тыс. т в год. Экономия на условно-постоянных расходах (без учета амортизации оборудования) вследствие модернизации производства составит: по проекту X — 30 млн руб. в год, по проекту Y — 20 млн руб. в год.

Исходя из этих предпосылок чистая операционная прибыль после налогообложения в системе «директ-костинг» может быть представлена в виде следующей модели:

$$OP_t = (q(t) \times (p - rv) - FC - D) \times (1 - s),$$

где OP_t — операционная прибыль после налогообложения в году t , млн руб.; $q(t)$ — объем продаж в году t на горизонте планирования, тыс. т; p — цена тонны конечной продукции, тыс. руб.; r — норма расхода полуфабриката на тонну конечного продукта на участке Y , т; v — удельные затраты сырья на тонну полуфабриката на участке X , тыс. руб.; FC — условно-постоянные расходы предприятия (кроме амортизации), млн руб.; D — амортизация основных средств в управленческом и налоговом учете, млн руб.; s — ставка налога на прибыль¹.

Из табл. 1 и прогноза спроса видно, что основным ограничивающим фактором системы на горизонте планирования при базисной стратегии станет производственная мощность участка Y . Следовательно в соответствии с ТОС анализ целесообразности изменений в системе следует начинать с оценки NPV проекта мо-

¹ Далее базисные значения этих показателей будем обозначать нижним индексом 0, а значения по проектам X и Y и их комплексу — нижними индексами X , Y и YX соответственно. Влияние на прибыль факторов v , r , q также будем обозначать соответствующим нижним индексом.

Таблица 1

Цены и нормы затрат при разных вариантах действий руководства предприятия
 Table 1. Prices and cost rates with different corporate strategies

Наименование показателя	По базисной стратегии	При принятии проекта X	При принятии проекта Y	При принятии обоих проектов X и Y
Цена т конечной продукции, тыс. руб.	10,00	10,00	10,00	10,00
Норма расхода сырья на т полуфабриката на участке X, тыс. руб.	3,00	2,90	3,00	2,90
Норма выхода конечного продукта из полуфабриката на участке Y (% к весу полуфабриката)	80,00	81,00	82,00	82,50
Норма расхода полуфабриката на производство т конечного продукта на участке Y, т	1,250	1,235	1,220	1,212
Удельная маржинальная прибыль с т конечной продукции, тыс. руб.	6,250	6,418	6,340	6,485

Источник: авторская разработка.

Таблица 2

Производственные мощности при разных вариантах действий руководства предприятия
 Table 2. Production capacities with different corporate strategies

Наименование показателя	По базисной стратегии	При принятии проекта X	При принятии проекта Y	При принятии обоих проектов X и Y
Производственная мощность участка X в весовом эквиваленте полуфабриката, тыс. т	850	1000	850	1000
Производственная мощность участка Y в весовом эквиваленте полуфабриката, тыс. т	800	800	950	950
Производственная мощность предприятия в весовом эквиваленте полуфабриката, тыс. т	800	800	850	950
Производственная мощность предприятия в весовом эквиваленте конечного продукта, тыс. т	640	648	697	783,8

Источник: авторская разработка.

дернизации на этом участке. Для этого необходимо оценить изменение будущих денежных потоков предприятия на горизонте планирования вследствие принятия этого проекта. Наиболее существенной и сложной составляющей этой величины будет изменение маржинальной прибыли после налогообложения, которое будет определяться двумя факторами. Во-первых, это снижение нормы затрат полуфабриката на единицу конечной продукции за счет увеличения нормы выхода с 80%

до 82% в связи с изменением технологии производства. Во-вторых, это увеличение производственной мощности за счет увеличения нормы выхода конечного продукта и расширения емкости технологического оборудования, что позволит удовлетворять дополнительный спрос в перспективе и увеличить объем продаж на 57 тыс. т начиная с первого года. Влияние этих факторов на прибыль может быть оценено следующим образом:

$$\Delta OP_{Yrt} = -q_0(t)(r_Y - r_0)v_0(1 - s),$$

$$\Delta OP_{Yqt} = (q_{Y(t)} - q_0(t))(p - r_{Yv0})(1 - s).$$

Сложив эти величины с экономией на условно-постоянных расходах и на налоге на прибыль за счет увеличения амортизации основных средств, получим денежный поток по проекту Y :

$$CF_{Yt} = \Delta OP_{Yrt} + \Delta OP_{Yqt} - (FC_Y - FC_0)(1 - s) + (\Delta Y - D_0)s, \quad (1)$$

где CF_{Yt} — денежный поток по проекту Y за год t .

В случае неотрицательной NPV проекта Y он должен быть включен в стратегический план. После этого основным системным ограничением на горизонте планирования становится производственная мощность оборудования на участке X . Поэтому далее в соответствии с логикой ТОС необходимо оценить NPV проекта X . Поскольку проект X оценивается на цепной основе, прирост маржинальной прибыли по проекту X должен включать все синергетические эффекты комплекса проектов, в том числе и от снятия нового ограничения по мощности на этом участке. При этом прирост данного показателя будет определяться тремя факторами. Во-первых, это снижение удельных затрат сырья на участке X с 3,00 до 2,9 тыс. руб. на т полуфабриката. Этот эффект частично мог бы быть получен при автономной реализации проекта X , но при поэтапном построении стратегии должен быть оценен в расчете на достигнутый на первом этапе объем продаж. Во-вторых, это дополнительное снижение нормы затрат полуфабриката на единицу конечной продукции на участке Y за счет увеличения нормы выхода с 82% до 82,5% в связи с улучшением качества полуфабриката на участке X . В-третьих, это дополнительное увеличение производственной мощности за счет дальнейшего увеличения нормы выхода конечного продукта и расширения емкости технологического оборудования. Это позволит удовлетворять больший спрос и увеличить объем продаж на 3 тыс. т в первый год, 23 тыс. т во второй год и на 33 тыс. т начиная с третьего года. Оценка влияния этих факторов на прибыль может быть получена следующим образом:

$$\Delta OP_{Xv} = -q_Y(t)r_Y(v_X - v_0)(1 - s), \quad (2)$$

$$\Delta OP_{Xrt} = -q_Y(t)(r_{YX} - r_Y)v_X(1 - s), \quad (3)$$

$$\Delta OP_{Xqt} = (q_{YX}(t) - q_Y(t))(p - R_{YX}v_X)(1 - s). \quad (4)$$

Если бы проект X рассматривался изолированно от проекта Y , прирост маржинальной прибыли под влиянием этих факторов определялся бы так:

$$\Delta OP_{Xv}^* = -q_Y(t)r_Y(v_X - v_0)(1 - s), \quad (5)$$

$$\Delta OP_{Xrt}^* = -q_Y(t)(r_{YX} - r_Y)v_X(1 - s), \quad (6)$$

$$\Delta OP_{Xqt}^* = (q_{YX}(t) - q_Y(t))(p - R_{YX}v_X)(1 - s). \quad (7)$$

Исходя из этого синергетический эффект от проекта X в контексте принятого проекта Y может быть определен попарным сопоставлением соответствующих величин, определяемых по формулам (2–4) и (5–7). В остальном денежные потоки по проекту X будут складываться из схожих составляющих, что и по проекту Y :

$$CF_{Xt} = \Delta OP_{Xvt} + \Delta OP_{Xrt} + \Delta OP_{Xqt} - (FC_X - FC_0)(1 - s) + (D_X - D_0)s, \quad (8)$$

где CF_{Xt} — денежный поток по проекту X за год t .

Таким образом, NPV комплекса из двух инвестиционных проектов с позиций ТОС может быть представлена как сумма NPV от реализации стратегии из двух организационно-технических мероприятий, в которой синергетический эффект от совместного их выполнения включается в NPV второго мероприятия. При определении NPV этих проектов будем исходить из предположения, что величины будущих денежных потоков имеют симметричное распределение, поэтому за математическое ожидание денежного потока может быть взято его медианное значение, которое и потребует определить по вышеприведенному алгоритму. При этом дисконтирование проводится по ставке 10% с непрерывным начислением.

В целях выявления ограничений применимости ТОС в стратегическом анализе проведем оценку NPV каждого из двух проектов в соответствии с вышеизложенным алгоритмом в трех ситуациях. Они идентичны во всем за исключением, во-первых, величины стартовых вложений в модернизацию производства на участках X и Y и, соответственно, амортизации оборудования, во-вторых, реальных опционов. Стартовые вложения в проекты X и Y составят в ситуации 1: 1350 и 1950 млн руб.; в ситуации 2: 1050 и 2250 млн руб.; в ситуации 3: 1550 и 1950 млн руб. соответственно. Принципиальное отличие ситуации 3 заключается в том, что помимо ранее рассмотренных эффектов модернизация производства на участке X даст возможность замены традиционного сырья его недавно появившимся на рынке аналогом. Ожидаемое среднее значение цены на это сырье на горизонте планирования составляет 2,8 тыс. руб. за т. Тем не менее, цены на него неустойчивы, а их стабилизация ожидается через два года. В случае стабилизации цен через два года на благоприятном уровне организация получит возможность перестроить производство под использование нового сырья, для чего в конце второго года потребуется инвестировать 100 млн руб. При этом переключение на использование нового сырья предполагается необратимым.

Таким образом, в случае принятия проекта X в ситуации 3 организация в течение первых двух лет будет располагать реальным опционом, стоимость которого можно оценить аналогично европейскому опциону колл со сроком исполнения 2 года по формуле Магрейба [12; 20]. В качестве цены исполнения опциона возьмем сумму приведенных на начало 3-го года будущих маржинальных прибылей после налогообложения при использовании традиционного сырья и инвестиций на переключение производства на новое сырье. В качестве базового актива примем сумму приведенных на начало 3-го года будущих маржинальных прибылей при использовании нового сырья. По причине большей рискованности базового актива в первые два года для получения его текущей стоимости следует использовать более высокую ставку дисконтирования. Примем ее на уровне 20%. Среднее квадратическое отклонение денежных потоков при использовании традиционного сырья составляет 0,15; при использовании нового сырья — 0,4; коэффициент корреляции цен на традиционное и новое сырье — 0,6.

Результаты

Результаты оценки ожидаемых денежных потоков от операционной деятельности по проектам Y и X в ситуации 1, полученные по формулам (1) и (8), представлены в табл. 3 и 4. Проведя дисконтирование денежных потоков проекта Y и сложив их приведенные стоимости, получим стоимость проекта Y , равную 2098,4 млн руб. Стоимость проекта X при условии его одновременной реализации с проектом Y составит 1434,1 млн руб. Примечательно, при оценке изменения маржинальной прибыли по формулам (5–7), стоимость проекта X будет существенно ниже и составит только 972,3 млн руб. Разница между двумя последними величинами составляет 461,8 млн руб. и является синергетическим эффектом. Он может быть получен при совместной реализации проектов, в первую очередь, за счет последовательного снятия двух ограничений по мощности на участках X и Y .

В ситуациях 2 и 3 результаты анализа денежных потоков от операционной деятельности по проектам Y и X аналогичны результатам в ситуации 1 во всем, за исключением экономии на налоге на прибыль за счет изменения амортизации основных средств. NPV проектов X и Y в ситуациях 1–3, полученные на основе этих расчетов и данных о стартовых вложениях, приведены в табл. 5.

Как видно из величины по стр. 2 табл. 5, при рассмотрении проекта X вне комплекса проектов он не имеет смысла во всех трех ситуациях, поскольку реализации его потенциала будет препятствовать ограничение по мощности на участке Y . На этом сходство между данными ситуациями заканчивается.

В ситуации 1 снятие ограничения по мощности участка Y в сочетании с улучшением показателей эффективности производства позволяет увеличить рыночную добавленную стоимость бизнеса на 148,4 млн руб. Принятие же проекта X (при условии его одновременной реализации с проектом Y) позволит увеличить этот показатель еще на 84,2 млн руб. Таким образом, в этой ситуации оценки проектов, получаемые в последовательности согласно ТОС, дают исчерпывающую информацию об их реальной ценности для организации.

Тем не менее, этого нельзя сказать о ситуации 2. В этой ситуации проект Y , выступающий с позиций ТОС в качестве условия принятия проекта X , имеет отрицательную NPV (–112,3 млн руб.). В то же время NPV проекта X (при условии принятия проекта Y) положительна и составляет 344,9 млн руб. Таким образом, ограничивая себя анализом этих проектов в предписываемой ТОС последовательности, мы рискуем целиком отклонить выгодную инвестиционную стратегию еще на этапе рассмотрения проекта Y , если не будем принимать во внимание оценку проекта X на втором этапе ее формирования.

В ситуации 3 проект Y имеет то же NPV, что и в ситуации 1, и может быть признан целесообразным вне зависимости от намерений руководства предприятия принять или отклонить проект X . Тем не менее, проект X , рассматриваемый вне контекста возможных будущих изменений системы, имеет отрицательное NPV (–89,6 млн руб.) и может быть отклонен. Однако если во внимание будет принята стоимость опциона на замену сырья при благоприятной рыночной конъюнктуре в будущем, оценка проекта X должна быть иной. Поскольку стоимость этого опциона составляет 157,1 млн руб. и превышает прямые потери от проекта, его отклонение приведет к появлению упущенных выгод по крайней мере на 67,5 млн руб. Таким образом, прямолинейное следование ТОС в оценке проекта X без учета его скрытых возможностей, также способно приводить к негативным последствиям.

Таблица 3

**Денежные потоки от операционной деятельности
по проекту *Y* в ситуации 1, млн руб.**

Table 3. Cash flows from operating activity under the project *Y* in case 1, millions rub.

Наименование показателя	Год 1	Год 2	Начиная с года 3
Изменение маржинальной прибыли после налогообложения, в том числе за счет:	336,0	336,0	336,0
снижения нормы затрат полуфабриката в связи с изменением технологии производства	46,8	46,8	46,8
увеличения производственной мощности за счет увеличения нормы выхода конечного продукта и расширения емкости технологического оборудования на входе в процесс	289,2	289,2	289,2
Экономия на эксплуатационных условно-постоянных расходах (после налогообложения)	16,0	16,0	16,0
Экономия на налоге на прибыль в связи с изменением амортизации основных средств	48,8	48,8	48,8
Итого денежный поток от операционной деятельности по проекту	400,8	400,8	400,8

Источник: авторская разработка.

Таблица 4

**Денежные потоки от операционной деятельности по проекту *X*
(при условии принятия проекта *Y*) в ситуации 1, млн руб.**

Table 4. Cash flows from operating activity under project *X*
(subject to the adoption of project *Y*) in case 1, millions rub.

Наименование показателя	Год 1	Год 2	Начиная с года 3
Изменение маржинальной прибыли после налогообложения, в том числе за счет:	95,5	199,3	251,2
снижения нормы затрат сырья на выработку полуфабриката	68,0	68,0	68,0
снижения нормы затрат полуфабриката в связи с улучшением качества полуфабриката	12,0	12,0	12,0
увеличения производственной мощности за счет увеличения нормы выхода конечного продукта и расширения емкости технологического оборудования на входе в процесс	15,6	119,3	171,2
Экономия на эксплуатационных условно-постоянных расходах (после налогообложения)	24,0	24,0	24,0
Экономия на налоге на прибыль в связи с изменением амортизации основных средств	33,8	33,8	33,8
Итого денежный поток от операционной деятельности по проекту	153,3	257,0	308,9

Источник: авторская разработка.

**Показатели изменения стоимости предприятия при запуске проектов X и Y
в ситуациях 1–3, млн руб.**

Table 5. Changes in business value due to the adoption of projects X and Y
in cases 1–3, million rub.

Наименование показателя	Ситуация 1	Ситуация 2	Ситуация 3
NPV проекта на участке Y	148,4	–112,3	148,4
NPV проекта на участке X при его изолированном рассмотрении вне комплекса проектов	–377,7	–116,9	–551,5
NPV проекта на участке X при условии его совместной реализации с проектом Y без учета реального опциона	84,2	344,9	–89,6
Стоимость реального опциона, получаемого при условии запуска проекта X	0	0	157,1
NPV проекта на участке X при условии его совместной реализации с проектом Y, скорректированная на стоимость опциона	84,2	344,9	67,5
Общее приращение стоимости предприятия в результате реализации комплекса проектов	232,6	232,6	215,9

Источник: авторская разработка.

Обсуждение и выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Первое ограничение применимости ТОС в стратегическом анализе заключается в том, что в некоторых ситуациях увеличение рыночной добавленной стоимости бизнеса может создаваться только комбинацией нескольких мероприятий, в частности, инвестиционных проектов, приводящих к последовательному снятию ограничений и созданию значительных положительных синергетических эффектов (что видно из ситуации 2). В таких ситуациях каждое мероприятие в ряду стратегических преобразований не может быть отдельным объектом анализа и должно оцениваться в контексте не только предыдущих, но и последующих планируемых мероприятий. Поэтому в общем случае пять направляющих шагов ТОС оправданно использовать для определения последовательности преобразований, но их оценка в этой же последовательности на цепной основе может занижать их подлинную ценность и привести к полному или частичному необоснованному отклонению стратегии.

Второе ограничение заключается в том, что ценность мероприятия в ряду изменений хозяйственной системы, выбираемых в соответствии с пятью направляющими шагами ТОС, может определяться не только его прямыми последствиями, но и теми изменениями стратегии, которые компания получит возможность совершить при условии его выполнения (что видно из ситуации 3). Тем не менее, часто эти возможности скрыты и трудно поддаются оценке, несмотря на успехи теории опционов. Кроме того, эти возможности иногда сами порождают другие возможности (т. е. создают опцион на опцион), которые еще менее явны. Поэтому существует риск недооценки отдельных проектов или всего плана стратегических преобразований при их рассмотрении с позиций ТОС.

В связи с этим объектом оценки в стратегическом анализе должен быть не каждый последующий цикл пяти направляющих шагов ТОС, а весь ряд будущих преобразований с учетом порождаемых ими реальных опционов, т.е. стратегия в целом, как это предусматривается традиционным стратегическим менеджментом. Это ослабит действие указанных ограничений, хотя, естественно, никогда не позволит снять их полностью в связи с постоянно присутствующей в бизнесе неопределенностью. Прямолинейное же применение пяти направляющих шагов ТОС в стратегическом анализе может привести к возникновению упущенных выгод в результате занижения подлинной ценности проектов и стратегий.

Тем не менее, использование ТОС в стратегическом анализе может помочь предотвратить принятие проектов, не приводящих к снятию в стратегической перспективе ни одного потенциального ограничения и разрушающих рыночную добавленную стоимость бизнеса. Поэтому применение подхода ТОС к работе с ограничениями следует рассматривать как необходимое, но не достаточное условие разработки успешной стратегии.

Литература

1. Балашова Е. С. Современные модели ресурсного менеджмента промышленного предприятия // Информационно-управляющие системы. 2015. Т. 74. № 1. С. 105–111.
2. Детмер У. Теория ограничений Голдратта: Системный подход к непрерывному совершенствованию. М. : Альпина Паблишер, 2017.
3. Детмер У., Шрагенхайм Э. Производство с невероятной скоростью: улучшение финансовых результатов предприятия. М. : Альпина Паблишер, 2009.
4. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М. : Проспект, 2017.
5. Корбетт Т. Управленческий учет по ТОС. Киев : НІД, 2009.
6. Лич Л. Вовремя и в рамках бюджета: Управление проектами по методу критической цепи. М. : Альпина Паблишер, 2017.
7. Хайруллина М. В., Кислицына О. А., Чуваев А. В. Непрерывное улучшение производственной системы промышленного предприятия: показатели и модель оценки // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. Т. 233. № 6. С. 81–90.
8. Шрагенхайм Э. Управленческие дилеммы. Теория ограничений в действии. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
9. Bragg S. M. Throughput Accounting. A Guide to Constraint Management. Hoboken : John Wiley and Sons, 2007.
10. Chaudhari C. V., Mukhopadhyay S. K. Application of Theory of Constraints in an integrated poultry industry // International journal of production research. 2003. Vol. 41. N 4. P. 799–817.
11. Dias R. M. F., Silva L. D., Tenera A. Application of a Proposed TLS Model in a Lean Productive System // Independent Journal of Management and Production. 2019. Vol. 10. № 1. P. 76–100.
12. Fischer S. Call Option Pricing When the Exercise Price is Uncertain, and the Valuation of Index Bonds // Journal of Finance. 1978. Vol. 33. N 1. P. 169–176.
13. Goldratt E. It's Not Luck. Great Barrington, The North River Press, 1994.
14. Goldratt E. The Haystack Syndrome: Sifting Information Out of the Data Ocean. Croton-on-Hudson : The North River Press, 1990.
15. Goldratt E., Cox J. The Goal. A Process of Ongoing Improvement. Great Barrington : The North River Press, 2004.
16. Goldratt E., Schragenheim E., Ptak C. Necessary but not Sufficient. Great Barrington : The North River Press, 2000.
17. Gundogar E., Sari M., Kokcam A. H. Dynamic bottleneck elimination in mattress manufacturing line using theory of constraints // Springerplus. 2016. Vol. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1186/s40064-016-2947-1> (дата обращения: 24.07.2019).
18. Gupta M., Boyd L. An Excel-based dice game: an integrative learning activity in operations management // International Journal of Operations and Production Management. 2011. Vol. 31. N 6. P. 608–630.
19. Gupta M. C., Sahi G. K., Chahal H. Improving market orientation: the theory of constraints-based framework // Journal of Strategic Marketing. 2013. Vol. 21. N 4. P. 305–322.

20. *Margrabe W.* The Value of an Option to Exchange One Asset for Another // *Journal of Finance*. 1978. Vol. 33. N 1. P. 177–186.
21. *Mokgatla S., Kadama F.K.* Constraints in the pharmaceutical supply chain to clinics in the Mafikeng area, South Africa // *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. 2018. Vol. 226. P. 449–457.
22. *Perez-Campdesuner R., Perez-Pravia M., Sanchez-Rodriguez A. et al.* Application of a Methodology Based on the Theory of Constraints in the Sector of Tourism Services // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2017. Vol. 10. N 1. P. 7–27.
23. *Petrochenko M. V., Velichkin V. Z., Kazakov Y. N. et al.* Reliability assessment of the construction schedule by the critical chain method // *Magazine of Civil Engineering*. 2018. Vol. 81. N 5. P. 25–31.
24. *Pretorius P.* Introducing in-between decision points to TOC's five focusing steps // *International Journal of Production Research*. 2014. Vol. 52. N 2. P. 496–506.
25. *Puche J., Ponte B., Costas J. et al.* Systemic approach to supply chain management through the viable system model and the theory of constraints // *Production Planning and Control*. 2016. Vol. 27. N 5. P. 421–430.
26. *Spruill B.* Maximizing Profits through the Integration of Lean, Six Sigma and the Theory of Constraints. New York : Productivity Press, 2009.

Об авторе:

Нечитайло Игорь Алексеевич, доцент Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; nechitajlo_ia@spbstu.ru

References

1. Balashova E. S. Modern models of resource management of an industrial enterprise // *Information and Control Systems [Informacionno-upravljajushhie sistemy]*. 2015. Vol. 74. N 1. P. 105–111. (In rus.)
2. Dettmer W. *Goldratt's Theory of Constraints. A Systems Approach to Continuous Improvement*. M. : Alpina Publisher, 2017. (In rus.)
3. Dettmer W., Schragenheim E. *Manufacturing at Warp Speed. Optimizing Supply Chain Financial Performance*. M. : Alpina Publisher, 2009. (In rus.)
4. Kovalev V. V. *Financial management: theory and practice*. M., Prospect Publisher, 2017. (In rus.)
5. Corbett T. *Throughput Accounting: TOC's Management Accounting System*. Kiev : NiD, 2009. (In rus.)
6. Leach L. *Critical Chain Project Management*. M. : Alpina Publisher, 2017. (In rus.)
7. Khairullina M. V., Kislitsyna O. A., Chuvaev A. V. Continuous improvement of the industrial enterprise production system: indicators and evaluation model. *SPbPU Journal. Economics [Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta Jekonomicheskie nauki]*. 2015. Vol. 233. N 6. P. 81–90. (In rus.)
8. Schragenheim E. *Management Dilemmas. The Theory of Constraints Approach to Problem Identification and Solutions*. M. : Alpina Business Books, 2007. (In rus.)
9. Bragg S. M. *Throughput Accounting. A Guide to Constraint Management*. Hoboken : John Wiley and Sons, 2007.
10. Chaudhari C. V., Mukhopadhyay S. K. Application of Theory of Constraints in an integrated poultry industry // *International journal of production research*. 2003. Vol. 41. N 4. P. 799–817.
11. Dias R. M. F., Silva L. D., Tenera A. Application of a Proposed TLS Model in a Lean Productive System // *Independent Journal of Management and Production*. 2019. Vol. 10. N 1. P. 76–100.
12. Fischer S. Call Option Pricing When the Exercise Price is Uncertain, and the Valuation of Index Bonds // *Journal of Finance*. 1978. Vol. 33. N 1. P. 169–176.
13. Goldratt E. *It's Not Luck*. Great Barrington, The North River Press, 1994.
14. Goldratt E. *The Haystack Syndrome: Sifting Information Out of the Data Ocean*. Croton-on-Hudson : The North River Press, 1990.
15. Goldratt E., Cox J. *The Goal. A Process of Ongoing Improvement*. Great Barrington : The North River Press, 2004.
16. Goldratt E., Schragenheim E., Ptak C. *Necessary but not Sufficient*. Great Barrington : The North River Press, 2000.

17. Gundogar E., Sari M., Kokcam A. H. Dynamic bottleneck elimination in mattress manufacturing line using theory of constraints // Springerplus. 2016. Vol. 5 [Electronic resours]. URL: <https://doi.org/10.1186/s40064-016-2947-1> (accessed: 24.07.2019)
18. Gupta M., Boyd L. An Excel-based dice game: an integrative learning activity in operations management // International Journal of Operations and Production Management. 2011. Vol. 31. N 6. P. 608–630.
19. Gupta M. C., Sahi G. K., Chahal H. Improving market orientation: the theory of constraints-based framework // Journal of Strategic Marketing. 2013. Vol. 21. N 4. P. 305–322.
20. Margrabe W. The Value of an Option to Exchange One Asset for Another // Journal of Finance. 1978. Vol. 33. N 1. P. 177–186.
21. Mokgatlha S., Kadama F. K. Constraints in the pharmaceutical supply chain to clinics in the Mafikeng area, South Africa // WIT Transactions on Ecology and the Environment. 2018. Vol. 226. P. 449–457.
22. Perez-Campdesuner R., Perez-Pravia M., Sanchez-Rodriguez A. et al. Application of a Methodology Based on the Theory of Constraints in the Sector of Tourism Services // Journal of Industrial Engineering and Management. 2017. Vol. 10. N 1. P. 7–27.
23. Petrochenko M. V., Velichkin V. Z., Kazakov Y. N. et al. Reliability assessment of the construction schedule by the critical chain method // Magazine of Civil Engineering. 2018. Vol. 81. N 5. P. 25–31.
24. Pretorius P. Introducing in-between decision points to TOC's five focusing steps // International Journal of Production Research. 2014. Vol. 52. N 2. P. 496–506.
25. Puche J., Ponte B., Costas J. et al. Systemic approach to supply chain management through the viable system model and the theory of constraints // Production Planning and Control. 2016. Vol. 27. N 5. P. 421–430.
26. Sproull B. Maximizing Profits through the Integration of Lean, Six Sigma and the Theory of Constraints. New York : Productivity Press, 2009.

About the author:

Igor A. Nechitaylo, Associate professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate professor; nechitajlo_ia@spbstu.ru

Методологический подход к оценке уровня инновационного развития предприятия (на примере сферы жилищно-коммунального хозяйства)

Куклина Е. А. *, Мицеловская О. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kuklina-ea@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В условиях становления цифровой экономики уровень инновационного развития предприятия является маркером готовности экономической системы к цифровой трансформации. Цифровая трансформация дает возможность оцифровки всех аспектов бизнеса, а далее задействуются цифровые технологии для получения результатов за счет реализации инновационных стратегий и производства инновационных продуктов. Результаты исследования, предметом которого являются методологические аспекты оценки уровня инновационного развития предприятия, представляются актуальными. В статье сформулированы необходимые условия обеспечения экономической эффективности предприятий различных отраслей и сфер деятельности (наличие инновационного потенциала, достаточный уровень инновационного развития, высокая готовность к разработке и реализации стратегии лидера). В качестве научной гипотезы выступает предположение о необходимости использования методологического подхода, основанного на поэтапном выполнении оценочных процедур и использовании соответствующих каждому этапу методов оценки. Предложен алгоритм оценки уровня инновационного развития предприятия, уточнено понятие инновационного потенциала и определена его структура с учетом цифровой трансформации экономики. Обоснованы показатели оценки инновационного потенциала и уровня инновационного развития предприятия. Выполнена апробация предложенного методологического подхода на примере предприятий сферы жилищно-коммунального хозяйства УК Группы БФА.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, инновационная активность, стратегия, методы, оценка

Для цитирования: Куклина Е. А., Мицеловская О. С. Методологический подход к оценке уровня инновационного развития предприятия (на примере сферы жилищно-коммунального хозяйства) // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 110–122.

Methodological Approach in Assessing the Level of Innovative Development of an Enterprise (On the Example of Housing and Communal Services Sphere)

Evgenia A. Kuklina*, Olga S. Mitselovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; kuklina-ea@ranepa.ru

ABSTRACT

In the context of the digital economy formation the level of innovative development of the enterprise is a marker of the readiness of the economic system for digital transformation. Digital transformation makes it possible to digitize all the aspects of the business that generate interfaces for interacting with clients and then digital technologies are used to obtain results through the implementation of innovative strategies and the production of innovative products. The results of the study in which the subject is the methodological aspects of assessing the level of innovative development of an enterprise are relevant. The article formulates the necessary conditions for ensuring the economic efficiency of enterprises of various industries and fields of activity (the availability of innovative potential, a sufficient

level of innovative development, high readiness to develop and implement a leader's strategy). The scientific hypothesis is the assumption that it is necessary to use a methodological approach based on the phased implementation of assessment procedures and the use of assessment methods corresponding to each stage. An algorithm for assessing the level of innovative development of an enterprise is proposed, the concept of innovative potential is clarified and its structure which takes into account the digital transformation of the economy is determined. The indicators of assessing innovative potential and the level of innovative development of the enterprise are substantiated. The proposed methodological approach was tested using the enterprises in the field of housing and communal services of the BFA Group management company.

Keywords: innovation, innovative potential, innovative activity, strategy, methods, assessment

For citing: Kuklina E. A., Mitselovskaya O. S. Methodological Approach in Assessing the Level of Innovative Development of an Enterprise (On the Example of Housing and Communal Services Sphere) // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 110–122.

Введение

Одной из базовых категорий экономической науки является экономическая эффективность, повышение которой составляет ключевую задачу социально-экономического развития Российской Федерации.

В современном бизнесе на хозяйственные субъекты воздействует совокупность различных факторов развития, важнейшим из которых является инновационная деятельность предприятия, точнее — уровень его инновационного развития. Своевременное внедрение инноваций на предприятии очень часто является решающим фактором успеха, а инновационный подход к реализации стратегии предприятия можно рассматривать в качестве драйвера повышения эффективности результатов производственно-хозяйственной деятельности. В данном контексте достаточно перспективной, среди многочисленных классификаций инноваций, представляется классификация консалтинговой компании Doblin [13], включающая десять типов инноваций:

- *бизнес-модель* — способ извлечения прибыли;
- *сети и альянсы* — объединение усилий с другими компаниями для получения взаимной выгоды;
- *стимулирование производственного процесса* — способ поддержки трудового процесса и стимулирование сотрудников;
- *ключевые процессы* — способ создания и повышения ценности своих предложений;
- *представление продукта* — способ представления ключевых продуктов;
- *комплекс продуктов* — способ интеграции различных продуктов;
- *услуги* — предпродажное и послепродажное обслуживание потребителей;
- *каналы распространения* — способ доведения товаров до рынка;
- *бренд* — позиционирование товаров;
- *ощущения потребителей* — чувства потребителей при приобретении и использовании продукции.

Как нам представляется, для современного развития экономики Российской Федерации необходимыми условиями (требованиями) обеспечения экономической эффективности предприятий различных отраслей и сфер деятельности страны являются: наличие инновационного (цифрового) потенциала, достаточный уровень инновационного развития, высокая готовность к разработке и реализации стратегии лидера.

Материалы и методы

Цель исследования состоит в совершенствовании методологического подхода к оценке уровня инновационного развития предприятия (на примере предприятия сферы жилищно-коммунального хозяйства).

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- предложить алгоритм оценки уровня инновационного развития предприятия;
- уточнить понятие инновационного потенциала и определить его структуру с учетом цифровой трансформации экономики;
- определить показатели, позволяющие оценить инновационный потенциал и уровень инновационного развития предприятия;
- выполнить апробацию предложенного методологического подхода на примере предприятий сферы жилищно-коммунального хозяйства (УК Группы БФА).

Для решения поставленных задач были использованы методы сравнительного и логического анализа, а также метод коэффициентов, которые позволили обосновать предложения в рамках методологического подхода к оценке уровня инновационного развития хозяйствующего субъекта. В качестве гипотезы выступает предположение о необходимости использования методологического подхода, основанного на поэтапном выполнении оценочных процедур и использовании соответствующих каждому этапу методов оценки.

Результаты

Об инновационном развитии хозяйствующего субъекта имеет смысл говорить только в том случае, если он функционирует в отрасли (сфере деятельности), которая восприимчива к инновациям и демонстрирует положительные результаты реализации инновационного процесса.

По имеющимся данным, в настоящее время в Российской Федерации только 10% предприятий можно считать инновационно активными, наибольшая активность отмечается в нефтегазовом секторе, в котором инновационно активно каждое третье предприятие [12, с. 3]. Поэтому оценку уровня инновационного развития предприятия предполагается выполнять в определенной последовательности (поэтапно), включающей: оценку перспектив инновационного развития отрасли; оценку инновационного потенциала предприятий отрасли; оценку уровня инновационной активности; определение типа инновационной стратегии предприятия (рис. 1).

При этом для каждого этапа оценки используются соответствующие методы. Так, например, оценка перспектив инновационного развития отрасли выполняется с использованием метода экспертных оценок (метод Дельфи); для оценки инновационного потенциала применяется метод Innovation Scorecard и др.; для оценки уровня инновационной активности — метод оценки финансовой устойчивости, метод коэффициентов и т.д. Оставив за рамками настоящей статьи аспекты, связанные с экспертной оценкой перспектив инновационного развития отраслей и сфер деятельности экономики Российской Федерации (этап 1), рассмотрим последующие этапы в соответствии с предложенным алгоритмом.

Оценка инновационного потенциала предприятий отрасли

Понятие инновационного потенциала предприятия можно сформулировать с позиций: меры готовности к инновационным стратегическим изменениям (мера готовности к выполнению задач, обеспечивающих достижение поставленной цели); ресурсного обеспечения (совокупность всех видов ресурсов, которые можно

Рис. 1. Алгоритм оценки уровня инновационного развития предприятия
Fig. 1. Algorithm for assessing the level of innovative development of the enterprise

использовать для инновационных процессов). Структура инновационного потенциала предприятия включает три компонента, которые существуют во взаимосвязи (рис. 2).

Таким образом, инновационный потенциал предлагается определять как интегральную характеристику, отражающую обеспеченность предприятия кадровыми, производственными, научно-техническими, информационно-цифровыми и финансово-экономическими ресурсами, эффективное использование которых оказывает непосредственное влияние на уровень конкурентоспособности предприятия в процессе его инновационного развития. На увеличение инновационной активности и, соответственно, повышение уровня инновационного развития предприятий влияют факторы [1], представленные на рис. 3.

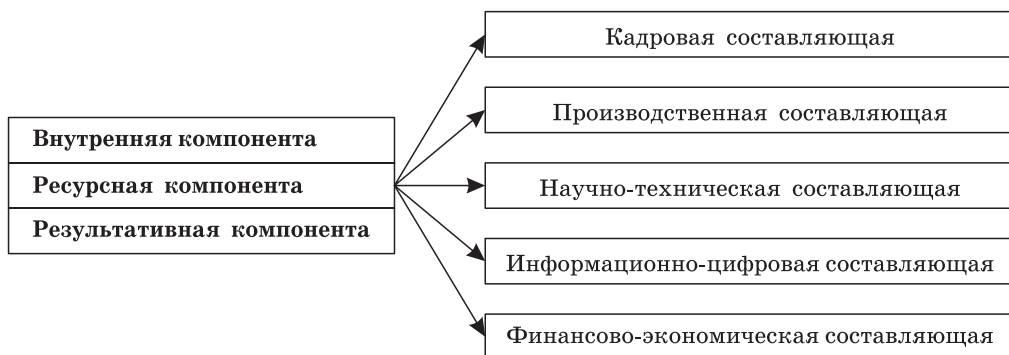

Рис. 2. Структура инновационного потенциала предприятия
Fig. 2. Structure of innovation potential of the enterprise

Рис. 3. Факторы, оказывающие влияние на уровень инновационного развития предприятия

Fig. 3. Factors influencing the level of innovative development of the enterprise

Приведенная классификация факторов дает возможность выделить ключевые факторы, которые оказывают наибольшее влияние на уровень инновационного развития. По нашему мнению, таковыми являются первые две группы факторов (информационные; научно-технические и образовательные), которые воплощаются в технологических инновациях.

Оценка уровня инновационной активности и выявление типа инновационной стратегии предприятий

В настоящее время лидерами инновационной активности в Российской Федерации являются промышленное производство и сфера услуг, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций в которых составляет 9,6% и 6,3% соответственно; по удельному весу инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженных товаров (выполненных работ, услуг) лидирует сфера услуг, опережая промышленное производство более чем в 2 раза — 14,5% против 6,7% (табл. 1).

Но при этом удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций промышленности и сферы услуг в Российской Федерации (9,2%), существенно меньше, чем в странах ЕС, также как и удельный вес новой для рынка промышленной продукции в общем объеме промышленной продукции — 0,5% (табл. 2). Для оценки инновационной активности хозяйствующих субъектов применяются различные методики, предполагающие расчет соответствующих показателей.

Так, например, в работе [3] в качестве метрик инновационной активности предприятия предлагается использовать следующие показатели: качество инновационной стратегии и инновационной цели; уровень использования инновационного потенциала; уровень привлекаемых инвестиций; методы и ориентиры, используемые при проведении инновационных изменений; соответствие реакции компании характеру конкурентной стратегической ситуации; скорость разработки и реализации

Таблица 1

Показатели инновационной активности в 2017 г.

Table 1. Innovation activity indicators in 2017

Показатели инновационной активности	Промышленное производство	Сфера услуг	Сельское хозяйство	Строительство
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %	9,6	6,3	3,1	1,1
Объем и интенсивность затрат на технологические инновации: в % в млрд руб.	1,7 848,0	10,6 540,9	1,0 15,8	0,2 0,17
Объем и доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг: в % в млрд руб.	6,7 403,1	14,5 735,3	1,8 28,4	0,1 0,15

Составлено авторами по данным НИУ «Высшая школа экономики» [4].

Таблица 2

Сравнение инновационной активности стран по показателям [2]

Table 2. Comparison of innovative activity of countries by indicators

Страна	Показатель	
	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций (промышленность и сфера услуг), %	Удельный вес новой для рынка промышленной продукции в общем объеме промышленной продукции, %
Россия	9,2	0,5
Германия	58,9	7,1
Швеция	48,0	18,7
Италия	40,4	27,2

инновационной стратегии; обоснованность реализуемого уровня инновационной активности.

В работах [6; 14] для оценки уровня инновационного развития организации предложено рассчитывать «индекс инновационности» на основе коэффициента НИОКР (k_1), коэффициента инновационной активности (k_2) и коэффициента доходности инновационной деятельности (k_3) по формуле (1):

$$Ии = \alpha_1 k_1 + \alpha_2 k_2 + \alpha_3 k_3. \quad (1)$$

Для определения уровня инновационности предприятия зарубежными компаниями используется чаще всего метод «Innovation Scorecard»¹ [9] — количественная оценка совокупности факторов, влияющих на инновационное развитие предприятия. Пример расчета показателей Innovation Scorecard (СИП) представлен в табл. 3.

¹ Название метода можно перевести на русский язык как «Система инновационных показателей» (СИП).

Система инновационных показателей (Innovation Scorecard)

Table 3. Innovation Scorecard

Инновационные показатели	Вес фактора	Значимость	Итоговый вес	Инновационность предприятия
Инновационный процесс	0,95	0,25	0,238	0,663
Инновационная стратегия	0,40	0,20	0,080	
Обеспечение ресурсами	0,25	0,10	0,025	
Инновационная структура	0,60	0,25	0,150	
Инновационная культура	0,85	0,20	0,170	

Целью оценки инновационного развития при помощи СИП является выявление инновационных способностей компании. С помощью данного метода можно сравнивать «инновационность» различных предприятий. Итоговая оценка СИП представляет собой рейтинговую оценку (рейтинг) — число от нуля до единицы, которое и характеризует инновационный потенциал предприятия. Рассматриваемый метод оценки инновационного потенциала позволяет качественно охарактеризовать ситуацию, которая сложилась в конкретный момент в области инновационных возможностей на предприятии.

Инновационные возможности предприятия неразрывно связаны с его способностью обеспечения производственного процесса, что выявляется в результате анализа финансовой устойчивости. Согласно данному методу различают два типа инновационного потенциала предприятия: «лидер» и «последователь». В качестве недостатка метода оценки инновационного потенциала через показатели финансовой устойчивости предприятия необходимо отметить, что игнорируются другие составляющие инновационного потенциала (кадровая, научно-техническая, информационно-цифровая). А ведь может сложиться такая ситуация, при которой финансово предприятие уже готово к внедрению инноваций, а, например, его персонал не обладает необходимыми навыками и компетенциями или немотивирован в должной мере.

Оценка инновационной активности предприятия на основе данных бухгалтерской отчетности может быть выполнена с использованием метода коэффициентов и сравнения полученных значений с их нормативными величинами. Рассчитываются следующие коэффициенты: обеспеченности интеллектуальной собственностью; персонала, занятого в выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР); имущества, предназначенного для НИОКР; освоения новой техники; внедрения новой продукции; инновационного роста [11].

Расчетные показатели включают оценку текущего состояния компании и оценку уже достигнутых результатов в сфере инноваций, что дает возможность определить используемую стратегию инновационного развития: стратегию лидера (внедрение принципиально новой продукции и услуг) или стратегию последователя (освоение улучшающих технологий).

Для реализации стратегических приоритетов государственной политики в жилищно-коммунальной сфере необходимо применять инновационные решения, внедрять инновационные проекты и осуществлять программы инновационного развития ЖКХ, т.е. повышать инновационную активность субъектов хозяйствования отрасли [7].

В настоящее время одной из основных проблем, негативно влияющих на эффективность функционирования ЖКХ и качество предоставляемых населению услуг,

является именно недостаточный уровень информатизации и цифровизации. Но цифровизация ЖКХ уже перестает восприниматься чем-то «лишним». Конкуренция заставляет управляющие компании (УК) искать пути оптимизации, разрабатывать новые программные решения и продукты, направленные на снижение бумажного документооборота, автоматизируются диспетчерские пункты, организуются колл-центры, унифицируются и оптимизируются технологические процессы. Технологии «Интернета вещей» (IoT) активно внедряются как в городскую инфраструктуру, так и в отдельные многоквартирные дома, жилые комплексы, социальные учреждения.

Автоматизация рутинных процессов, анализ данных в различных плоскостях, возможность быстрой реакции на аварии и чрезвычайные ситуации, дистанционное управление расходом энергоресурсов, автоматическое получение обратной связи позволяют повышать эффективность эксплуатации объектов ЖКХ, снижать издержки, обеспечивать высокий уровень комфорта жильцов [9].

Рассмотрим показатели инновационной активности и выполним апробацию методики коэффициентов на примере реального субъекта деятельности сферы ЖКХ — УК Группа БФА (г. Санкт-Петербург).

1. Коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью.

Этот коэффициент рассчитывается в том случае, если у предприятия есть объекты интеллектуальной собственности, а также права на нее (в виде патентов, лицензий, свидетельств на промышленные образцы, программные средства, товарные знаки и т.д.), которые необходимы для эффективного развития предприятия. Коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью рассчитывается по формуле (2):

$$K_{IPU} = \frac{IPU}{FA}, \quad (2)$$

где: IPU — интеллектуальная собственность, руб. (указывается в строке нематериальных активов бухгалтерского баланса); FA — прочие внеоборотные активы предприятия, руб.

2. Коэффициент персонала, занятого в НИОКР.

Коэффициент рассчитывается как отношение численности сотрудников предприятия, занятых выполнением НИОКР, к общей численности работников предприятия по формуле (3):

$$K_{RDE} = \frac{RDE}{E}, \quad (3)$$

где: RDE — численность работников, занятых в сфере НИОКР; E — численность сотрудников на предприятии.

3. Коэффициент имущества, предназначенного для НИОКР.

Данный коэффициент оценивает научно-техническую, исследовательскую и материальную оснащенность предприятия по отношению к остальному имуществу (включая имущество, находящееся на условиях аренды или лизинга, оборудование, транспортные средства, которые находятся в аренде у предприятия) по формуле (4):

$$K_{ERE} = \frac{ERE}{PE}, \quad (4)$$

где: ERE — стоимость оборудования для НИОКР; PE — стоимость оборудования производственного назначения.

4. Коэффициент освоения новой техники. Этот коэффициент показывает способность предприятия осваивать новое техническое оборудование и рассчитывается по формуле (5):

$$K_{NT} = \frac{FA_N}{\overline{FA}}, \quad (5)$$

где: FA_N — стоимость вновь введенных основных фондов; $\overline{FA}$ — среднегодовая стоимость основных производственных фондов предприятия.

5. *Коэффициент внедрения новой продукции* — оценивает предприятие с точки зрения внедрения нового или улучшенного инновационного продукта. При расчетах учитываются объемы продаж нового инновационного продукта или улучшенного товара (услуги) к общей выручке от продажи всей продукции за год (формула 6):

$$K_{NPM} = \frac{NS_{NIP}}{NS}, \quad (6)$$

где: NS_{NIP} — выручка от продаж нового продукта; NS — общая выручка от продажи всей продукции.

6. *Коэффициент инновационного роста*. Этот коэффициент является одним из важнейших расчетных показателей, так как оценивает возможности предприятия для обеспечения устойчивого технологического роста и производственного развития. Стоимость инвестиционных проектов включает затраты на исследования и разработку нового продукта, на обучение и переподготовку персонала, которое нацелено на инновации (формула 7):

$$K_{IG} = \frac{C_{RP}}{OI}, \quad (7)$$

где: C_{RP} — стоимость инвестиционных проектов за счет собственных средств; OI — общая стоимость прочих инвестиционных расходов предприятия.

Результаты оценки показателей инновационной активности УК Группы БФА по состоянию на 01.01.2020 г. представлены в табл. 4.

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы:

- предприятие реализует стратегию лидера, о чем свидетельствует значение большинства показателей инновационной активности (коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью; коэффициент персонала, занятого в НИОКР; коэффициент освоения новой техники; коэффициент инновационного роста);
- величина коэффициента имущества, предназначенного для НИОКР (0,2), практически приближается к нижней границе нормативного значения (0,25), что свидетельствует о переходе к стратегии лидера в ближайшей перспективе;
- значение коэффициента внедрения новой продукции (0,13), существенно ниже минимального нормативного уровня (0,4), свидетельствует о стратегии последователя; причиной этого является малый объем продаж нового инновационного продукта (улучшенной услуги) в годовом обороте предприятия.

На основе результатов выполненных расчетов по УК Группы БФА представляет возможным сделать следующий общий вывод.

1. В связи с тем, что уровень инновационного развития сферы ЖКХ является одним из самых низких в отраслевом разрезе, любое внедренное новшество показывает «взрыв» коэффициентов инновационной активности.
2. Высокий уровень коэффициента персонала, занятого в НИОКР, обусловлен необходимостью использования цифровых технологий 30% персонала УК (от административного до инженерного состава).
3. В связи с малым объемом интеллектуальной собственности у предприятий сферы ЖКХ, внедрение новых технологий одномоментно (при внедрении новых программных продуктов и систем) показывает высокий коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью.

Таблица 4

Оценка уровня инновационной активности УК Группы БФА

Table 4. Evaluation of BFA Group CC innovation activity level

Наименование показателя	Нормативное значение	Расчетное значение	Примечание
<i>Коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью</i>	Не меньше $0,1 \div 0,15$ — стратегия лидера; не больше $0,05 \div 0,09$ — стратегия последователя	0,30	Стратегия лидера
<i>Коэффициент персонала, занятого в НИОКР</i>	Не меньше $0,2 \div 0,25$ — стратегия лидера; не больше $0,15 \div 0,19$ — стратегия последователя	0,31	Стратегия лидера
<i>Коэффициент имущества, предназначенного для НИОКР</i>	Не меньше $0,25 \div 0,30$ — стратегия лидера; не больше $0,2 \div 0,24$ — стратегия последователя	0,20	Стратегия последователя
<i>Коэффициент освоения новой техники</i>	Не меньше $0,35 \div 0,4$ — стратегия лидера; не больше $0,3 \div 0,34$ — стратегия последователя	0,38	Стратегия лидера
<i>Коэффициент внедрения новой продукции</i>	Не меньше $0,45 \div 0,5$ — стратегия лидера; не больше $0,4 \div 0,44$ — стратегия последователя	0,13	Стратегия последователя
<i>Коэффициент инновационного роста</i>	Не меньше $0,55 \div 0,6$ — стратегия лидера; не больше $0,5 \div 0,54$ — стратегия последователя	1,00	Стратегия лидера

Обсуждение

Эффективность инновационного процесса и процесса цифровизации как необходимых условий трансформации экономики следует рассматривать с позиций управления, т. е. как результат качества принятых и реализованных управленческих решений.

Отраслевое измерение эффективности управления предполагает оценку экономической эффективности как управленческих решений, так и проектов (инновационных проектов, ИТ-проектов). Основу инновационной экономики в условиях ее цифровизации представляет информация, а также пространство и возможности сети Интернет, информационные системы для целей бизнеса. В этих условиях возрастает актуальность совершенствования подходов к оценке экономической эффективности ИТ-проектов [8].

Как нам представляется, для оценки экономической эффективности ИТ-проекта целесообразно применять априорный подход, используя для оценки величины затрат метод Total Cost of Ownership. Наиболее перспективными для развития подходов к оценке экономической эффективности инновационных проектов являются многокритериальный, опционный (метод реальных опционов) и нечетко-множественный подходы.

Заключение

Уровень инновационного развития хозяйствующего субъекта, который является следствием его инновационной активности, в условиях становления цифровой экономики можно рассматривать в качестве маркера готовности экономической системы к цифровой трансформации.

Цифровая трансформация как *глобальная инновация* (по Ю. В. Яковцу) и *радикальная инновация* (по А. И. Пригожину) дает возможность оцифровки всех аспектов бизнеса, генерирующие интерфейсы взаимодействия с клиентами, далее цифровая революция задействует цифровые технологии для получения результатов за счет реализации инновационных стратегий и производства инновационных продуктов.

Значимость инновационной деятельности хозяйствующих субъектов обусловлена потребностью в такой деятельности с целью повышения конкурентоспособности компаний. В условиях инновационной экономики предприятия, которые не нацелены на инновационное развитие, оказываются нежизнеспособными, так как не соответствуют современным запросам рынка и не могут вести конкурентоспособную борьбу.

Своевременное внедрение инноваций на предприятии является, зачастую, ключевым фактором успеха, а инновационный подход к реализации стратегии предприятия — драйвером повышения эффективности результатов производственно-хозяйственной деятельности и залогом выживаемости в современных условиях системных сдвигов, вызовов и угроз.

Литература

1. Белякова Г. Я., Чайран Ю. А. Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности // Креативная экономика. 2014. № 11. С. 162–170.
2. Городникова Н. В. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2018.
3. Гилилов М. В. Методы и инструменты оценки инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Иваново : Ивановский государственный энергетический университет, 2017.
4. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2019.
5. Инновационная деятельность в РФ. Информационно-статистический материал «Статистика науки и образования» [Электронный ресурс]. URL: http://www.csrs.ru/archive/stat_2017_inno/innovation_2017.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
6. Куклина Е. А., Бритько А. С. К проблеме оценки и выбора оптимального проекта инновационного развития организации // Управленческое консультирование. 2013. № 8. С. 47–56.
7. Куклина Е. А., Мицеловская О. С. Современные проблемы жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации и направления их решения // Экономика нового мира. 2019. № 4. Вып. 16. СПб. : ЛГУ, 2019. С. 41–54.
8. Куклина Е. А., Мицеловская О. С. К вопросу оценки экономической эффективности инновационной деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства региона // Актуальные проблемы менеджмента: новые методы и технологии управления в регионах : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 ноября 2019 г. СПб. : Скифия-принт, 2020. 362 с. С. 82–85.
9. Мицеловская О. С. Цифровые решения как фактор повышения эффективности функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства // Науч. труды СЗИУ РАНХиГС. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 161–164.
10. Поляков С. Г., Степнов И. М., Федоров А. В. Формирование инновационной стратегии организации с использованием метода Innovation Scorecard // Инновации. 2003. № 10 (67). С. 46–51.
11. Трифилова А. А. Оценка инновационной активности предприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.domino.innov.ru> (дата обращения: 20.02.2020).
12. Чеботарев Н. Ф. Инновационная политика и человеческий капитал в нефтегазовой отрасли ТЭК России. М. : Проспект, 2018.

13. 10 типов инноваций // Журнал «Форсайт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foresight-media.ru/Business-rus/class-inno.htm> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Kuklina E. A. The substantiation for selection of optimal innovation project: setting of the problem and algorithm of its solving / Знание — традиции, инновации, перспективы / Научная конференция с международным участием, 14–15 июня 2013, Бургаски Свободен Университет. Т. 3. Бургас, 2013. С. 27–32.

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; kuklina-ea@ranepa.ru

Мицеловская Ольга Сергеевна, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mitselovskaya@mail.ru

References

1. Belyakova G.Ya., Chayran Yu.A. Factors influencing the development of innovation activities // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2014. № 11. P. 162–170. (In rus)
2. Gorodnikova N.V. Indicators of Innovation: 2018: statistical collection / N.V. Gorodnikova, L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky and others; National Research University "Higher School of Economics." M.: HSE, 2018. 320 p. (In rus)
3. Gililov M.V. Methods and tools for assessing the innovative activity of business entities / M.V. Gililov, I.G. Kukukina; Ivanovo: Ivanovo State Energy University, 2017. 158 p. (In rus)
4. Indicators of innovation: 2019: statistical collection / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, I.A. Kuznetsova and others; National Research University "Higher School of Economics". M.: HSE, 2019. 376 p. (In rus)
5. Innovation activity in the Russian Federation. Information and statistical material "Statistics of science and education" [Electronic resource]. URL: http://www.csrs.ru/archive/stat_2017_inno/innovation_2017.pdf (In rus)
6. Kuklina E.A., Britko A.S. To the problem of evaluating and choosing the optimal innovative development project of the organization // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2013. № 8. P. 47–56. (In rus)
7. Kuklina E.A., Mitselovskaya O.S. Modern problems of housing and communal services of the Russian Federation and their solutions // Economics of the new world [Ekonomika novogo mira]. 2019. No. 4 (Issue 16). St. Petersburg: Leningrad State University, 2019. P. 41–54. (In rus)
8. Kuklina E.A., Mitselovskaya O.S. On the issue of assessing the economic efficiency of innovation in the field of housing and communal services in the region // Current management problems: new management methods and technologies in the regions: materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, November 15, 2019 St. Petersburg: Scythia Print, 2020. 362 p. P. 82–85. (In rus)
9. Mitselovskaya O.S. Digital solutions as a factor in improving the efficiency of the functioning of the housing and communal services sector // Scientific works of NWIM of RANEPa [Nauchnyye trudy SZIU RANKhiGS]. 2019. V. 10. Iss. 3. P. 161–164. (In rus)
10. Polyakov S.G., Stepnov I.M., Fedorov A.V. Formation of an innovative strategy of the organization using the Innovation Scorecard method // Innovations [Innovatsii]. 2003. № 10 (67). P. 46–51. (In rus)
11. Trifilova A.A. Assessment of innovative activity of enterprises [Electronic resource]. URL: <http://www.domino.innov.ru> (In rus)
12. Chebotarev N.F. Innovation policy and human capital in the oil and gas industry of the fuel and energy complex of Russia: monograph. M.: Prospect, 2018. 184 p. (In rus)
13. 10 types of innovation [Electronic Resource] // Foresight Journal. URL: <http://www.foresight-media.ru/Business-rus/class-inno.htm> (In rus)
14. Kuklina E.A. The substantiation for selection of optimal innovation project: setting of the problem and algorithm of its solving / Knowledge — Traditions, Innovations, Prospects / Scientific Conference with International Participation, June 14, 2013, Burgas Free University. Burgas. V. 3. P. 27–32.

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor; kuklina-ea@ranepa.ru

Olga S. Mitselovskaya, Postgraduate Student of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); mitselovskaya@mail.ru

О необходимости принятия в стране документа стратегического планирования «Стратегия развития системы высшего образования в Российской Федерации на период до 2030 года»

Амиров Р. А.^{1, 2}

¹ Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация

² Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация; a.rasul05@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель: в статье обосновывается важность принятия в стране документа стратегического планирования «Стратегия развития системы высшего образования в Российской Федерации на период до 2030 года».

Материалы и методы: в исследовании используются теоретические и эмпирические методы, логический и системный анализ, методы описания, прогноза и экспертных оценок. Теоретической основой научной работы является методология стратегического управления, разработанная известным ученым-экономистом, доктором экономических наук, профессором, иностранным членом РАН В. Л. Квинтом.

Результаты: проведен анализ множества существующих в научной литературе определений понятия и сущности стратегии, выделен ряд ключевых позиций в ее определении. Даются обоснования по критериям для разработки стратегий на примере Стратегии развития системы высшего образования страны на долгосрочный период. Определены особенности разработки стратегии развития высшего образования, представлена иерархия уровней системы стратегии применительно к стратегии развития отечественного высшего образования.

Обсуждение: в предлагаемой для принятия стратегии должны быть отражены состояние и перспективы развития системы высшего образования, с определением положения России в мировом образовательном пространстве, современные вызовы и угрозы, стоящие перед высшей школой, определены стратегические приоритеты, цели и задачи, механизмы и этапы реализации стратегии, предложены сценарии развития системы высшего образования, определены источники ресурсного обеспечения мероприятий по реализации стратегии, ожидаемые результаты и мониторинг ее реализации.

Заключение: отмечается, что в стране разрабатываются и утверждаются различные государственные программы, национальные, федеральные и приоритетные проекты, планы мероприятий в той или иной степени связанные с развитием системы высшего образования, вместе с тем отсутствует ключевой документ стратегического планирования — Стратегия развития системы высшего образования в России на долгосрочный период (например, до 2030 г.). В связи с чем представляется весьма актуальным разработка и принятие данной стратегии, несомненно, учитывающая исторически сложившиеся традиции и особенности отечественной высшей школы.

Ключевые слова: стратегия, стратегирование, высшее образование, кадровое обеспечение, человеческий капитал, национальная безопасность, экспортный потенциал

Для цитирования: Амиров Р. А. О необходимости принятия в стране документа стратегического планирования «Стратегия развития системы высшего образования в Российской Федерации на период до 2030 года» // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 123–135.

On the Need to Adopt a Strategic Planning Document «Strategy for the Development of the Higher Education System in the Russian Federation for the Period up to 2030»

Rasul A. Amirov^{1, 2}

¹ Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

² Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation, a.rasul05@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose: the article substantiates the importance of the country's adoption of the strategic planning document «Strategy for the development of the higher education system in the Russian Federation for the period up to 2030».

Materials and methods: the research uses theoretical and empirical methods, logical and system analysis, methods of description, prediction and expert assessments. The theoretical basis of the research is the method of strategic management developed by the famous economist, doctor of economic sciences, professor, foreign member of the Russian Academy of Sciences V. L. Kvint.

Results: the analysis of numerous definitions of the concept and essence of strategy existing in the scientific literature is carried out, and a number of key positions in its definition are highlighted. Justifications are given for the criteria for developing strategies, using the example of the Strategy for the development of the country's higher education system for the long term. The features of developing a strategy for the development of higher education are defined, and the hierarchy of levels of the strategy system is presented in relation to the strategy for the development of domestic higher education.

Discussion: the strategy proposed for adoption should reflect the state and prospects of development of the higher education system, with the definition of Russia's position in the world educational space, current challenges and threats facing higher education, identify strategic priorities, goals and objectives, mechanisms and stages of implementation of the strategy, propose scenarios for the development of the higher education system, identify sources of resources for the implementation of the strategy, expected results and monitoring of its implementation.

Conclusion: it is noted that various state programs, national, Federal and priority projects, and action plans related to the development of the higher education system are being developed and approved in the country. However, there is no key strategic planning document — the Strategy for the development of the higher education system in Russia for the long term (for example, until 2030). In this regard, it is very relevant to develop and adopt this strategy, which undoubtedly takes into account the historically established traditions and features of the national higher school.

Keywords: strategy, strategizing, higher education, human resources, human capital, national security, export potential

For citing: Amirov R. A. On the Need to Adopt a Strategic Planning Document «Strategy for the Development of the Higher Education System in the Russian Federation for the Period Up To 2030» // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 123–135.

Все видят тактику, при помощи которой я вершу свои завоевания, но никто не замечает стратегию, из которой возникает великая победа.

Сунь Цзы (китайский стратег и мыслитель, VI в. до н. э.)

Введение

В соответствии с мировыми тенденциями все более усиливается практическая значимость теории стратегирования в формировании долгосрочного развития компании, отрасли, региона, страны.

Усложнение экономических взаимоотношений, усиление процессов глобализации, сокращение продолжительности экономических циклов ведут к необходимости фор-

мирования долгосрочных стратегий, позволяющих хозяйствующим субъектам определять вектор развития, обеспечивающий оптимизацию использования ресурсов, с учетом имеющегося потенциала и изменчивости внешней среды [2, с. 155]. Стратегическое управление способствует осуществлению оптимального выбора и сочетания различных форм занятости персонала, его мотивации и контроля, что позволяет современным компаниям сохранять определенную устойчивость в экономике и развивать долгосрочные отношения [12, с. 182].

Повышенное внимание вопросам развития высшего образования, науки и технологий во всем мире связано с переходом к новой парадигме развития, способствующей формированию экономики знаний [22] и осуществлению неоиндустриализации на базе шестого технологического уклада [7, с. 132].

Стратегической целью проводимой государством политики в сфере образования является повышение доступности качественного образования, отвечающего требованиям инновационного развития экономики, потребностям общества в целом и каждого гражданина в частности.

В статье обосновывается важность принятия в стране документа стратегического планирования «Стратегия развития системы высшего образования в Российской Федерации на период до 2030 года».

Материалы и методы

В исследовании используются теоретические и эмпирические методы, логический и системный анализ, методы описания, прогноза и экспертных оценок. Теоретической основой научной работы является методология стратегического управления, разработанная известным ученым-экономистом, доктором экономических наук, профессором, иностранным членом РАН В. Л. Квинтом.

Результаты

Следует отметить, что первоначально стратегия формировалась в военном деле. Из военной сферы стратегия перешла не в государственную область, а в бизнес. А уже из бизнеса стала постепенно переходить в государственное управление [14, с. 107].

Понятие «стратегия» является ключевым в теории и практике управления. Невозможно однозначно трактовать данное понятие, так как оно очень многогранно. Проведя анализ существующих в научной литературе множества определений понятия «стратегия», можно выделить ряд ключевых позиций в ее определении (рис. 1).

Известным ученым-экономистом, посвятившим теории и практике стратегирования около 50 лет, иностранным членом РАН В. Л. Квинтом даны несколько определений понятия «стратегия». Выделим следующие: «стратегия — это результат критического анализа внутренней и внешней среды, существующих прогнозов будущих условий, глубоких знаний и интуиции, что направлено на формулирование и развитие доктрины, которая обеспечит долгосрочный успех при ее последовательной и полной реализации» [18]; «стратегия — это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности» [9, с. 18]. По его мнению, финальным продуктом стратегирования является формализованная стратегия, сочетающая предшествующий ей новый прогноз, миссию, видение, приоритеты, долгосрочные цели и задачи с детальным сценарием, требующим осуществления через реализацию стратегического плана с использованием системы стратегического мониторинга и его законопослушной реализации.

Рис. 1. Ключевые позиции в определении понятия «стратегия»

Fig. 1. Key positions in the definition of «strategy»

Источник: составлено автором.

Стратегия, по сути, является «нитью времени», соединяющей прошлое и будущее, синхронно с этим определяющая желаемый путь развития с использованием конкурентных преимуществ и эффективного распределения имеющихся ограниченных ресурсов.

В последние десятилетия отечественное высшее образование находится в состоянии постоянной трансформации, вызванной необходимостью интеграции в мировое образовательное пространство, повышения качества предоставляемых образовательных услуг, повышения конкурентоспособности российских вузов на международной арене, а также общими изменениями социально-экономического характера, произошедшими в стране. Современные вузы постепенно становятся самостоятельными экономическими субъектами, а сама система высшей школы выступает органической частью экономики, оперативно реагирующей на ее структурные изменения [3, с. 107].

Университеты играют одну из ключевых ролей в национальной инновационной системе [16, р. 29], формируют продуктивный человеческий капитал — главную движущую силу экономического развития [21].

Вузы — особый тип стратегических «игроков» [25], который не только является носителем академической традиции и общесистемной эффективности, но и обладает невероятным потенциалом инноваций и нестандартных инициатив. Лишь осознав эту истину, можно реализовать потенциал преобразований, имеющийся у системы высшего образования [11, с. 68], по своей природе являющейся «статусным благом» (positional good) [20]. Расширение государством различных возможностей для поступления в высшие учебные заведения оказывает положительный эффект на развитие экономики [24].

Происходящие изменения технологий приводят к необходимости пересмотра требований к компетенциям работников [15]. В быстро меняющемся мире, в ус-

ловиях надвигающейся технологической сингулярности, четвертой промышленной революции [13, с. 8] очевидно, что в скором будущем произойдет глобальное изменение рынка труда [19], ряд профессий исчезнет, появятся новые актуальные профессии. На основе прогнозных потребностей экономики и социальной сферы на ближайшие годы необходимо определение профессий будущего, разработка новых образовательных программ, по которым в вузах страны будет осуществляться подготовка необходимых кадров.

По мнению Я. И. Кузьминова, П. С. Сорокина и И. Д. Фрумина к 2030 г. едва ли останется хоть одна профессия, содержание которой не будет затронуто стремительным расширением технологических возможностей [17, р. 35]. По данным Всемирного экономического форума (WEF), во всех группах отраслей доля полностью автоматизированных производственных операций за период 2018–2022 гг. увеличится в среднем на 20–50% [23, р. 11].

На рис. 2 представим взаимосвязь стратегирования с целеполаганием, прогнозированием, программированием и планированием.

Согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» *целеполагание* представляет собой определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны; под *прогнозированием* понимается деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности России, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития страны, ее регионов и муниципальных образований; *планирование* определяется как деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства РФ, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания; *программирование* закреплено как деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов

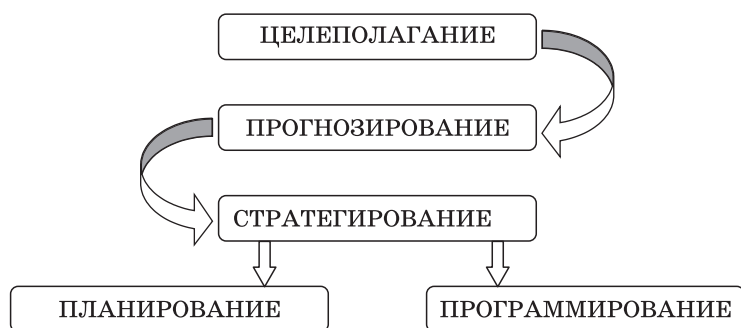

Рис. 2. Взаимосвязь стратегирования с целеполаганием, прогнозированием, программированием и планированием

Fig. 2. The relationship between strategizing and goal setting, forecasting, programming, and planning

Источник: составлено автором.

социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания¹.

По мнению А. Г. Зельднера, процесс стратегирования представляет собой систему механизмов и институтов, увязанных по срокам, финансам, материально-техническим ресурсам, направленных на реализацию национальных приоритетов, обеспечивающих за счет достижений конечных целей и мультипликативного эффекта устойчивый рост экономики и уровня жизни населения [8, с. 15].

В. Л. Квинт подчеркивает, что «начиная с 2000-х гг. в России стали разрабатывать многочисленные стратегии в разных сферах, регионах, министерствах. Но 99% этих документов нельзя назвать стратегиями. Главный постулат стратегирования гласит: ни один документ не может называться стратегией, если утвержденные в нем приоритеты не обеспечены необходимыми ресурсами. Стратегия без ресурсов — это набор добрых пожеланий. Поэтому большинство из широко известных стратегий не реализуется» [6]. Основой успешности разрабатываемых стратегий является их серьезное научное обоснование. Академик Л. И. Абалкин отмечал: «Рождение стратегии — это функция науки, ее приоритетная задача» [1]. Президент Вольного экономического общества России, основоположник теории ноономики [5] С. Д. Бодрунов говорит о недостаточности научно-методической и нормативно-стратегической проработки многих документов стратегического уровня. Отсюда и возникает их несбалансированность, сомнительность некоторых численных показателей, в том числе — связанных с ресурсным обеспечением. Представляется, что следует активнее привлекать экспертное сообщество не только к разработке, но и к сопровождению их процесса реализации, а также мониторинга выполнения [4, с. 44]. Для улучшения сложившейся ситуации видится целесообразным внесение изменений в Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в части закрепления принципа научности, научной обоснованности — одним из принципов стратегического планирования (всего же в данном ФЗ выделено 13 принципов стратегического планирования); а также закрепления в Законе ведущих научных организаций и вузов, общественных структур — одними из участников стратегического планирования.

В стране в последние годы как на федеральном, так и на региональном уровнях все активнее разрабатываются и утверждаются различные стратегии.

В 2019 г. на федеральном уровне в том числе был принят ряд стратегий, направленных на развитие различных отраслевых систем социальной сферы: Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.², Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 г.³, Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.⁴, Стратегия развития экспорта услуг

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 22.02.2020).

² Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/ (дата обращения: 22.02.2020).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 1188-р «Об утверждении Стратегии развития спортивной индустрии до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326728/c06733953fa2eef17c6e1f67c572ff202f26b74d/ (дата обращения: 22.02.2020).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 22.02.2020).

до 2025 г.¹ (в части развития экспорта образовательных, медицинских, туристских услуг, услуг в сфере культуры и отдыха и др.). Вместе с тем, в России до сих пор не принята в виде отдельного документа стратегического планирования единая комплексная Стратегия развития системы образования страны на долгосрочный период (например, до 2030 г.), не принята и в отдельности Стратегия развития системы высшего образования России на тот же период. Основным стратегическим документом, посвященным развитию системы образования в стране, является утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 государственная программа «Развитие образования» (срок реализации Программы — 2018–2025 гг.).

В Методических рекомендациях по подготовке стратегий развития отраслей экономики², размещенных на интернет-сайте Министерства экономического развития Российской Федерации, отмечается, что стратегии развития отраслей экономики разрабатываются в том случае, если удовлетворяют одному из следующих критериев:

- доходы федерального бюджета от рассматриваемой отрасли занимают/будут занимать в перспективе более 1% общего объема доходов;
- вклад отрасли в ВВП в перспективе более 1%;
- отрасль обеспечивает решение задач технологического развития;
- отрасль обеспечивает выпуск продукции, направленной на поддержание безопасности и обороноспособности России;
- отрасль в процессе изменений макроэкономической ситуации приобрела межотраслевой характер, и показатели этой отрасли оказывают существенное влияние на развитие смежных отраслей экономики.

В таблице представим обоснование всему вышеперечисленному.

Таблица

Обоснование критериев для разработки Стратегии развития высшего образования страны

Table. Justification of criteria for developing a strategy for the development of higher education in the country

Критерий	Обоснование
Доходы федерального бюджета от рассматриваемой отрасли занимают/будут занимать в перспективе более 1% общего объема доходов	В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [*] отмечается о необходимости увеличения не менее чем в 2 раза количества иностранных граждан, обучающихся в вузах и научных организациях, а также реализации комплекса мер по трудоустройству лучших из них в России. В Стратегии развития экспорта услуг до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-р ^{**} , отмечается, что «согласно целевому отраслевому прогнозу поступления от экспорта очного образования в российских вузах на территории Российской Федерации превысят 3,6 млрд. долларов США в 2024/25 учебном году».
Вклад отрасли в ВВП в перспективе более 1%	

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 22.02.2020).

² [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/file/317379376666fbb964b93ce0a1105ea3/metodic_strateg.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

Критерий	Обоснование
	Согласно приоритетному проекту «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»*** к 2025 году доходы, полученные от экспорта российского образования, должны составить более 373 млрд руб. Совокупный доход (плата за обучение на контрактной основе в российских вузах, расходы на проживание, питание, транспорт, досуг и т.д.) от присутствия иностранных студентов в перспективе может быть еще выше
Отрасль обеспечивает решение задач технологического развития	Осуществляя кадровое обеспечение для высокотехнологичных и наукоемких секторов экономики, высшее образование напрямую влияет на решение задач технологического развития. На базе вузов создаются научно-технологические парки, инновационные центры, научно-исследовательские институты и центры, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий и др., следовательно, высока вовлеченность инновационной инфраструктуры вузов в решение задач технологического обновления и развития ряда отраслей экономики
Отрасль обеспечивает выпуск продукции, направленной на поддержание безопасности и обороноспособности России	Формируя качественный человеческий капитал, высшее образование потенциально выступает ключевым фактором экономического роста страны, обеспечения национальной безопасности
Отрасль в процессе изменений макроэкономической ситуации приобрела межотраслевой характер, и показатели этой отрасли оказывают существенное влияние на развитие смежных отраслей экономики	Высшее образование, удовлетворяя запросы населения в образовательных услугах и обеспечивая воспроизводство главной производительной силы общества — квалифицированных кадров, оказывает существенное влияние на развитие всех отраслей экономики

Примечания:

* Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 22.02.2020).

** Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 22.02.2020).

*** Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30 мая 2017 г. № 6) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217871/ (дата обращения: 22.02.2020).

На рис. 3 представлена система стратегии развития высшего образования страны, разработанная на основе универсальной системы стратегии, сформированной В. Л. Квинтом, и отражающая взаимосвязь разных уровней стратегии.

Процесс разработки стратегии осуществляется с поиска, выявления и анализа трендов и закономерностей. При выявлении ключевых трендов для развития сферы образования в целом, высшего образования в частности, необходимо просканировать глобальный уровень, международный уровень, а также национальный и региональный (субъектный) уровни [10].

Представленная система стратегии отражает взаимосвязь различных уровней стратегии. Неучет особенностей, трендов и закономерностей вышестоящего уровня стратегии влечет неактуальность и неэффективность каждой нижестоящей стратегии, снижается ее ценность и прикладное значение. Эффективной стратегии присуща гибкость, быстрое реагирование на новые вызовы. В каждую из стратегий на различных уровнях иерархии стратегии в последующем вносятся необходимые корректировки, с учетом глобальных и международных процессов, ситуации в стране, в регионе, изменений в отрасли и т. д. [3, с. 111].

Рис. 3. Система стратегии развития высшего образования
Fig. 3. System development strategy of higher education

Источник: составлено по материалам исследования [10].

Обсуждение

Правовые основы стратегического планирования в стране установлены Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Согласно ст. 19 данного Закона отраслевые документы стратегического планирования РФ разрабатываются федеральными органами исполнительной власти по решению Президента РФ или Правительства РФ в целях обеспечения реализации стратегий социально-экономического развития, национальной безопасности, научно-технологического развития, пространственного развития страны с учетом прогноза научно-технологического развития страны, стратегического прогноза, прогноза социально-экономического развития страны на долгосрочный период.

Стратегия развития системы высшего образования страны на долгосрочный период будет являться документом стратегического планирования, разработанным в рамках целеполагания по отраслевому принципу. Ее разработка возможна по решению главы государства или правительства страны.

Высшее образование является одним из ключевых факторов общественного и экономического прогресса современных государств. Высшее образование является приоритетом государственной политики, ему принадлежит важная роль в решении стратегических задач модернизации и социально-экономического развития России, формировании национального человеческого капитала. Вузы формируют интеллектуальный, культурный и высококвалифицированный кадровый потенциал страны. Следовательно, данная сфера заслуживает особого внимания, очевидна необходимость принятия стратегии развития высшего образования страны на долгосрочный период. Особое внимание в предлагаемой стратегии должно уделяться вопросам подготовки кадров для высокотехнологичных и наукоемких секторов экономики.

Данная Стратегия должна разрабатываться в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации, международных договоров РФ, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и др. Стратегия развития системы высшего образования страны на период до 2030 г. являлась бы основой для формирования и реализации государственной политики в сфере высшего образования, выступала бы ориентиром для разработки и принятия государственных программ (подпрограмм) РФ и субъектов РФ и иных документов стратегического планирования, содержащих мероприятия, направленные на развитие данной приоритетной сферы.

Основным инструментом реализации данной Стратегии являлись бы мероприятия государственной программы РФ «Развитие образования» и других программ.

В предлагаемой для принятия стратегии должны быть отражены состояние и перспективы развития системы высшего образования, с определением положения России в мировом образовательном пространстве, современные вызовы и угрозы, стоящие перед высшей школой, определены стратегические приоритеты, цели и задачи, механизмы и этапы реализации стратегии, предложены сценарии развития системы высшего образования, определены источники ресурсного обеспечения мероприятий по реализации стратегии, ожидаемые результаты и мониторинг ее реализации.

Выводы

Данная статья была начата с цитаты выдающегося китайского стратега и мыслителя VI в. до н. э. Сунь Цзы: «Все видят тактику, при помощи которой я вершу свои завоевания, но никто не замечает стратегию, из которой возникает великая победа».

В отношении высшего образования страны данные слова актуальны и в настоящее время. В стране разрабатываются и утверждаются различные государственные программы, национальные, федеральные и приоритетные проекты, планы мероприятий в той или иной степени связанные с развитием системы высшего образования, вместе с тем отсутствует ключевой документ стратегического планирования — Стратегия развития системы высшего образования в России на долгосрочный период (например, до 2030 г.).

Таким образом, в настоящее время весьма актуальна разработка и принятие Стратегии развития высшего образования страны до 2030 г., учитывающая исторически сложившиеся традиции и особенности отечественной высшей школы, а также стоящие перед ней современные вызовы и угрозы.

Литература

1. Абалкин Л. И. Россия. Поиск самоопределения. М. : Наука, 2005.
2. Алимуратов М. К., Власюк Л. И. Стратегирование — новая область профессиональных знаний // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 154–159.
3. Амиров Р. А. Стратегия развития высшего образования в России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 8 (99). С. 105–117.
4. Бодрунов С. Д. Национальные проекты и социальная политика // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. № 3. С. 40–49.
5. Бодрунов С. Д. Ноономика : монография. М. : Культурная революция, 2018.
6. Квинт В. Стратегия есть философия успеха [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nauka-strategiya> (дата обращения: 22.02.2020).
7. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.
8. Зельднер А. Г. Место стратегирования в понятийно-категориальной системе прогнозирования // Экономические науки. 2012. № 8. С. 7–15.
9. Квинт В. Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 15–21.
10. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес Атлас, 2012.
11. МакЭндрю К. Укрощение инноваций: как онлайн-магистратура вернула университету инициативу в преобразованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 60–80.
12. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия в Индустрии 4.0 // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 181–184.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. (Top Business Awards.)
14. Юзбеков З. К., Амиров Р. А. КВИНТэссенция стратегии. К юбилею академика В. Л. Квинта // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 104–109.
15. Bessen J. E. How computer automation affects occupations: Technology, jobs, and skills. Boston University School of Law, Law and Economics Research Paper № 15–49. Boston, MA : Boston University, 2016.
16. Cervantes M. Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. N 2. P. 27–42.
17. Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13. N 2. P. 19–41.
18. Kvint V. Strategy for the Global Market. Theory and Practical Applications. N.Y.; L. : Routledge, 2015.
19. Manyika J., Lund S., Chui M., Bughin J. et al. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. McKinsey Global Institute, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-organizations-and-work/Jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 29.01.2020).
20. Marginson S. Dynamics of national and global competition in higher education // Higher Education. 2006. Vol. 52. P. 1–39.

21. *OECD*. Tertiary Education for the Knowledge Society (Vol. 1 and 2). Paris : OECD, 2008.
22. *Peters M. A., Humes W.* Education in the Knowledge Economy // Policy Futures in Education. 2003. Vol. 1. N 1. P. 1–19.
23. *WEF*. The Future of Jobs. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 29.01.2020).
24. *Whetten J., Fontenla M., Villa K.* Opportunities for Higher Education: the Ten-Year Effects of Conditional Cash Transfers on Upper-Secondary and Tertiary Enrollments. Oxford Development Studies. 2019. Vol. 47. Is. 2. P. 222–237.
25. *Whitley R.* Universities as strategic actors: Limitations and variations // The University in the Market / eds. L. Engwall, D. Weaire. London : Portland Press, 2008. P. 23–37.

Об авторе:

Амиров Расул Аликадиевич, доцент кафедры менеджмента Дагестанского государственного университета, доцент кафедры экономики Дагестанского государственного университета народного хозяйства (г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент, Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области науки; a.rasul05@yandex.ru

References

1. *Abalkin L. I.* Russia. Self-determination search. M.: Science, 2005. 464 p. (In rus)
2. *Alimuradov M. K., Vlasjuk L. I.* Strategizing — a new field of professional knowledge // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 11. P. 154–159. (In rus)
3. *Amirov R. A.* Strategy for the Development of Higher Education in Russia // NGIEU Messenger [Vestnik NGIEU]. 2019. N 8 (99). P. 105–117. (In rus)
4. *Bodrunov S. D.* National Projects and Social Policy // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2019. V. 217. N 3. P. 40–49. (In rus)
5. *Bodrunov S. D.* Noonomic : monograph. M.: Cultural Revolution, 2018. 432 p. (In rus)
6. *Kvint V.* Strategy is a philosophy of success [Electronic resource]. URL: [https:// scientificrussia.ru/articles/nauka-strategiya](https://scientificrussia.ru/articles/nauka-strategiya). (In rus)
7. *Glazyev S. Yu.* Strategy of advanced development of Russia in conditions of global crisis. M.: Economics, 2010. 255 p. (In rus)
8. *Zeldner A. G.* Place of Strategy in Conceptual-Categorical Forecasting System // Economic Sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2012. N 8. P. 7–15. (In rus)
9. *Kvint V. L.* Finding and exploring the philosophical roots of strategy theory. Relationship of Philosophical and Strategic Thinking // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 15–21. (In rus)
10. *Kvint V. L.* Strategic management and economics in the global emerging market. M.: Business Atlas, 2012. 627 p. (In rus)
11. *McAndrew K.* Evoking Innovation: How Online Master 's Returned the University Initiative in Transformation // Education Issues [Voprosy obrazovaniya]. 2018. N 4. P. 60–80. (In rus)
12. *Novikova I. V.* Strategic Management of Labor Resources of the Enterprise in the 4.0 Industry // Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2019. N 3. P. 181–184. (In rus)
13. *Schwab K.* Fourth Industrial Revolution. M.: Exmo, 2016. (Top Business Awards). 138 p. (In rus)
14. *Yuzbekov Z. K., Amirov R. A.* KVINTessence of strategy. For the anniversary of academician V. L. Kvint // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 2. P. 104–109. (In rus)
15. *Bessen J. E.* How computer automation affects occupations: Technology, jobs, and skills. Boston University School of Law, Law and Economics Research Paper № 15–49. Boston, MA : Boston University, 2016.
16. *Cervantes M.* Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. N 2. P. 27–42.
17. *Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I.* Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13. N 2. P. 19–41.

18. *Kvint V.* Strategy for the Global Market. Theory and Practical Applications. N.Y.; L. : Routledge, 2015.
19. *Manyika J., Lund S., Chui M., Bughin J. et al.* Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. McKinsey Global Institute, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-organizations-and-work/Jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 29.01.2020).
20. *Marginson S.* Dynamics of national and global competition in higher education // Higher Education. 2006. Vol. 52. P. 1–39.
21. *OECD.* Tertiary Education for the Knowledge Society (Vol. 1 and 2). Paris : OECD, 2008.
22. *Peters M. A., Humes W.* Education in the Knowledge Economy // Policy Futures in Education. 2003. Vol. 1. N 1. P. 1–19.
23. *WEF.* The Future of Jobs. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 29.01.2020).
24. *Whetten J., Fontenla M., Villa K.* Opportunities for Higher Education: the Ten-Year Effects of Conditional Cash Transfers on Upper-Secondary and Tertiary Enrollments. Oxford Development Studies. 2019. Vol. 47. Is. 2. P. 222–237.
25. *Whitley R.* Universities as strategic actors: Limitations and variations // The University in the Market / eds. L. Engwall, D. Weaire. London : Portland Press, 2008. P. 23–37.

About the author:

Rasul A. Amirov, Associate Professor of the Chair of Management of Dagestan State University, Associate Professor at the Chair of Economics of Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor, Laureate of the State Prize of the Republic of Dagestan in the field of science; a.rasul05@yandex.ru

Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms

Julia P. Bayer

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; juliabayer@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers such a social phenomenon as social trust, the degree of knowledge of this phenomenon. The author gives a definition of social trust. Social trust is considered as one of the factors of quality of life. The transformation of social trust from an industrial society to the contemporary stage is being studied, including the stage of the global crisis amid a pandemic. The main trends in changes in social communication during a pandemic are analyzed and a forecast is given for further changes in the principles of building trust. The emphasis is on the fact that after the pandemic social trust will be easier to arise in the *virtual space* than in the physical. The author names the criteria of social trust. The basic criteria of social trust in modern media communication are considered.

Keywords: social communication, social trust, quality of life, win-win strategy, virtual image, virtual communication

For citing: Julia P. Bayer. Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 136–140.

Социальное доверие как нематериальное условие качества жизни: обнуление после пандемии

Байер Ю. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; juliabayer@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается такой социальный феномен, как социальное доверие, степень изученности этого явления. Дается определение социальному доверию. Социальное доверие рассматривается как один из факторов качества жизни. Изучается трансформация социального доверия от индустриального общества до современного этапа, включая этап глобального кризиса на фоне пандемии. Анализируются основные тенденции изменения социальной коммуникации в период пандемии и дается прогноз дальнейшего изменения принципов формирования доверия. Делается акцент на том, что социальное доверие будет легче возникать в виртуальном пространстве, нежели в физическом. Рассматриваются основные критерии социального доверия в современной медиакommunikации.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальное доверие, качество жизни, стратегия win-win, виртуальный имидж, виртуальная коммуникация

Для цитирования: Julia P. Bayer. Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 136–140.

Nowadays, more and more often we are confronted with reflections and studies on the social or institutional trust, especially when it comes to the relationship between the individual and state.

I believe that the comfort of living in a particular society is based largely on how it is saturated with people's social trust in each other or whether this trust is absent and, as a result, society and individuals live in it:

- aloof;
- absorbed by bio-survival instincts of fear of deception, loss of money / property / reputation, etc.;
- cautiously and suspiciously establish important interpersonal relationships and contacts.

All this, of course, affects the quality of both life itself and the communication in it. And, exploring traditions, studying the changes in the fabric of social communication in modern society, one way or another, we will start with the works of O. Comte and his characteristics of an industrial society, F. Tönnies and his "Gemeinschaft und Gesellschaft", E. Durkheim and his typology causality of suicides, especially the anomic type and suicide caused by excessive individualization of the individual, alienation from society.

The formal norms and rules of the modern information society began to supplant spontaneity from public life, the ease of communication, based on mutual trust. Until social networks appeared, for example, the rapid billion-dollar turnover increase in the number of sales of services in Instagram and other social accounts led us to understanding that communication, which puts trust at the forefront, began to gain momentum, forming international communities of interest (individuals easily find like-minded people via hashtags, geolocation ect.), make orders for consulting and coaching, not to mention the sales of goods sold on Instagram platform. In most cases, trust arises based on an analysis of the content of the account, the number of subscribers and publications, comments and responses to them.

We trust the person whose image is created in the virtual space more than an accidental companion in physical space. Politicians and public persons began to urgently hire smm-boxers to run their social networks (as a tool to build voters' trust).

In itself, the topic of social, as well as institutional trust, was raised indirectly in sociology, and as a separate topic, from my point of view, is at the initial stage of study.

The study of social trust, in addition to the works of O. Comte, E. Durkheim, F. Tönnies, M. Weber (its value-rational action) is also based on the ideas of B. Barber, N. Luman, P. Shtompki [5], A. Seligman [3], F. Fukuyama [4], S. Eisenstadt and L. Roniger, as well as on the fresh works of R. Hardin, E. Uslaner, R. Cramer and C. Cook, C. Tilly, M. Dogan, D. Gambetta and H. Hamill.

Social trust as the basis of interpersonal or impersonal business media communication can be defined as *a social phenomenon that manifests itself in the interaction of subjects focused on satisfying personal and/or institutional needs (that is, the needs of the social institution to which the individual belongs and which he represents), and also taking into account in this interaction not only his own interest, but also the interest of the addressee of the communication*. Such communication is based on the win-win strategy, which a priori is used by both sides. If one of the parties uses the win-lose strategy, then this will destroy the fabric of trust and may lead to the complete cessation of social contact.

For a long time, the win-lose strategy has been successfully used in an industrial depersonalized society, but now, thanks to contemporary social media, it is difficult for an individual / social institution to "just disappear". In this regard, the win-win communication strategy becomes more profitable (not to mention social well-being) when both sides of communication are satisfied. And just such a strategy is the framework for building long-term social trust in society, stability and the ability of its individuals to move from the "bio-survival" mode of existence to a higher level [1].

I believe, in the consciousness of individuals in a society in which communication is imbued with a high level of trust, space is created for creativity and development, which, ultimately, contributes to a higher level of happiness. By happiness we will

here mean the internal state of calmness and satisfaction, the level of goodwill (as an external indicator of internal well-being) and the subjective estimation feeling of happiness by the individual himself.

Accordingly, we can say that social trust has a direct impact on the quality of the socio-psychological parameter of life. Social trust is also a factor in the stability of society as a whole, covering such a basic need of its members as a sense of security.

Anthony Giddens distinguishes trust in people and trust in “abstract systems”. Between people, “trust is built on mutual responsibility and complicity: confidence in the honesty of another is the main source of a sense of honesty and authenticity of oneself. Trust in abstract systems ensures the reliability of everyday life, but by its very nature it cannot replace the reciprocity and intimacy that give personal relationships of trust” [5].

Awareness of the problem of establishing generalized forms of social trust is the same age as modernity itself. The obligation to “fulfill promises” and respect for the will of others is the central point of political theory. The fulfillment of promises, was and is the main thread of which “mutual respect is woven between members of the moral community” [5].

In the contemporary media sphere, we also come across the opinion that in the postmodern subculture the phenomenon of interpersonal trust is absent, but there are only monologues, texts turned into a void.

We agree with P. Shtomka who identifies three main components of a moral society:

1. Trust — P. Shtomka characterizes it as an expectation of good faith behavior of other people in relation to us.
2. Loyalty is an internal imperative not to violate the trust that others endow us with. We can rephrase this — to maintain the existing level of credit of trust and to develop it.
3. Solidarity is a concern for the interests of others and a willingness to take action in their favor, sometimes even to the detriment of one's own interests. What we previously designated as the win-win strategy, although here P. Shtomka went further — we can sacrifice our interests, helping another, facing the win-lose strategy [5].

Thus, we can say that, in terms of the quality of life, we are comfortable living in such a society, whose citizens observe all three points.

A society that is accustomed to living according to its own laws of trust, comfortable for all its members, sometimes may be forced, under the pressure of its new members, to change these laws to less comfortable, more bio-survival than creative ones.

The power of society is often defined by different sociologists as the power of social and interpersonal relationships. Already E. Durkheim emphasized the moral dimension of society: “People cannot live together without consent, and therefore, without making mutual concessions, without strong and lasting ties between themselves” [6]. It was the strength of these social ties that determined, according to Durkheim, the causality of individual suicide in society. *Thus, today, when the fabric of social relations is changing, when relationships and communication in virtual reality are added to real relationships, we must pay particular attention to what determines the quality of these relations, and with it the quality of everyday life — trust.*

We agree with P. Stomka and R. Inglehart that trust has a special connection with post-materialistic values. Important is the fact established by Inglehart that trust directly affects the quality of life and the subjective feeling of good luck [5]. It is this close relationship revealed by scientists that makes us pay special attention to trust not only as the “oil of modern communication”, but also as an intangible component of the quality of life.

Indeed, when residents of a country, city, or village can leave their belongings on the beach, pay in a cafe, in the market, being sure that the culture of the people of hosting them country does not allow them to cheat, the focus of attention shifts,

namely, we stop living in fear, “bio-survival mode”, releasing energy to more elevated emotions of sympathy, friendship, creativity, love, etc., constant tension leaves, a calm atmosphere of friendly communication is created.

In our article, we consider trust as an integral intangible component of the quality of life of any social group in any time period. Meaning the presence of trust — the absence of fear in communication and the willingness to interact kindly, the belief that the communicator will act on the basis of common, not selfish interests.

The time of the coronavirus pandemic during which this article is being written can be called the “*nullification of social trust*”. We are talking about a change in the “vertical” relations of trust between a citizen and the state, and a change in the horizontal fabric of trust between citizens in the physical space. The topic of undermining trust between the citizen and the social institution of the state during the crisis has become more acute. From the point of view of changing the vertical system of trust, namely, the institutional one, between a citizen and the state, we see, in many countries, that in a crisis, the state often acts as a “strict father”, while citizens also expect financial and the emotional component of trust, confidence in the future, which during the crisis they did not receive properly from the leaders of states. It seemed that the pandemic took everyone by surprise. The fabric of social trust has become thin.

Considering the pandemic, we can say about lowering the level of trust in the physical space, regardless of the geolocation of citizens. The social distance that we have been accustomed to not observe for many decades, has now been re-created: a distance of 1.5–2 meters, no handshakes (what can we say about hugs and kisses accepted in many countries at a greeting). Fear of getting sick destroyed the trust of physical contacts so long established through socialization.

Nevertheless, it was possible to maintain trust as the fabric of social relations in the virtual sphere, where it increased compensatory, developing during the period of physical distance: the absence of fear of physical contact in this case allowed the development of trust and openness.

Thus, we can conclude that trust and fear are two mutually exclusive socio-psychological phenomena. Where there is fear, there is no trust and vice versa. Nevertheless, only the absence of fear is not a condition for the emergence of trust, but only a necessary prerequisite.

On the way out of the pandemic crisis at all levels of socialization, we will need to think about creating new criteria for trust, mechanisms of socialization and the gradual destruction of fear and mistrust, as well as building a new fabric of social relations.

Let me name the main changes in the principles of media communication and social trust during the global crisis:

1. During a pandemic, social physical distance is offset by increased intense interaction in the virtual space. This trend will continue after the pandemic is over.
2. The system of social (virtual) capital has become the main factor of trust and (in some ways — an analogue of the Chinese Social Credit System) is formed according to a number of parameters that have long been secretly accepted in the world:
 - social weight, the ability to influence in society (the number of friends as a factor of trust — common friends, followers in social accounts, i.e. real and potential audience);
 - the relevance and significance of topics that the author considers on his/her accounts (politics, healthy lifestyle, creativity, social activities, sale of goods or services);
 - the demand for account information in virtual space (the number of likes, comments, advertising orders, the number of commercial transactions completed, in the case of a business account).

3. Due to the declared and available for validation in the virtual world social capital, *social interpersonal trust in the virtual world* (especially after the intensified pandemic of fear of personal contact) *will arise faster than in physical*, and thus, business, interpersonal communication, creating business partnerships of different goals and types, dating, etc. etc. will move to a large extent on virtual platforms. This will be determined not only by the need to justify trust (which is almost completely closed in a virtual environment), but also by the need to remain at a distance with a stranger, prolonged after a pandemic, i.e. — if the contact can be transferred to the virtual sphere — it will be transferred.

Thus, in order to maintain the quality of life and the fabric of social trust in the communication process, the population of all countries, without exception, will continue to move into the virtual sphere, where the system of social capital (credit of trust) will be one of the decisive “trust” parameters.

References

1. Barber B. *The Logic and Limits of Trust*. Rutgers University Press, New Jersey, 1983.
2. Luman N. *Social systems. Essay on the general theory*. SPb. : Nauka, 2007. (In rus)
3. Seligmen A. *The Problem of Trust*. M. : Ideya-Press, 2002. (In rus)
4. Fukuyama F. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. M. : AST, 2004. (In rus)
5. Shtompka P. *Sociology of Social Change*. M. : Aspekt Press, 1996. (In rus)
6. Dyurkgejm E. *Suicide*. M. : AST, 2019. (In rus)

About the author:

Julia P. Bayer, North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Associate Professor of Chair of Social Technologies, PhD in Sociology; juliabayer@yandex.ru

Литература

1. Barber B. *The Logic and Limits of Trust*, Rutgers University Press, New Jersey, 1983.
2. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб. : Наука, 2007.
3. Селигмен А. *Проблема доверия*. М. : Идея-Пресс, 2002.
4. Фукуяма Ф. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М. : Аспект Пресс, 1996.
6. Дюркгейм Э. *Самоубийство*. М. : АСТ, 2019.

Об авторе:

Байер Юлия Паулевна, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент кафедры социальных технологий, кандидат социологических наук; juliabayer@yandex.ru

Подходы к оценке спроса на профессиональное образование*

Григорьев В. Ю.^{*}, Бедарева Л. Ю., Полушкина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются перспективы развития региональных систем профессионального образования сквозь призму оценки спроса на профессиональное образование и охвата данным уровнем образования в контексте демографии и конкуренции со стороны школ.

Ключевые слова: профессиональное образование, спрос, оценка спроса, охват уровнем образования, частные образовательные организации, региональные системы образования

Для цитирования: Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю., Полушкина Е. А. Подходы к оценке спроса на профессиональное образование // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 141–151.

Approaches to Assessing the Demand for Vocational Education

Valery Yu. Grigorev*, Larisa Yu. Bedareva, Elena A. Polushkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses the prospects for the development of regional systems of secondary vocational education (on the basis of basic general education) through the prism of assessing the demand for secondary vocational education and covering this level of education in the context of demography and competition from schools

Keywords: secondary vocational education, demand for education, educational coverage, private educational organizations, regional education system

For citing: Grigorev V. Yu., Bedareva L. Yu., Polushkina E. A. Approaches to Assessing the Demand for Vocational Education // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 141–151.

С одной стороны, задача развития профессионального образования поставлена в Указе Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, следствием которого явился федеральный проект «Молодые профессионалы», входящий составной частью в Национальный проект «Образование» [4]. С другой стороны, авторы разделяют точку зрения ректора РАНХиГС В. А. Мау, что «...образование хорошо не там, где государство уделяет этому большое внимание в современ-

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС № 11.3. «Образовательные траектории и трудоустройство молодежи».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157> (дата обращения: 20.02.2020).

ном мире, а там, где есть *спрос* на качественное образование...»¹. И в этом смысле статья продолжает цикл публикаций, посвященных анализу региональных систем профессионального образования (далее ПО) [1] и базирующихся на последовательной модели комплексного анализа регионального образования [2], и отвечает на вопрос — есть ли перспективы у регионального ПО со стороны спроса на его услуги. Предложенный авторами анализ может быть интересен, в том числе, потенциальным инвесторам, поскольку достаточно подробно раскрывает роль и место частных образовательных организаций в системе ПО.

Формат статьи и большой объем исследованного материала не позволяет рассмотреть всю систему ПО, поэтому акцент был сделан на анализ ПО, получаемого на базе основного общего образования (после 9-го класса школы)². В данном случае ПО конкурирует с общеобразовательными организациями среднего общего образования.

Все расчеты выполнены на статистических данных за 2018 отчетный год на основе следующих основных источников:

- формы СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования»³;
- формы ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования»⁴.

При этом, как при подаче заявлений, так и при приеме в организации профессионального образования (далее ОПО), акцент сделан на так называемых «новых» выпускниках. То есть учитываются только выпускники 9-х классов общеобразовательных организаций (школ), получившие основное общее образование и сразу же поступившие (или поступавшие) в ОПО в исследуемом году.

Общая характеристика региональных систем профессионального образования позволяет сделать следующие выводы. Доля поступивших на очную форму обучения в ОПО в общей численности поступивших варьируется от 88,6% в Чеченской Республике до 100% (в 15 регионах Российской Федерации). При этом в 59 субъектах Федерации (что составляет 69% из всех регионов России) доля очников превышает 99%, и лишь в четырех регионах⁵ данный показатель опускается ниже отметки 97%.

¹ Май В. А. Лекция «Технологические тренды и их влияние на управление» на образовательном интенсиве «Остров 10-22», 21 июля 2019 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=1jPQYESQQZg&list=PLg-84tainHs_S9aiDy1GbsPKUtrMFti6m&index=3 (дата обращения: 20.02.2020).

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745&intelsearch=273-%D4%C7+> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Приказ Росстата от 15 августа 2017 г. № 535 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью образовательных организаций» // Официальный сайт «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222954/ (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Приказ Росстата от 08.09.2017 № 578 «О внесении изменений в форму федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования», утвержденную приказом Росстата от 17 августа 2016 г. № 429» // Официальный сайт «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203972/ (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Помимо уже упомянутой Чеченской Республики сюда попадают Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика и Удмуртская Республика.

Таким образом, можно сразу констатировать, что система ПО на базе основного общего образования — это исключительно система очного обучения. Заочная и очно-заочные формы обучения играют здесь роль статистической погрешности.

Доля поступивших в частные образовательные ОПО в общей численности поступивших в 2018 г. представлена в табл. 1. Следует обратить внимание на то, что речь идет не о доле платного обучения (об этом будет сказано ниже), а именно о доле участия частных образовательных организаций в региональной системе профессионального образования.

Распределение регионов России по доле поступивших в частные ОПО позволяет увидеть, что в десяти субъектах Российской Федерации (это 12% от общего числа регионов) частные ОПО отсутствуют полностью и еще в 38 субъектах Федерации (45%) — составляет менее 5%. То есть, с одной стороны, следует признать, что в большей части регионов России (57%) «частное ПО» не играет существенной роли. В том числе это относится к Санкт-Петербургу (2,3%) и в еще большей степени — к Ленинградской области (0,8%). Однако есть регионы, в которых частные ОПО занимают вполне осязаемую часть рынка профессионального образования — так в 16% субъектов Российской Федерации доля частных ОПО превышает 10%, а в 3% регионах России — и вовсе более 20%.

Распределение регионов по доле поступивших на бюджетные места ОПО в общей численности поступивших, вне зависимости от формы собственности профессиональной образовательной организации (табл. 2), показывает, что только в 42%

Таблица 1

Доля поступивших в частные образовательные ОПО в общей численности поступивших на базе основного общего образования, %

Table 1. Percentage of admissions to private educational institutions of vocational education in the total number of admissions on the basis of basic general education, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Карачаево-Черкесская Республика	23,94
2	Республика Дагестан	23,04
3	Республика Ингушетия	22,78
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	18,10
5	Ставропольский край	17,12
6	Краснодарский край	15,10
7	Республика Татарстан	13,85
8	Республика Тыва	13,80
9	Новосибирская область	13,67
10	Удмуртская Республика	12,01
11	г. Москва	11,55
...	...	...
58	г. Санкт-Петербург	2,28
73	Новгородская область	0,27
75	Республика Бурятия	0,04
76–85		0,00

Доля поступивших на бюджетные места ОПО в общей численности поступивших на базе основного общего образования, %

Table 2. Percentage of professional education organizations admitted to the budget places in the total number of students enrolled on the basis of basic general education, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Чукотский автономный округ	100,0
2	Архангельская область без авт. округа	94,37
3	Еврейская автономная область	92,12
4	Вологодская область	92,07
5	Костромская область	90,24
...	...	...
28	г. Санкт-Петербург	81,55
84	Республика Дагестан	54,17
85	г. Москва	52,1

регионов Российской Федерации учащиеся на бюджетной основе составляют более 80% поступивших.

Более того, в каждом пятом регионе доля бюджетников составляет менее 70% поступивших. Учитывая, что список «платных» регионов возглавляет Москва (значение показателя составляет 52,1%, что соответствует 12 633 человек, поступивших на платную форму обучения), можно констатировать, что платное ПО чувствует себя на рынке профессионального образования вполне комфортно¹. Однако это в меньшей степени относится к Санкт-Петербургу (и совсем в малой степени к Ленинградской области). В отличие от Москвы, Северной столице не удается привлечь учащихся на платной основе (81,6% бюджетников в мегаполисе и 87,9% — в окружающей его области).

В развитие этой темы в табл. 3 показана доля принятых на платную форму обучения в государственные ОПО в общей численности принятых в эти организации. Одним из лидеров по данному показателю снова является Москва (41,3%).

Из приведенного анализа хорошо видно, что государственные ОПО в регионах достаточно активно осуществляют набор учащихся на платной основе. По сути, ею пренебрегают только Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ и Архангельская область (причем только в части, не имеющей отношения к Ненецкому автономному округу, поскольку во входящем в Архангельскую область округе уже совершенно другая ситуация). А более чем в трети регионов, как минимум каждый пятый принятый на обучение в 2018 г. в государственные ОПО, поступил на платную форму обучения.

Разумность прилагаемых усилий для получения дополнительных доходов бюджетными организациями от платных учащихся вполне очевидна, но оказывается справедливо и обратное — в ряде субъектов Российской Федерации частные ОПО вполне успешно получают субсидии на бюджетников (табл. 4).

¹ Надо отметить, что при высокой доле частных организаций в системе высшего образования (30,9%) в системе частных вузов обучается всего 10,0% от общего контингента студентов высшего образования. При этом частные СПО (8,8%) обучают 5,1% учащихся профессионального образования.

Таблица 3

Доля принятых на платную форму обучения в государственные ОПО в общей численности принятых в эти организации на базе основного общего образования, %
 Table 3. Percentage of persons accepted for paid education in State vocational education organizations in the total number admitted to these organizations on the basis of basic general education, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Республика Адыгея	44,82
2	г. Москва	41,26
3	Астраханская область	33,51
4	Ставропольский край	31,41
5	Республика Дагестан	30,47
...	...	...
55	г. Санкт-Петербург	16,55
...	...	...
84	Кабардино-Балкарская Республика	3,22
85	Чукотский автономный округ	0,00

Таблица 4

Доля принятых на бюджетную форму обучения в частные ОПО в общей численности принятых в эти организации на базе основного общего образования, %
 Table 4. Percentage of persons accepted for budget places in Private vocational education organizations in the total number admitted to these organizations on the basis of basic general education, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Вологодская область	46,08
2	Кемеровская область	34,22
3	Ярославская область	31,52
4	Чувашская Республика	29,20
5	Костромская область	28,74
...	...	...
23	г. Москва	1,20
24	Ставропольский край	0,90
25	Новосибирская область	0,51
26–85	Алтайский край и др.	0,0

В подавляющем большинстве субъектов (82%) данный показатель не превышает 5%, однако более чем в каждом десятом регионе более четверти принимаемых в частные образовательные организации ПО составляют бюджетные учащиеся.

Анализ спроса населения на услуги ОПО на базе основного общего образования имеет смысл начать с распределения регионов Российской Федерации по соотношению общего числа поданных заявлений к численности населения соответствующего возраста (число поданных заявлений на сто человек, табл. 5).

**Условный спрос на ПО на базе основного общего образования
(подано заявлений на 100 человек соответствующего возраста)**

Table 5. Conditional demand for vocational education based on basic general education
(applications for 100 persons of appropriate age)

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Число заявлений
1	Республика Хакасия	165,44
2	Тюменская область без авт. округов	160,33
3	Вологодская область	148,06
4	Калининградская область	144,77
5	Астраханская область	138,99
...	...	...
14	г. Санкт-Петербург	107,78
17	г. Москва	101,49
47	Новгородская область	74,89
82	Кабардино-Балкарская Республика	25,97
83	Чеченская Республика	25,64
84	Республика Ингушетия	18,24
85	Чукотский автономный округ	3,83

Сравнение значений данного показателя со значениями усредненного «конкурса» (отношение общего числа поданных заявлений к общему числу принятых в ОПО региона) показывает, что между этими показателями имеет место достаточно высокая корреляция. Так, состав первых двадцати регионов у обоих показателей совпадает на 80%. Исключение составляют Белгородская область, Удмуртская Республика, Республика Татарстан и Ярославская область. Эти регионы из первой двадцатки по спросу, находятся на 22-м, 24-м, 25-м и 32-м местах соответственно в ранжировании по общему конкурсу. То есть, в тех регионах, где в целом наблюдается более высокий спрос на ПО на базе 9-ти классов школы, имеет место и более высокий конкурс, что неудивительно.

Но, оказывается, справедливо и обратное: в тех регионах, где наблюдается более высокий конкурс, имеет место и более высокий общий спрос на ПО на базе 9-ти классов. Можно предположить, что в этих регионах есть достаточное число ОПО, и совокупность этих организаций вполне диверсифицирована по направлениям подготовки. Абсолютно не вписывается в это утверждение только Республика Саха (Якутия), которая, занимая 13-е место по условному конкурсу (2,4 поданного заявления на одного принятого), является лишь 73-й в списке регионов по общему спросу.

При этом в распределение регионов Российской Федерации наибольший вклад (42%) дают регионы с усредненным конкурсом в диапазоне от полутора до двух заявлений на одного принятого. А совокупное представительство регионов с условным конкурсом менее двух заявлений на одного принятого составляет 69%.

Далее рассмотрим ситуацию с соотношением платное/бюджетное обучение (рис.).

Результаты анализа показывают, что в 9% субъектов Российской Федерации конкурс на обучение на платной основе выше, чем на бюджет. Кроме того, можно считать, что в каждом третьем регионе России конкурс на платную форму обучения практи-

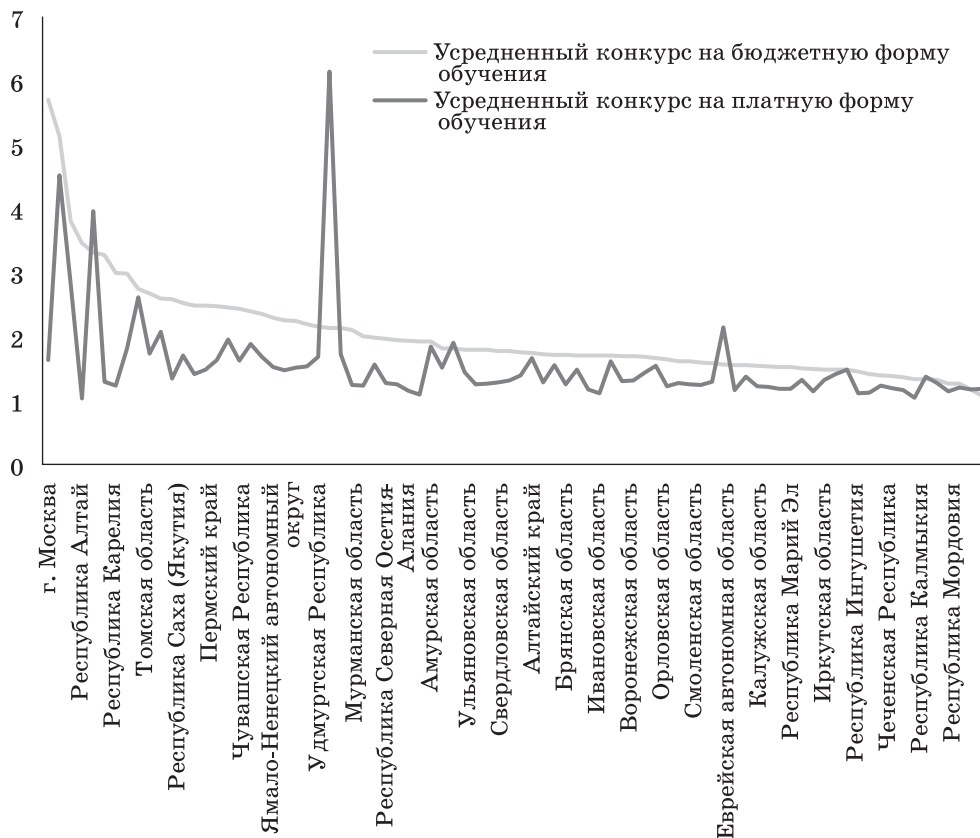

Рис. Сравнение конкурсов на различные формы обучения в ОПО на базе основного общего образования (число поданных заявлений на одного принятого), ед.

Fig. Comparison of competitions for various forms of training in the organization of vocational education on the basis of basic general education (the number of applications submitted per accepted), units

чески совпадает с конкурсом на бюджет. То есть достаточная численность выпускников 9-го класса школы готова идти получать профессию на коммерческой основе.

Рассматривая предельный потенциал роста ПО регионов, можно сказать, что фактически — это величина, обратная охвату данным уровнем образования. Он посчитан в двух вариантах — в первом случае (синяя линия) в расчет принимается демография, во втором случае — (красная линия) за основу берется численность выпускников 9-го класса школы. Лишь в восемнадцати регионах России (каждый пятый регион) охват системой ПО составляет 50% и более от численности соответствующей возрастной группы. В двенадцати субъектах федерации (14%) показатель охвата находится ниже отметки 30%.

Однако еще больший интерес с точки зрения перспектив ПО региона представляет значение показателя «Охват системой ПО региона выпускников 9-го класса, не продолживших обучение в 10-м классе школы (табл. 6).

И здесь можно выделить три типа регионов. Первый тип — «гармоничные» регионы (составляют примерно четверть из всех субъектов России — 26%), в которых в систему ПО приходят практически все не продолжившие обучение в 10-м классе школы.

**Охват системой ПО региона выпускников 9-го класса,
не продолживших обучение в школе, %**

Table 6. Coverage of the vocational education system of the region of graduates of the 9th grade who did not continue their studies at school, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Значение показателя
1	Санкт-Петербург	183,0
2	Тюменская область без авт. округов	137,0
3	Севастополь	124,5
...	...	...
82	Ленинградская область	48,5
...	...	...
83	Чеченская Республика	34,5
84	Республика Ингушетия	22,0
85	Чукотский автономный округ	11,0

Второй тип регионов (29%) — помимо «своих» школьников добирают в систему регионального ПО выпускников 9-го класса школ из других регионов — регионы «реципиенты». Безусловным лидером по данному показателю является Санкт-Петербург, где число принятых в ОПО почти в два раза превышает число школьников, окончивших 9-й класс и далее не продолживших обучение в школе.

И наконец, третий тип, самый многочисленный (45%) — регионы «доноры», недобирающие своих выпускников 9-го класса школ.

Последние два показателя оценки спроса на ПО — «отношение численности поступивших в ОПО в целом к численности поступивших в 10-й класс» (табл. 7), и «отношение численности поступивших в ОПО на платную форму обучения к численности поступивших в 10-й класс» (табл. 8).

В абсолютных цифрах уже можно констатировать, что доминирующее положение «школы» сохраняется менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Более того, в каждом пятом регионе выпускники 9-го класса школы отдадут предпочтение именно среднему профессиональному образованию, что хорошо коррелирует с результатами, полученными в рамках исследования, проведенного специалистами Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС в 2018–2019 гг. [3]. Но, пожалуй, еще более любопытно, что в каждом десятом регионе России как минимум каждый четвертый выпускник 9-го класса школы предпочитает поступить на платную форму в ОПО, чем продолжать обучение в школе, а в Астраханской области и Ставропольском крае — даже каждый третий.

Завершая анализ, можно подчеркнуть, что:

1) в Российской Федерации растет спрос на получение профессионального образования. Одновременный рост охвата и численности населения может привести к достижению в 2024 г. численности студентов ПО значения 3209,9 тыс. человек, что по сравнению с 2017 г. даст рост на 1054,8 тыс. человек или на 48,9% (на основе расчета прогноза развития ПО, проведенного доктором экономических наук С. А. Беляковым в 2018 г.)¹.

¹ Беляков С. А., Полушкина Е. А., Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю. «Перспективы спроса на услуги образования в регионах России: от дошкольного образования до среднего про-

Таблица 7

**Отношение численности поступивших в ОПО в целом к численности
поступивших в 10-й класс, %**

Table 7. Ratio of the number of admissions to vocational education organizations as a whole to the number of admissions to the 10th grade, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Тамбовская область	133,11
2	Оренбургская область	113,53
3	Астраханская область	113,52
4	Республика Башкортостан	108,99
5	Удмуртская Республика	108,95
...	...	...
34	Новгородская область	88,82
61	г. Санкт-Петербург	63,77
81	г. Москва	41,97
84	Республика Тыва	26,82
85	Чукотский автономный округ	5,85

Таблица 8

**Отношение численности поступивших в ОПО на платную форму обучения
к численности продолживших обучение в 10-м классе, %**

Table 8. Ratio of the number of students enrolled in the organization of vocational education on a paid form of training to the number of students who continued their studies in the 10th grade, %

Номер в таблице значений	Наименование субъекта Российской Федерации	Доля учащихся
1	Астраханская область	42,71
2	Ставропольский край	42,16
3	Краснодарский край	38,85
4	Республика Адыгея	37,25
5	Республика Татарстан	36,36
...	...	...
31	г. Москва	20,11
59	г. Санкт-Петербург	11,77
84	Архангельская область без авт. округа	3,95
85	Чукотский автономный округ	0

Кроме того, надо учитывать, что для развития системы высшего образования может понадобиться введение регулирования доступа к программам высшего

профессионального образования»: Доклад на экспертном семинаре 22 мая 2018 г. из серии «Управление образовательными системами» // Официальный сайт РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/sobytiya-ceno/1264-v-ipei-obsudili-osnovnye-tendentsii-razvitiya-i-reformirovaniya-rossijskoj-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 20.02.2020).

образования на основе введения отсечения по баллам ЕГЭ. Таким образом, при введении бала отсечения 40 и ниже к 2025 г. из прогнозируемой численности учащихся 11-х классов школ 1 648 247 человек, оценку ниже балла отсечения получают около 28,1% выпускников, что может увеличить нагрузку на систему профессионального образования. И эта нагрузка будет расти с ростом величины балла отсечения ЕГЭ для поступления в высшее учебное заведение;

2) частное образование может стать локомотивом развития профессионального образования при соответствующей поддержке финансами со стороны бизнеса и непредвзятому надзору за частными образовательными организациями со стороны государства;

3) растущий спрос на профессиональное образование может стать объектом государственно-частного партнерства для решения кадровых проблем бизнеса и государственных задач развития экономики.

Литература

1. Григорьев В. Ю. Анализ региональной системы среднего профессионального образования через оценку ее устойчивости и сбалансированности // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 90–108. (Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС № 11.3. «Образовательные траектории и трудоустройство молодежи».)
2. Григорьев В. Ю. Оценка и анализ образования: что оцениваем? // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 145–154.
3. Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Переход выпускников 9-х классов школ в систему профессионального образования: проблемы и перспективы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 3 (60). С. 56–72.
4. Национальный проект «Образование» // Вестник образования. Электронный периодический журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.edu.ru/national-project> (дата обращения: 20.02.2020).

Об авторах:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент, лауреат Премии Президента России в области образования; grigorev-vy@ranepa.ru

Бедарева Лариса Юрьевна, научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); bedareva-ly@ranepa.ru

Полушкина Елена Анатольевна, заместитель директора Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); polushkina-ea@ranepa.ru

References

1. Grigoriev V. Yu. Analysis of the regional system of secondary vocational education through assessment of its stability and balance // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. № 2. P. 90–108. (The article was prepared within the framework of the R&D of the state task of the RANEPa N 11.3. "Educational trajectories and youth employment"). (In rus)
2. Grigoriev V. Yu. Assessment and analysis of education: what do we evaluate? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. № 11. P. 145–154. (In rus)
3. Lomteva E. V., Bedareva L. Yu. Transition of graduates of the 9th grades of schools to the system of vocational education: problems and prospects // Domestic and foreign pedagogy [Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika]. 2019. V. 1, N 3 (60). P. 56–72. (In rus)
4. National Education Project // Bulletin of Education [Vestnik obrazovaniya]. Electronic periodic journal [Electronic Resource]. URL: <http://vestnik.edu.ru/national-project> (In rus)

About the authors:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Laureate of the President of the Russian Federation Award in the Field of Education; grigorev-vy@ranepa.ru

Larisa Yu. Bedareva, Researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation); bedareva-ly@ranepa.ru

Elena A. Polushkina, Deputy Director of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation); polushkina-ea@ranepa.ru

Проблема общественного самоуправления в монархическом государстве в соответствии с политической концепцией Л. А. Тихомирова

Алекберов Р. И.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; kino92@mail.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена исследованию проблематики местного самоуправления в России конца XIX — начала XX вв. В статье анализируются взгляды российского монархиста Л. А. Тихомирова через призму основных консервативных течений в России того времени.

Ключевые слова: местное самоуправление, власть, монархизм, консерватизм, государственность

Для цитирования: Алекберов Р. И. Проблема общественного самоуправления в монархическом государстве в соответствии с политической концепцией Л. А. Тихомирова // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 152–157.

The Problem of Public Self-Government in a Monarchical State According to the Political Concept of L. A. Tikhomirov

Roman I. Alekberov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg; kino92@mail.ru.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the problems of local self-government in Russia in the late XIX — early XX centuries. The article analyzes the views of the Russian monarchist L. A. Tikhomirov through the prism of the main conservative movements in Russia at that time.

Keywords: local self-government, power, monarchism, conservatism, statehood

For citing: Alekberov R. I. The Problem of Public Self-Government in a Monarchical State According to the Political Concept of L. A. Tikhomirov // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 152–157.

Введение

В России конца XIX — начала XX в. в дискуссиях консерваторов активно обсуждался вопрос о совместимости самоуправления с самодержавием. Однако к единому мнению по данному вопросу они так и не пришли. Целью данной статьи является рассмотрение взглядов русского общественного деятеля, монархиста Льва Александровича Тихомирова на проблему местного самоуправления в предлагаемой им концепции монархии, изложенной в его работе «Монархическая государственность», а также определение места точки зрения Тихомирова на самоуправление среди разнообразных консервативных течений того времени.

Тема организации местного самоуправления актуальна на протяжении долгого времени. В настоящее время местное самоуправление является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, представляет осуществление права народа на осуществление власти, однако до настоящего дня проблема эффек-

тивной организации институтов местного самоуправления, разграничения их полномочий так и не достигла своего решения в полной мере. В данной работе мы обратимся к истокам проблематики местного самоуправления в России.

Теоретические основы

Пореформенных консерваторов конца XIX в. можно условно разделить на «государственников» (среди которых можно выделить консерватора и издателя «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, а также государственного деятеля К. П. Победоносцева), «народников» (славянофилов) и «элитистов» (сторонников господства дворянства). В риторике двух последних направлений основное место занимали антибюрократический и антилиберальный компоненты. Отсюда их симпатия к институтам самоуправления как к средству противостояния бюрократии, которая была признана разрушительной как для населения, так и для престола. Вот что писал военный историк, идеолог элитистов Р. А. Фадеев: «Решительность земского самоуправления возможна только при несомненной ясности прав, при полной независимости круга действий от коронной администрации, за которой оставалось бы значение высшей инстанции и наблюдение над законностью его действий. Какую ступень администрации и в какой мере облечь правом наблюдения и приговора — это дело правительства; учреждение административных судов подведомственных правительствующему сенату, представляется лучшим к тому средством; но самая задача двух видов власти, государственной и земской, отлична в основании, а потому они должны быть строго разграничены на всем пространстве государства» [11, с. 151]. А вот слова публициста-славянофила С. Н. Сыромятникова: «Чем более развито местное самоуправление, тем ближе самодержавная власть к народу, ибо при развитом местном самоуправлении самодержавная власть проводится в народ не посредствующими третьими лицами, воеводами, думцами, дьяками и подьячими, а теми же представителями народа, его излюбленными головами» [8, с. 49]. Мы видим, что «элитисты» и «народники» были согласны в совмещаемости самодержавия с местным самоуправлением, однако «элитисты» выступали за преобладание дворянства на местах. Исторически основной спор велся между «народниками» (газета «День») и «государственниками» («Московская газета»), с одной стороны, и «элитистами» (газета «Весть»), с другой. Предметом конфликта тогда были проблемы центрального представительства, а также имперской политики. В конце XIX в. расстановка конфронтирующих консервативных групп изменилась, и причиной этому стало именно расхождение в вопросе о допустимых пределах участия общества в управлении самодержавным государством. Позиции «элитистов» и «народников» стали схожи, а в оппозиции к ним оказались сторонники абсолютистско-бюрократического управления.

Кроме антибюрократических идей у сторонников местного самоуправления встречается также антиконституционная аргументация. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин заключают, что Р. А. Фадеев, идеолог дворянства, «видел способ укрепления самодержавия в развитии организованного земства, тесно связанного с правительством. Земство он считал силой, способной не только осуществить все местное управление, но и воплотить идею «единения царя с народом». Фадеев рассуждал при этом о «живом народном самодержавии» и «земском Царе». Он всячески старался доказать, что его программа чужда западного конституционализма. Выход он видел в восстановлении допетровских государственных форм, в частности земских соборов» [1, с. 303]. В свою очередь С. Н. Сыромятников в своей работе «Опыты русской мысли» сожалеет, что Россия начала переходить к парламентскому государству. «Естественный путь России есть переход к государству земскому, к организации жителей деревень и городов в самоуправляющиеся всесословные еди-

ницы, с выборными советами при губернаторах, с выборными советами при министрах. Вместо того чтобы ломать старую чиновничью машину, которая все-таки вертится, хотя и кряхтит, следует сблизить ее с обществом, примирить ее потребности с потребностями страны» [8, с. 7172].

Таким образом, и «элитисты», и «народники» считали, что русское самодержавие должно увеличить роль местного самоуправления. По мнению С. Н. Сыромятникова, «созидать русское народное государство нельзя путем умаления самодержавной власти, единственно честной, народной, сильной власти в стране. Надо организовать приход или всесословную волость, т.е. такую самоуправляющуюся единицу, в которой сословия были бы объединены и работали бы вместе, и одно сословие влияло бы на другое. У нас напротив все сделано, чтобы разъединить сословия, чтобы одно не могло влиять на другое. В кажущейся автономии сословий свобода осталась только за чиновником. В смысле земского самоуправления современная Россия представляет регресс сравнительно с концом XVIII в., когда низшие власти по местам выбирались дворянством» [Там же, с. 310].

У некоторых славянофилов встречались и довольно преувеличенные представления на «земский» путь России. Так, например, С. Ф. Шарапов, крупнейший идеолог славянофильства того времени, пишет: «Представим себе, что Соединенные Штаты Северной Америки, измученные преобладанием Нью-Йоркской биржи и евреев, и с отращиванием взира на то, как через каждые четыре года великая их Республика ставится поистине кверху ногами во время президентских выборов, решили видоизменить свой государственный аппарат и, сохраняя полную автономию отдельных штатов, вместо выборного президента поставить во главе Союза самодержавного наследственного монарха с совещательными около него учреждениями выборных от штатов. Вот то сочетание самодержавия и самоуправления, которое мне рисовалось. Мог ли бы быть этот монарх вполне самодержавным? Без сомнения, ибо конституции отдельных штатов его власти в государственном деле всего Союза пределов не полагают, вмешиваться же в местное самоуправление ему нет надобности... Иной формы для проявления истинного самодержавия в России быть не может» [см.: 13, с. 1].

Естественно, что, касаясь проблемы самоуправления и самодержавия, Л. А. Тихомирову пришлось найти свое место, учитывая неоднородность имеющихся по этому вопросу мнений.

В общественном самоуправлении Тихомиров находит много положительных сторон и считает, что оно должно вымещать бюрократическое управление. Оно помогает государству «строиться из нации, а не образовывать особую правящую корпорацию чиновников-политиканов». Самоуправление освобождает верховную власть от лишней нагрузки. Л. А. Тихомиров высказывается против монополии бюрократии самодержавного государства на власть не только применительно к законотворческому, но и к судебному процессам, процессам местного самоуправления [см.: 10, с. 193194].

Конечно, данные взгляды разделялись далеко не всеми пореформенными консерваторами. Например, М. Н. Катков в своих работах непрерывно высказывался против принципа выборности. Главные аргументы брались им из практики русского земства [см.: 2, с. 157]. К. П. Победоносцев, со своей стороны, советовал Александру III распустить комиссию по обсуждению университетской реформы, обосновывая это тем, что царю нужно «находить неудобным и несоответственным участие выборных от думы членов в обсуждении специальных вопросов учебного дела» [5]. Как мы можем увидеть, большинство пореформенных консерваторов стояло на «ультраправительственной» точке зрения. Для Л. А. Тихомирова же самоуправление — это инструмент самодержавного правления, ничем не уступающий бюрократическим институтам. Самоуправление помогает наладить контакт монарха и нации. Что касается земских собраний, то Тихомиров считал их приемлемой

формой *русского самоуправления*, не ставящие под угрозу *самодержавие*, а, наоборот, содействующие ему [см.: 9, с. 127–128].

По мнению Тихомирова, главным условием в системе монархического государства является сохранение главенствующего статуса монарха, в остальном, система открыта для прогрессивного развития. Каждое проектируемое преобразование не должно затрагивать универсализма власти монарха. Триединство законодательной, судебной и контролирующей власти в лице монарха не должно ставиться под сомнение. «Пока монарх пребывает единственным источником всякой специализированной власти, пока из-под его контроля не изъята ни одна отрасль управления, до тех пор он волен искать наилучшую пропорцию органов бюрократического и общественного управления и свыше делегировать им власть» [10, с. 544–545].

Что касается основ самодержавия, то Тихомиров считает, что развитие местного общественного самоуправления их не коснется. Он предлагает уравнивать бюрократический и общественный элементы, создав орган, царский совет, в который, помимо классических советников, также вошли бы избранные члены из общественной среды. Такая структура стала бы своего рода смешанным органом с широкими управленческими полномочиями [Там же, с. 552]. Тихомиров выделяет право на создание органов местного самоуправления, как обязательное право граждан государства, и сама монархия в этом заинтересована. Монарх должен предоставить возможность разным общественным группам вести дела, направляя их затрагивающие, данным институтам управления должен быть предоставлен широкий спектр полномочий. Также монарх обязан предоставить место депутатам от общественности места в основном управленческом органе «во всю широту того, что они способны решать непосредственно» [Там же, с. 542].

Одним из основных отличий взглядов славянофилов от взглядов Тихомирова на местное самоуправление являлось именно место этого самоуправления в государственной системе. Тихомиров настаивал именно на уравнивании двух систем, бюрократической и общественной, на их слиянии. Идеологи славянофилов же строго разделяли управленческую власть и власть общественную. Так, российский мыслитель, славянофил Д. А. Хомяков сравнивал бюрократию с войском, который застилает пространство между царем и народом. «Оттого царю следует постоянно протыкать этот войлок, чтобы доходил к нему дух самого народа» [12, с. 65]. Другой авторитетный славянофил, С. Ф. Шарапов, писал: «Если самодержавный государь не есть только вершина бюрократического механизма, но есть лицо, стоящее сверх закона, верховный, действительный судья, законодатель и правитель государства, он должен в тех функциях своих, которые не относятся непосредственно до государственного управления, иметь под собой не бюрократический механизм, из него исходящий и его как бы собой продолжающий, но ряд *живых общественных самоуправляющихся земских организаций*» [13, с. 10]. В позиции славянофилов мы можем заметить некоторое презрение к бюрократической власти.

В абсолютной оппозиции к взгляду Тихомирова стояло видение проблемы государственных дел того времени. Данное течение в русском консерватизме полностью отрицало значение самоуправления и даже считало его губительным для монархии. Так, в изречениях М. Н. Каткова можно было встретить высказывания, подобно следующему: «Даже здравомыслящие порознь люди дают, собравшись, негодный дух» [3, с. 512]. Так, отвечая государственнику К. Н. Леонтьеву о влиянии Восточноримской империи на «допетровскую государственность», славянофилы подчеркивали, что «в допетровской государственной организации был один фактор совершенно неизвестный Византии — именно земской собор» [4, с. 30–31].

Однако у Тихомирова существовали подозрения и касаясь взглядов славянофилов. Современный автор А. А. Попов, соглашаясь с Тихомировым, пишет: «Вопрос об отношении славянофилов к монархии не так прост, как трактуется авторами

работ, где славянофилы предстают как апологеты самодержавия... тот факт, что во многих статьях славянофилов можно встретить позитивные высказывания в адрес царской власти, не делает данную проблему менее сложной» [6, с. 77]. Тихомиров не защищает и бюрократических методов государственников.

Отвергая и славянофильские, и абсолютистские концепции самоуправления, автор «Монархической государственности» настаивает на том, что самоуправление не может существовать вне единой системы государственного управления. Между бюрократией и самоуправлением нет никакого противоречия, так как «все государство есть орудие национального самоуправления... в монархии царь не ограничен отдельной областью действия и как верховная власть... ниоткуда не устраним, но и народ не отказывается ни от какой власти» [10, с. 317].

Мы видим, что взгляды Тихомирова на самоуправление не отражались в полной мере ни в одном из консервативных течений того времени. Разве что наиболее близка к ней была позиция П. А. Столыпина, считавшего, что на низах должны быть созданы «крепкие люди земли, связанные с государственной властью» [7, с. 277], которым можно передать часть государственных полномочий. Однако и в данной концепции своего полного отражения взгляды Тихомирова не находят, так как у Столыпина, в его взгляде звучат националистические мотивы. «Станьте на ту точку зрения, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же, как носили его когда-то римские граждане, и вы получите все права» [Там же, с. 31], — призывал Столыпин.

Подводя итоги, следует сказать, что автор, чьи взгляды рассматриваются в данной статье, все же относился к консервативному течению политической мысли, поэтому он не был сторонником максимального участия общества в политике государства. Самоуправлению он посвящает сравнительно небольшой участок своей работы. Органы, состоящие только из выборных депутатов, должны действовать на уровне, позволяющем непосредственно общаться только с выдвинувшим их населением. Когда возникает потребность в промежуточных инстанциях, для общественного управления места нет.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Несмотря на свою консервативную позицию, Л. А. Тихомиров находит много преимуществ в развитии общественного самоуправления в монархической России, по его мнению, оно уравновесило бы управление бюрократическое. Поэтому Тихомиров предлагает уравнивать бюрократический элемент с общественным в управлении государством, создав соответствующий орган. Тихомиров настаивает на том, что самоуправление должно существовать в единой системе государственного управления. Однако, будучи консерватором, Тихомиров и не преувеличивает роль общественного самоуправления. Основным из условий развития самоуправления в монархической России Тихомиров видит сохранение главенствующего статуса монарха и концентрирование в его лице всех ветвей власти. Именно уравновешенная позиция самоуправления в государственной системе управления кардинально отличала идеи Тихомирова от идей других консерваторов того времени, поэтому его взгляд так и не нашел отражения ни в одном из современных ему монархических течений.

Литература

1. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания русских «охранителей» в 1881–1883 гг. // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. 1971. № 12. С. 299–326.

2. Катков М. Н. О монархии // Идеология охранительства. М. : Институт русской цивилизации, 2009.
3. Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб. : Росток, 2010. Т. 2.
4. Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб. : Тип. А. А. Пороховщикова, 1896.
5. Победоносцев К. П. Письма Александру III // Электронная библиотека e-libra [Электронный ресурс]. URL: e-libra.ru/read/122662-pis-ma-k-aleksandru-iii (дата обращения: 13.02.2020).
6. Попов А. А. Социально-политические воззрения А. С. Хомякова // Социально-политические науки. 1992. № 4/5. С. 71–78.
7. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М. : Молодая гвардия, 1991.
8. Сыромятников С. Е. Опыты русской мысли. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1901.
9. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк : National Printing & Publishing, 1943.
10. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб. : АО «Комплект», 1992.
11. Фадеев Р. А. Русское общество в настоящем и будущем // Журнал Института русской истории РГГУ. 2001. № 1–4. С. 117–169.
12. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
13. Шаратов С. Ф. Опыт русской политической программы. М., 1905.

Об авторе:

Алекберов Роман Илгарович, аспирант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kino92@mail.ru

References

1. Ananich B. V., Ganelin R. Sh. R. A. Fadeev, S. Yu. Witte and the ideological search of the Russian "guardians" in 1881–1883 // Proceedings of the Leningrad branch of the Institute of History of the USSR [Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii SSSR]. 1971. N 12. P. 299–326.
2. Katkov M. N. About the monarchy // The ideology of security. M. : Institute of Russian Civilization, 2009.
3. Katkov M. N. Collected Works : in 6 vols. SPb. : Rostock, 2010. V. 2.
4. Kireev A. A. A summary of the Slavophil teachings. SPb. : Printing house of A. A. Porohovshchikov, 1896.
5. Pobedonostsev K. P. Letters to Alexander III // Electronic library e-libra [Electronic resource]. URL: e-libra.ru/read/122662-pis-ma-k-aleksandru-iii (accessed: 02.13.2020).
6. Popov A. A. Socio-political views of A. S. Khomyakov // Socio-political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 1992. N 4/5. P. 71–78.
7. Stolypin P. A. We need a great Russia. M. : Young Guard, 1991.
8. Syromyatnikov S. E. The experiences of Russian thought. SPb. : Printing house of A. S. Suvorin, 1901.
9. Tikhomirov L. A. Sole power as a principle of state building. New York : National Printing & Publishing, 1943.
10. Tikhomirov L. A. Monarchist statehood. SPb. : JSC "Komplekt", 1992.
11. Fadeev R. A. Russian society in the present and future // Journal of the Institute Russian History of the Russian State Humanitarian University [Zhurnal Instituta Russkoi Istorii RGGU]. 2001. N 1–4. P. 117–169.
12. Khomyakov D. A. Orthodoxy. Autocracy. Nationality M. : Institute of Russian Civilization, 2011.
13. Sharapov S. F. The experience of the Russian political program. M., 1905.

About the author:

Roman I. Alekberov, graduate student of the "International Relations" department of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation); kino92@mail.ru

Диджитализация муниципального управления в крупном городе: инструменты, барьеры и стратегии

Куценко Д. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dkutsenko-17-01@edu.ru

РЕФЕРАТ

Цель данной статьи — выявление барьеров на пути к осуществлению диджитализации муниципального управления в крупном городе на основе анализа инструментов и стратегий диджитализации. Для ответа на данный вопрос был проведен анализ основ электронного правительства и диджитализации муниципального управления, в частности. Теоретическую базу исследования составили теория диффузии инноваций и концепции электронного правительства (e-governance и local e-governance). Эмпирическую базу исследования составили зарубежные и отечественные платформы, применяемые в муниципальном управлении: «Fix My Street», «Creative Citizens», «coUrbanize», «Urban Interactive Studio», «CityPlanner», «Commonplace», «Sticky World», «CrowdGauge», «Твой бюджет», «Наш Санкт-Петербург». В качестве метода использовался качественный анализ цифровых и текстовых данных. Также был проанализирован опыт имплементации инструментов диджитализации на местном уровне власти в различных странах. Выводы, сделанные в данной работе, применимы к крупным городам и преимущественно ориентированы на Российскую Федерацию. Применение принципов e-governance включает в себя три составляющие: передачу информации в цифровом пространстве, совершение в нем транзакций и общение в нем. При правильном и постепенном внедрении в муниципальное управление диджитализация способна повысить вовлеченность граждан и доверие к власти. Тем не менее, нельзя недооценивать характеристики муниципального управления до применения цифровых технологий. Во многих крупных городах до перехода на цифровые технологии должна быть реализована налаженная система местного самоуправления. При разработке стратегии внедрения цифровых технологий важно понимать, какова модель привычного поведения жителей данного муниципального образования, ведь универсальный подход не всегда дает положительные результаты. К основным барьерам диджитализации относятся: необходимость постоянного совершенствования систем безопасности и способов хранения и обработки данных граждан с применением облачных технологий, в том числе разработка соответствующих стратегий и государственных программ; необходимость адаптировать различные инструменты диджитализации к требованиям и возможностям местного сообщества; сложность в проведении оценки спроса граждан на определенные электронные ресурсы; необходимость в сопутствующих мероприятиях по обучению как граждан, так и самих муниципальных служащих; необходимость привлечения независимых экспертов из разных сфер для обеспечения актуальности и эффективности электронных порталов и платформ муниципалитетов.

Ключевые слова: местное самоуправление в России, цифровые технологии муниципального управления, электронное правительство, барьеры диджитализации

Для цитирования: Куценко Д. О. Диджитализация муниципального управления в крупном городе: инструменты, барьеры и стратегии // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 158–171.

Digitalization of Local Government in a Big City: Tools, Barriers and Strategies

Dariya O. Kutsenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; dkutsenko-17-01@edu.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to identify barriers to the implementation of digitalization of local (municipal) government in a large city through an analysis of digitalization tools and strategies. In order to answer this question, an analysis of the e-government and digitalization of municipal governance frameworks in particular was conducted. The theory of diffusion of innovation and the concept of e-government (e-governance and local e-governance) formed the theoretical basis of the study. The empirical base of the research was formed by foreign and Russian platforms used in municipal governance: «Fix My Street», «Creative Citizens», «coUrbanize», «Urban Interactive Studio», «CityPlanner», «Commonplace», «Sticky World», «Crowdgaugе», «Твой бюджет», «Наш Санкт-Петербург». Qualitative analysis of digital and text data was used as a method. The experience of implementation of digitization tools at local level of power in different countries was also analyzed. The conclusions made in this work are applicable to large cities and are mainly focused on the Russian Federation. The application of e-governance principles has three components: information transfer in the digital space, transactions and communication in it. If implemented correctly and gradually in a municipal administration, digitalization can increase citizen involvement and trust in government. Nevertheless, the characteristics of municipal government should not be underestimated before digital technologies are used. In many large cities, an established system of local government should be implemented before digitalization. When developing a strategy for implementation of digital technologies, it is important to understand the model of habitual behavior of residents of a given municipal entity, because a universal approach does not always yield positive results. The main barriers to digitalization include: the need for continuous improvement of security systems and methods of storage and processing of citizens' data using cloud technologies, including the development of appropriate strategies and government programs, the need to adapt the various tools of digitalization to the requirements and capabilities of the local community, the difficulty in assessing citizens' demand for certain electronic resources, the need for related training activities for both citizens and municipal employees themselves; the need to engage independent experts from different fields to ensure the relevance and effectiveness of municipalities' electronic portals and platforms.

Keywords: local government in Russia, digital technologies of municipal management, e-government, barriers to digitalization

For citing: Kutsenko D. O. Digitalization of Local Government in a Big City: Tools, Barriers and Strategies // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 158–171.

Введение

В XXI в. цифровые технологии активно применяются практически во всех сферах жизни общества. Изначально многие инновационные технологии разрабатывались для частного сектора экономики с целью максимизировать прибыль, усовершенствовать текущие производственные процессы, оптимизировать систему управления. С течением времени цифровые технологии нашли применение и за рамками производств и частных компаний. Так, согласно одному из важнейших международных документов в данной сфере «Окинавской Хартии», информационно-коммуникационные технологии сегодня служат важнейшим инструментом, способствующим налаживанию взаимодействия между гражданским обществом и правительством¹.

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 21.03.2020).

В 1990-е гг. была сформулирована концепция электронного правительства (E-governance), которая заключается во внедрении передовых цифровых и компьютерных технологий в практику государственного управления. Диджитализация государственного управления преимущественно направлена на повышение эффективности и совершенствование качества предоставляемых услуг. В государственном секторе цифровые технологии начали применяться относительно недавно. Тем не менее за двадцать с лишним лет во многих развитых странах система публичного управления на основе цифровых стала неотъемлемой составляющей эффективной работы органов власти.

Принципы концепции электронного правительства внедряются на всех уровнях власти и в том числе на местном. Вопрос диджитализации муниципального управления приобретает сегодня все большую актуальность, так как именно данный уровень власти наиболее приближен к гражданам [15]. Наряду с этим эффективность системы местного самоуправления отражается не только на каждодневных процессах предоставления услуг гражданам, но и на их вовлеченности в управленческий процесс и даже на уровне доверия к власти [29, с. 205]. Безусловно, процесс диджитализации муниципального управления в разных государствах может в значительной степени отличаться. На него влияет множество факторов: финансовые ресурсы, уровень компьютеризации государства в целом, компьютерная грамотность населения и другие. В связи с этим интерес представляет изучение особенностей процесса диджитализации муниципального управления в различных странах, особенно в крупных городах, где скорость обмена информацией и требования к качеству услуг являются наиболее высокими.

Согласно докладам, которые публикует Всемирный банк, сегодня перед правительствами большинства стран мира стоит дилемма. С одной стороны, граждане становятся все более требовательными к качеству государственных услуг, скорости их предоставления и их доступности¹. С другой стороны, правительства всегда должны руководствоваться принципами поиска оптимальных с финансовой и экономической точки зрения решений различных государственных вопросов. Таким образом, вопрос диджитализации государственного и муниципального управления в XXI в. приобрел крайне высокую значимость. В особенности это применимо к местному уровню власти, так как именно он наиболее приближен к повседневной жизни граждан, и, соответственно, включает в себя широкий спектр предоставляемых услуг.

Ключевым исследовательским вопросом данной работы является выявление барьеров на пути к осуществлению диджитализации муниципального управления в крупном городе. Для ответа на данный вопрос был проведен анализ основ электронного правительства и диджитализации муниципального управления, в частности. Эмпирическую базу исследования составили различные зарубежные и отечественные платформы, применяемые в муниципальном управлении: «Fix My Street», «Creative Citizens», «coUrbanize», «Urban Interactive Studio», «CityPlanner», «Commonplace», «Sticky World», «Crowdgaugе», «Твой бюджет», «Наш Санкт-Петербург». В качестве метода использовался качественный анализ цифровых и текстовых данных. Также был проанализирован опыт имплементации инструментов диджитализации на местном уровне власти в различных странах. Выводы, сделанные в данной работе, применимы к разным крупным городам и преимущественно ориентированы на Российскую Федерацию.

Теоретический обзор

Внедрение цифровых технологий в любую сферу экономики представляет собой пример инновационного развития. Важнейшей теорией, связанной с распростра-

¹ Доклад «Цифровое правительство 2020. Перспективы для России». Всемирный банк. М., 2016.

нением инноваций, является теория диффузии инноваций американского социолога Э. Роджерса. Данная теория была разработана задолго до того, как появились цифровые технологии, однако она способна объяснить те тенденции, которые существуют в их распространении. Так, согласно теории диффузии инноваций, на их распространение влияет множество факторов, однако ключевыми вопросами являются следующие: кем было инициировано внедрение инноваций и было ли это решение добровольным и свободным [24; 30]. Применимо к муниципальному управлению эти факторы особенно актуальны, так как успешность работы данного уровня власти напрямую зависит от инициативности местного сообщества. Именно поэтому теория диффузии инноваций дает ответ на вопросы, касающиеся неравномерного распространения процесса диджитализации муниципального управления даже в пределах одной страны или региона. При этом сам термин «диджитализация» (от англ. «digitalization») впервые упоминается в работах американского ученого Вачалла [7, с. 259]. Дословно данный термин можно перевести как «перевод в цифровой формат». Уже в середине XX в. учеными велись дискуссии о потенциальных опасностях данного процесса при условии низкого контроля со стороны государства.

Помимо теории диффузии инноваций для понимания современных изменений в муниципальном управлении важна управленческая концепция «E-governance», которая позднее включила в себя понятие «local e-governance». На русский язык она, как правило, переводится как концепция электронного правительства. Существуют различные определения понятия электронного правительства. Согласно одному из них, ключевой целью электронного правительства является повышение эффективности и подотчетности публичной власти. По этой логике электронное правительство направлено на налаживание коммуникаций между гражданами и государством путем сокращения дистанций и снижения административных барьеров [34, с. 14]. Вместе с тем существует и иное определение электронного правительства, согласно которому оно представляет собой систему публичного управления, основанную на применении электронных средств обмена необходимой информацией [34, с. 15]. Концепция «E-governance» начала изучаться исследователями в 1990-е гг. (рис. 1), а чуть позднее интерес начали представлять и особенности диджитализации местного самоуправления (рис. 2).

Сегодня принято выделять четыре ключевых этапа развития диджитализации на местном уровне [26, с. 430]:

- 1) установление безопасного и скооперированного взаимодействия между муниципальными органами;
- 2) введение интернет-сервисов предоставления услуг гражданам;
- 3) применение инструментов цифровой экономики для повышения эффективности транзакций муниципальных органов власти;
- 4) формирование цифровой демократии.

Российские исследователи также занимались проблематикой местного самоуправления в городах. Так, в работах Б. Б. Веселовского уже в начале XX в. отмечалось, что муниципальное управление играет ключевую роль в развитии городской экономики, а также во взаимодействии между его жителями и властью [3, с. 9]. Наряду с этим, концепция «local self-governance», принципы которой постепенно внедряются и в городах России, вместе с процессом диджитализации способна дать синергетический эффект. Это объясняется тем, что в концепции «local self-governance» ключевую роль играет именно гражданин, а digital-сервисы поддерживают ориентированность на человека и местное сообщество [3, с. 11].

Таким образом, концепция электронного правительства сегодня является актуальным объектом для исследований, в особенности ее адаптация на местном уровне. Важно также понимать, что теория диффузии инноваций также подтверж-

Рис. 1. Цитируемость термина e-governance в англоязычной литературе
Fig. 1. The citation of the term e-government in English-language literature

Источник: Google Books Ngram Viewer.

Рис. 2. Цитируемость термина local e-governanment в англоязычной литературе
Fig. 2. The citation of the term local e-government in English-language literature

Источник: Google Books Ngram Viewer.

дает необходимость анализа опыта государств с различными социально-экономическими и политическими условиями, для более полного понимания процесса диджитализации муниципального управления.

Анализ инструментов диджитализации муниципального управления

Первым этапом диджитализации муниципального управления в любом крупном городе является создание информационной веб-страницы, однако сегодня функционал цифровых технологий гораздо шире. Внедрение приложений и платформ Web 2.0 послужило началом для качественных изменений в возможностях граж-

дан [24, с. 335]. Так, функции муниципальных сервисов зачастую проходят эволюционный процесс от информирования граждан до взаимодействия с ними для разработки новых решений, способных повысить качество жизни и усовершенствовать территорию (рис. 3).

Помимо этого, диджитализация на высоких этапах развития должна налаживать взаимодействие между разными типами акторов. Так, многие страны сумели также разработать многоступенчатую систему digital-технологий в муниципальном управлении. Например, в Испании существует три типа платформ: для локальных коммуникаций между муниципальными служащими, для оказания услуг гражданам и для взаимодействия между муниципалитетами [22, с. 476].

В крупных городах особенно актуальны вопросы инфраструктурной обеспеченности. В связи с этим в практике муниципального управления сегодня активно применяются цифровые платформы, с помощью которых граждане могут сообщить о необходимости ремонта или реконструкции элементов инфраструктуры их улицы и района. Существует также единая платформа данного предназначения, которая называется «Fix My Street» (с англ. «Почините мою улицу») [17, с. 9]. Она уже используется в муниципалитетах крупных городов Франции, Канады, Нидерландов, Греции, Грузии, Германии и Южной Кореи. Аналогичные программы разработаны в Румынии, Словакии и ряде стран Восточной Европы.

Помимо этого во многих странах на муниципальном уровне применяются платформы по партисипаторному бюджетированию. Они являются крайне значимыми по ряду причин. Во-первых, практика партисипаторного бюджетирования является характеристикой демократического устройства государства [17, с. 16]. Во-вторых, возможность участвовать в управлении территорией повышает доверие к местным властям. Вместе с тем, принимая решение сообща, местное сообщество становится более сплоченным, что встречается не так часто в крупных мегаполисах.

Существуют также сервисы, которые напрямую направлены на выстраивание коммуникации между муниципальными служащими и местным сообществом и, как следствие, совершенствование управленческой практики [17, с. 10]. Зачастую это платформы или адаптированные страницы в социальных сетях, где граждане могут оставлять обратную связь, делиться рекомендациями и сообщениями по поводу вопросов местного значения. Подобные сервисы существуют практически во всех крупных городах стран Евросоюза, однако вопрос об их эффективности даже сегодня является для экспертов спорным. Согласно исследованиям, проведенным в крупных городах пятнадцати европейских стран, уровень вовлеченности муниципальных управленцев в процесс взаимодействия с применением цифровых платформ и страниц в социальных сетях остается довольно низким [21, с. 130]. Зачастую это связывают с отсутствием сопутствующих мероприятий на первых этапах имплементации технологий [21, с. 130]. В крупных городах Северной Америки и Европы также применяется множество других платформ, например: Creative Citizens, coUrbanize, Urban Interactive Studio, CityPlanner, Commonplace, Sticky World, Crowdgaugе и другие [23, с. 18]. Данные платформы предназначены

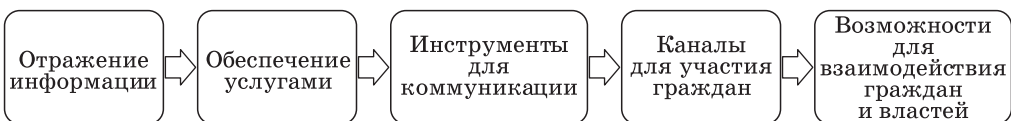

Рис. 3. Эволюция функций digital-сервисов на муниципальном уровне

Fig. 3. Evolution of digital services functions at the municipal level

Источник: [31].

для повышения вовлеченности гражданского сообщества в развитие городских территорий и в процесс принятия решений на местном уровне. Благодаря подобным платформам жители городских муниципалитетов имеют возможность голосовать за наиболее важные для местности проекты, вносить свои предложения по поводу предложенных альтернатив, участвовать в опросах. Платформы также предоставляют услуги интерактивных карт на базе «Google», а некоторые из них применяют 3D-технологии для моделирования различных городских проектов. Подобные технологии позволяют городским жителям наглядно представить результаты общественно значимых проектов, и, соответственно, лучше оценить их достоинства и недостатки.

Безусловно, поддержание даже самых простых муниципальных сервисов, мониторинг их работы и эффективности представляет собой сложный процесс. Тем не менее, и этап адаптации digital-сервисов имеет важное значение не только для граждан, но и для муниципальных служащих. Даже в крупных городах далеко не все чиновники одинаково воспринимают инновационные методы управления и готовы с ними работать. От того, как инновации воспринимаются управленцами, во многом зависит и успешность их работы в дальнейшем. В связи с этим в европейских городах проводятся исследования, которые призваны выявить факторы, влияющие на восприятие инноваций муниципальными служащими [20, с. 268]. На основе подобных исследований могут быть разработаны меры по адаптации цифровых сервисов для различных категорий управленцев. Помимо этого, важным фактором, способствующим диджитализации муниципального управления в крупном городе, является разработка мер по первичному ознакомлению потенциальных пользователей с доступными услугами. В XXI в. сложно представить крупный город, в котором не развиты цифровые технологии, однако в развивающихся странах подобные прецеденты имеют место [19, с. 129]. Именно в таких странах важно проводить работу с местными сообществами на ранних стадиях имплементации технологий в муниципальное управление. В частности, необходимо разрабатывать платформы с доступным дизайном, а также сопутствующими сервисами по поддержке.

Диджитализацию процессов управления невозможно представить без применения «облачных технологий». У этих инструментов существуют неоспоримые достоинства: удобство в использовании, скорость работы, возможность хранить существенные объемы данных [16, с. 16]. Один из этих факторов потенциально может стать уязвимой стороной процесса диджитализации — это безопасность личных данных пользователей. Например, Австралия является одним из лидеров по диджитализации муниципального управления. Современные цифровые технологии при этом применяются не только в муниципальных образованиях крупных городов. В связи с этим в стране была разработана стратегия, которая направлена на повышение безопасности данных в муниципальных органах власти [16, с. 2]. Стратегия согласуется со всеми международными принципами по обеспечению безопасности данных граждан, однако экспертами и в ней был выявлен ряд серьезных пробелов, которые способны привести к утечке данных. Дополнительные сложности при работе с законодательной стороной процесса диджитализации управления заключаются в том, что способы по нарушению конфиденциальности данных совершенствуются с высокой скоростью.

Кроме принятия мер, связанных с обеспечением безопасности персональных данных, государственные управленцы всех уровней также принимают во внимание проблему неравномерного распространения цифровых технологий. Сегодня можно наблюдать дисбаланс в развитии и применении digital-сервисов даже в муниципалитетах крупных европейских городов. Наличие диспропорций преимущественно связано с тем, что на первых этапах внедрения новых технологий управленцами

не был качественно оценен спрос на предоставление услуг в подобной форме [28, с. 13]. Безусловно, инновации никогда не воспринимаются всеми гражданами одинаково, однако для долгосрочного результата необходимо понимать особенности территории и местного сообщества. В противном случае эффективность будет только снижаться ввиду смещения в предложении государственных услуг. Как и во многих других странах Европейского союза в муниципальных органах власти Италии хорошо развиты цифровые технологии [18, с. 178.]. Однако даже в успешных странах можно наблюдать неравенство в доступе к государственным услугам. Так, на основе ряда статистических исследований было выявлено, что в городских муниципалитетах качество аналогичных услуг в среднем на порядок выше, чем за чертой города [18, с. 186]. Экспертами отмечается, что для повышения эффективности муниципального управления и сотрудничества крайне важно соблюдать принцип связности электронных услуг. В противном случае появится риск повышения неравенства. А как установлено в «Окинавской Хартии», применение цифровых технологий должно способствовать снижению неравенства в развитии городов и стран¹.

Все вышеназванные критерии и особенности развития диджитализации учитываются экспертами ООН в Рейтинге уровня развития электронного правительства. Согласно ему, в Российской Федерации с 2003 г. наблюдается положительная тенденция по данному показателю (рис. 4).

В 2002 г. начала реализовываться Федеральная целевая программа «Электронная Россия», которая оказала значительное влияние на развитие диджитализации в том числе на муниципальном уровне управления [2, с. 158]. Тем не менее, и у данной программы существует ряд недостатков, среди которых отсутствие электронных процедур по аттестации муниципальных чиновников. На примере трехступенчатой системы диджитализации в Испании можно сделать вывод о том, насколько важно не только взаимодействие между гражданами и управленцами, но и между самими органами власти. Несмотря на активное внедрение порталов государственных и муниципальных услуг в крупных городах Российской Федерации, значительная доля населения не пользуется ими. Прежде всего это связано с отсутствием у старшего поколения навыков по работе с компьютером и Интернетом. В меньшей степени — негативным отношением к новым технологиям как к таковым. Это говорит о том, что, подготовив базу для внедрения цифровых технологий на муниципальном уровне, управленцы смогут повысить эффективность их работы [1, с. 110]. Во многих российских городах процесс диджитализации муниципального управления проходит довольно успешно, однако отмечается единая проблема, а именно — низкий уровень взаимодействия между органами местного самоуправления по части обмена опытом [5, с. 187].

Наиболее активно процесс диджитализации муниципального управления проходит в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и ряде крупных городов. Санкт-Петербург на протяжении долгого времени является одним из лидеров России в сфере инновационного развития и потенциала. Будучи мегаполисом, Петербург также активно внедряет цифровые технологии в систему муниципального управления. Важнейшим этапом диджитализации, безусловно, стал Портал государственных и муниципальных услуг Санкт-Петербурга, запущенный в 2007 г. Помимо этого, в 2013 г. государственные и муниципальные услуги стали доступными и в виде мобильного приложения. Успех Санкт-Петербурга в данной области обусловлен рядом факторов: высоким уровнем образования жителей, высокой компьютерной грамотностью и стрем-

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 21.03.2020).

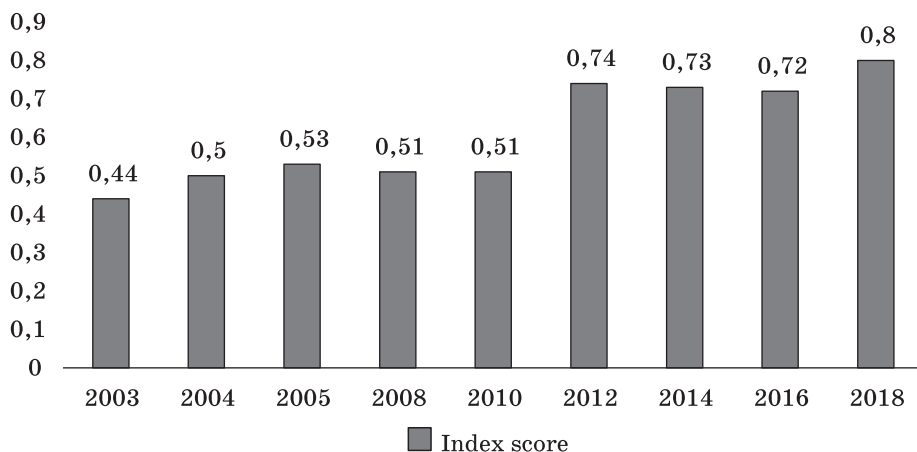

Рис. 4. Динамика индекса РФ в Рейтинге уровня развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index)

Fig. 4. Dynamics of the Russian Federation index in the E-Government Development Index

Источник: Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1078588/egdi-e-government-development-index-russia/>

лением к экономии ресурсов и времени. Тем не менее, Петербург является городом с высокой долей старшего поколения, что являлось дополнительной задачей на пути к имплементации digital-технологий в муниципальном управлении. Так, внедрение Портала проходило постепенно, с учетом особенностей в восприятии инноваций разными группами населения, а также с соответствующим консультационным сопровождением [4, с. 178]. Помимо этого в Санкт-Петербурге работает портал «Твой бюджет», который позволяет жителям города вносить предложения и проекты. Портал направлен на совершенствование различных сфер жизни города: от социального обеспечения до благоустройства парков и улиц¹. Данный проект включает в себя не только вопросы муниципального значения, однако он играет значительную роль в их решении. Как отмечалось ранее, подобные порталы представляют собой наиболее развитый тип digital-платформ, позволяющих местному сообществу больше взаимодействовать с властями на благо как муниципальных образований, так и города в целом. Еще один важный для петербуржцев портал, который позволяет усовершенствовать систему муниципального управления — это «Наш Санкт-Петербург». Благодаря ему жители могут сообщить о проблемах в сфере жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства района, объектов социальной инфраструктуры и так далее². Важным элементом портала с точки зрения повышения качества муниципальных услуг является опция по оценке работы специалистов. Согласно приведенной выше классификации этапов развития диджитализации местного самоуправления, Санкт-Петербург достиг наивысшего уровня — наличия инструментов электронной демократии. Тем не менее, при внедрении любого инновационного механизма по взаимодействию с гражданами, необходимо проводить оценку субъективного восприятия, а не только ориентироваться на количественные показатели и индикаторы.

¹ О проекте // «Твой Бюджет» [Электронный ресурс]. URL: <https://tvoybudget.spb.ru/> (дата обращения: 21.03.2020).

² О проекте // «Наш Санкт-Петербург» [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod.gov.spb.ru/about/> (дата обращения: 23.03.2020).

Обсуждение

Согласно докладу, опубликованному Правительством Великобритании, применение цифровых технологий в государственном управлении способно снизить расходы по оказанию государственных услуг в 50 раз¹. Безусловно, финансовые выгоды не являются единственным критерием для общественного сектора, однако экономия государственного бюджета всегда является значительным фактором в пользу диджитализации управления [10, с. 224]. Помимо множества очевидных достоинств диджитализации: повышения скорости обмена информацией, экономии времени граждан и чиновников, и, как следствие, повышения эффективности работы, также стоит учитывать и отсутствие привязки к географическим границам. Так, процесс диджитализации муниципального управления также способствует инклюзивности, т. е. вовлечению в процесс тех категорий граждан, которые раньше могли быть лишены подобной возможности. Тем не менее, существует множество факторов, препятствующих внедрению цифровых технологий.

Сегодня большинство муниципалитетов крупных городов применяют в своей работе облачные технологии обработки и хранения данных. Безусловно, это повышает эффективность управленческого процесса, однако риски безопасности для персональных данных жителей по-прежнему остаются высокими [27, с. 16]. В связи с этим управленцы как муниципального, так и более высоких уровней обязаны детально разрабатывать программы и стратегии, направленные на совершенствование систем безопасности. Так, в данном случае важно взаимодействие различных уровней власти, так как не всегда у муниципалитетов хватает ресурсов и полномочий для привлечения экспертного сообщества. Примером может служить опыт крупных городов Австралии, где в 2019 г. проходило преобразование стратегий, направленных на повышение безопасности систем муниципалитетов, применяющих облачные технологии [27, с. 17].

Стоит отметить, что в городах России, как и в странах Европейского союза наблюдается дисбаланс относительно применения цифровых средств управления на местном уровне. Зачастую муниципалитеты ограничиваются информационными сайтами, однако порой и их контент-анализ демонстрирует наличие неактуальных данных. Нормативно-правовое обеспечение диджитализации муниципального управления также определяется экспертами как недостаточно эффективное [8, с. 234]. Это связано с тем, что ввиду небольшой практики в данной области на муниципальном и региональном уровне зачастую копируют федеральные нормы без предварительной адаптации к особенностям города, территории и нужд гражданского общества [6, с. 21]. Анализ опыта муниципальных интернет-платформ в крупнейших российских городах экспертами демонстрирует, что наиболее успешны те, к разработке и мониторингу которых привлекаются специалисты из сферы IT, маркетинга, социологии и т.д. [12, с. 99]. Это гарантирует более высокий уровень адаптивности платформ к нуждам и требованиям местного сообщества.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить следующие барьеры на пути к развитию диджитализации в муниципальном управлении. Во-первых, это необходимость постоянного совершенствования систем безопасности и способов хранения и обработки данных граждан с применением облачных технологий, в том числе разработка соответствующих стратегий и государственных программ. Во-вторых, это необходимость адаптировать различные инструменты диджитализации к требованиям и возможностям местного сообщества. В-третьих, это сложность в проведении оценки спроса граждан на определенные электронные ресурсы. Опыт Италии демонстрирует важность данного этапа. Это также соот-

¹ Digital Efficiency Report // GOV.UK [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/digital-efficiency-report> (дата обращения: 21.03.2020).

носится с теорией диффузии инноваций, когда низкий уровень участия в инициации внедрения новых технологий со стороны жителей может привести к невысоким темпам их распространения.

Четвертым барьером выступает необходимость в сопутствующих мероприятиях по обучению как граждан, так и самих муниципальных служащих. Сложность также заключается в том, что причины, из-за которых граждане или чиновники с трудностью воспринимают новые технологии, могут быть разными. Соответственно, задачей управленцев является применение оптимальных способов обучения. Наконец, пятый выделенный нами барьер, это необходимость привлечения независимых экспертов из разных сфер для обеспечения актуальности и эффективности digital-порталов и платформ муниципалитетов. Данная практика хоть и не раз подтверждала свою обоснованность, однако она не всегда реализуема ввиду ресурсных затрат, а также особенностей работы с персональными данными граждан.

Применение принципов e-governance включает в себя три составляющие: передачу информации в цифровом пространстве, совершение в нем транзакций и общение в нем [25, с. 57]. Безусловно, диджитализация при правильном и постепенном внедрении в муниципальное управление способна повысить вовлеченность граждан и доверие с их стороны [25, с. 59]. Тем не менее, нельзя недооценивать характеристики муниципального управления до применения цифровых технологий. Во многих крупных городах до перехода на цифровые технологии могла существовать налаженная система местного самоуправления. Иначе говоря, при разработке стратегии внедрения цифровых технологий важно понимать, какова модель привычного поведения жителей данного муниципального образования, ведь универсальный подход не всегда дает положительные результаты.

Стратегически же сегодня большинство стран руководствуется одними принципами при диджитализации муниципального управления: повышение прозрачности, доступность, совершенствование уровня защиты персональных данных. Поскольку муниципальный уровень власти в наибольшей степени приближен к гражданам, следовательно, способен агрегировать их интересы и требования. Именно поэтому диджитализация муниципального управления представляет собой наиболее эффективный элемент для развития демократии [9, с. 65]. При этом ряд ученых, напротив, полагают, что диджитализация местного самоуправления не должна рассматриваться как главный рычаг демократизации государства [11, с. 26]. Цифровые технологии должны быть органической частью существующей в стране системы государственных институтов.

Литература

1. Барбаков Г. О., Устинова О. В. К проблеме внедрения «Электронного Правительства» // Вестник ЧелГУ. 2015. № 26 (381). С. 109–113.
2. Баринова Н. И., Кривокожа Ю. Н. Современные информационные технологии как способ совершенствования муниципального управления // Kant. 2017. № 4 (25). С. 155–158.
3. Безвизонная Е. В. Становление синергетичной концепции местного самоуправления (local self-governance) в контексте governance-парадигмы // Наука и современность. 2011. № 8–2. С. 8–12.
4. Видясова Л. А., Чугунов А. В. Востребованность порталов государственных и муниципальных услуг (на примере Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 165–185.
5. Григорьев С. И., Гусева М. Н. Информационные технологии в муниципальном управлении: опыт применения в масштабах городского округа // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2018. № 10. С. 167–174.
6. Калинина А. Э., Шевандрин А. В. Формирование элементов электронного правительства в органах местного самоуправления муниципальных образований // Власть. 2012. № 12. С. 17–21.
7. Куприна К. А., Хазанова Д. Л. Диджитализация: понятие, предпосылки возникновения и сферы применения // Вестник научных конференций. 2016. № 5–5. С. 255–259.

8. *Логвинов К.В.* Повышение эффективности государственного управления в России на основе внедрения Концепции «электронного правительства» // Вестник Брянского государственного технического университета. 2016. № 5 (53). С. 230–237.
9. *Маньков В.С.* Демократизация местного самоуправления и электронное правительство // Вестник Московского университета. Экономика. 2012. № 6. С. 58–66.
10. *Моисеева А.А.* Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 216–226.
11. *Савичев А.А.* Местное самоуправление в России: от избирательных цензов к электронной демократии // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 23–27.
12. *Сидорова А.А.* Электронное правительство: повышение общественного участия в управлении государством // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 87–103.
13. *Симбагаев С., Липатова Л.Н.* Региональный опыт организации работы электронного правительства // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–2. С. 573–575.
14. *Смотряцкая И.И., Черных С.И.* Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 5. С. 22–36.
15. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
16. *Ali O., Shrestha A., Chatfield A., Murray P.* Assessing information security risks in the cloud: A case study of Australian local government authorities. *Government Information Quarterly*. Vol. 37. Is. 1. 2020. P. 1–20.
17. *Ardigó I.A. et al.* Local government accountability mechanisms. *Transparency International*, 2019.
18. *Arduini D. et al.* The role of technology, organization and contextual factors in the development of e-Government services: An empirical analysis on Italian Local Public Administrations. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 27. 2013, P. 177–189.
19. *Basu S.* E-government and developing countries: An overview. *International review of Law, Computers & Technology*. Vol. 18. 2004. P. 109–132.
20. *Berger J.B., Morten H., Schreiber T.* Does local government staff perceive digital communication with citizens as improved service? *Government Information Quarterly* Vol. 33. Is. 2. 2016. P. 258–269.
21. *Bonsón E., Torres L., Royo S., Flores F.* Local e-government 2.0: Social media and corporate transparency in municipalities. *Government Information Quarterly*. Vol. 29 (2). 2012. P. 123–132.
22. *Cegarra-Navarro J., Pachón J.R., Cegarra J.L.* E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities. *International Journal of Information Management*. Vol. 32. 2012. P. 469–478.
23. *Falco E., Kleinhans R.* Beyond technology: Identifying local government challenges for using digital platforms for citizen engagement. *International Journal of Information Management*. Vol. 40. 2018. P. 17–20.
24. *Mallan K.* Gateways to digital participation: The rhetorical function of local government websites. In Foth M., Mallan K., Hughes H., Dezuanni M. (Eds.) *Digital participation through social living labs: Valuing local knowledge, enhancing engagement*. Chandos Publishing, United Kingdom. 2018. P. 333–349.
25. *Manoharan A.P., Ingrams A.* Conceptualizing E-Government from Local Government Perspectives. *State and Local Government Review*. Vol. 50. N 1. 2018. P. 56–66.
26. *Moon M.J.* The Evolution of E-Government among Municipalities: Rhetoric or Reality? *Public Administration Review*. Vol. 62 (4). 2002. P. 424–433.
27. *Omar A., Osmanaj A.* The role of government regulations in the adoption of cloud computing: A case study of local government. *The International Journal of Technology Law and Practice*. Vol. 7. 2020. P. 1–20.
28. *Pérez-Morotea R., Pontones-Rosaa C., Núñez-Chicharro M.* The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 154. 2020. P. 1–14.
29. *Porumbescu G.A.* Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? *State and Local Government Review*. Vol. 47 (3). 2015. P. 205–213.
30. *Rogers E.* *Diffusion of Innovations*. 4th ed. Simon and Schuster, 2010.

31. Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J. R. Are government internet portals evolving towards more interaction, participation, and collaboration? Revisiting the rhetoric of e-government among municipalities. *Government Information Quarterly*. Vol. 29. 2012.
32. Streib G. D., Willoughby K. G. Local governments as e-governments: meeting the implementation challenge. *Public Administration Quarterly*. Vol. 29. N 1–2. 2005. P. 77–109.
33. Wirtz B. W. et al. E-government portal information performance and the role of local community interest. Empirical support for a model of citizen perceptions. *Public Administration Quarterly*. Vol. 40. N 1. 2016. P. 48–83.
34. *World Bank*. The e-government handbook for developing countries: The e-government handbook for developing countries: a project of InfoDev and the Center for Democracy and Technology (English). InfoDev. Washington, DC : World Bank. 2002.

Об авторе:

Куценко Дарья Олеговна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dkutsenko-17-01@edu.ru

References

1. Barbakov G. O., Ustinova O. V. To the problem of introduction of "Electronic Government" // *Journal of ChelSU [Vestnik ChelGU]*. 2015. N 26 (381). P. 109–113. (In rus)
2. Barinova N. I., Krivokora Yu. N. Modern information technologies as a way to improve municipal management // *Kant*. 2017. N 4 (25). P. 155–158. (In rus)
3. Bezikonnaya E. V. Becoming a synergistic concept of local self-government in the context of government-paradigm // *Science and modernity [Nauka i sovremennost']*. 2011. N 8-2. P. 8–12. (In rus)
4. Vidyasova L. A., Chuzhunov A. V. Demand for portals of state and municipal services (on the example of St. Petersburg) // *Issues of state and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]*. 2017. N 2. P. 165–185. (In rus)
5. Grigoryev S. I., Guseva M. N. Information Technologies in Municipal Administration: Experience of Application on the Scale of the City District // *Scientists Notes of the Tambov Branch of ROSMU [Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU]*. 2018. N 10. P. 167–174. (In rus)
6. Kalinina A. E., Shevandrin A. V. Formation of electronic government elements in local self-government bodies of municipalities // *Power [Vlast']*. 2012. N 12. P. 17–21. (In rus)
7. Kuprina K. A., Hazanova D. L. Digitisation: concept, prerequisites of occurrence and scope of application // *Journal of scientific conferences [Vestnik nauchnykh konferentsii]*. 2016. N 5-5. P. 255–259. (In rus)
8. Logvinov K. V. Improving the Efficiency of Public Administration in Russia Based on the Introduction of the Concept of "Electronic Government" // *Journal of the Bryansk State Technical University [Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]*. 2016. N 5 (53). P. 230–237. (In rus)
9. Mankov V. S. Democratization of Local Self-Government and Electronic Government // *Journal of Moscow University. Economy [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ekonomika]*. 2012. N 6. P. 58–66. (In rus)
10. Moiseeva A. A. Conditions and consequences of the digitisation of modern society: socio-economic analysis // *Messenger of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science [Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya]*. 2017. N 39. P. 216–226. (In rus)
11. Savichev A. A. Local self-government in Russia: from electoral censorship to electronic democracy // *Monitoring enforcement [Monitoring pravoprimereniya]*. 2015. N 4 (17). P. 23–27. (In rus)
12. Sidorov A. A. Electronic Government: Increasing Public Participation in State Administration // *Public Administration. Electronic bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]*. 2017. N 62. P. 87–103. (In rus)
13. Simbagaev S., Lipatova L. N. Regional experience of e-government organization // *Russia: trends and prospects of development [Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya]*. 2019. N 14-2. P. 573–575. (In rus)
14. Smotritskaya I. I., Tchernykh S. I. Modern Trends of Digital Transformation of State Administration // *Journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta ekonomiki RAN]*. 2018. N 5. P. 22–36. (In rus)

15. Shamakhov V.A., Balashov A.I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet management system // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12. P. 6–15. (In rus)
16. Ali O., Shrestha A., Chatfield A., Murray P. Assessing information security risks in the cloud: A case study of Australian local government authorities. *Government Information Quarterly*. Vol. 37. Is. 1. 2020. P. 1–20.
17. Ardigó I.A. et al. Local government accountability mechanisms. *Transparency International*, 2019.
18. Arduini D. et al. The role of technology, organization and contextual factors in the development of e-Government services: An empirical analysis on Italian Local Public Administrations. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 27. 2013, P. 177–189.
19. Basu S. E-government and developing countries: An overview. *International review of Law, Computers & Technology*. Vol. 18. 2004. P. 109–132.
20. Berger J.B., Morten H., Schreiber T. Does local government staff perceive digital communication with citizens as improved service? *Government Information Quarterly* Vol. 33. Is. 2. 2016. P. 258–269.
21. Bonsón E., Torres L., Royo S., Flores F. Local e-government 2.0: Social media and corporate transparency in municipalities. *Government Information Quarterly*. Vol. 29 (2). 2012. P. 123–132.
22. Cegarra-Navarro J., Pachónb J.R., Cegarra J. L. E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities. *International Journal of Information Management*. Vol. 32. 2012. P. 469–478.
23. Falco E., Kleinhans R. Beyond technology: Identifying local government challenges for using digital platforms for citizen engagement. *International Journal of Information Management*. Vol. 40. 2018. P. 17–20.
24. Mallan K. Gateways to digital participation: The rhetorical function of local government websites. In Foth M., Mallan K., Hughes H., Dezuanni M. (Eds.) *Digital participation through social living labs: Valuing local knowledge, enhancing engagement*. Chandos Publishing, United Kingdom. 2018. P. 333–349.
25. Manoharan A.P., Ingrams A. Conceptualizing E-Government from Local Government Perspectives. *State and Local Government Review*. Vol. 50. N 1. 2018. P. 56–66.
26. Moon M.J. The Evolution of E-Government among Municipalities: Rhetoric or Reality? *Public Administration Review*. Vol. 62 (4). 2002. P. 424–433.
27. Omar A., Osmanaj A. The role of government regulations in the adoption of cloud computing: A case study of local government. *The International Journal of Technology Law and Practice*. Vol. 7. 2020. P. 1–20.
28. Pérez-Morotea R., Pontones-Rosaa C., Núñez-Chicharro M. The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 154. 2020. P. 1–14.
29. Porumbescu G.A. Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? *State and Local Government Review*. Vol. 47 (3). 2015. P. 205–213.
30. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4th ed. Simon and Schuster, 2010.
31. Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. Are government internet portals evolving towards more interaction, participation, and collaboration? Revisiting the rhetoric of e-government among municipalities. *Government Information Quarterly*. Vol. 29. 2012.
32. Streib G.D., Willoughby K.G. Local governments as e-governments: meeting the implementation challenge. *Public Administration Quarterly*. Vol. 29. N 1–2. 2005. P. 77–109.
33. Wirtz B.W. et al. E-government portal information performance and the role of local community interest. Empirical support for a model of citizen perceptions. *Public Administration Quarterly*. Vol. 40. N 1. 2016. P. 48–83.
34. World Bank. *The e-government handbook for developing countries: The e-government handbook for developing countries: a project of InfoDev and the Center for Democracy and Technology (English)*. InfoDev. Washington, DC : World Bank. 2002.

About the author:

Dariya O. Kutsenko, Graduate Student the Chair of State and Municipal administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); dkutsenko-17-01@edu.ru

Видеоигры: темпоральный анализ

Рецензия на книгу Christopher Hanson

«Game Time: Understanding Temporality in Video Games»

Карнаух В. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; karnauh_vk@mail.ru

Video Games: Temporal Analysis. Review of the Book of Christopher Hanson «Game Time: Understanding Temporality in Video Games»

Vladimir K. Karnauh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; karnauh_vk@mail.ru

Hanson C. Game Time: Understanding Temporality in Video Games. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2018. 296 p.

ISBN: 978-0-25-303286-7

В современном мире видеоигры получают все большее распространение. Они вошли в повседневную жизнь миллионов людей. Такие игры демонстрируют определенные

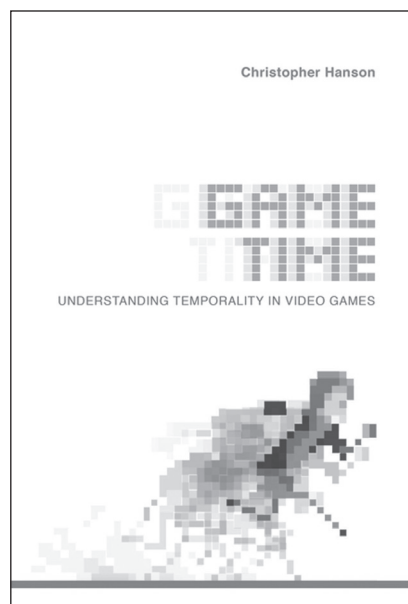
манеры поведения, которые стали частью нашего жизненного опыта. Поскольку игры вызывают новые, меняющиеся ощущения времени, их следует учитывать при оценке нашего восприятия времени в современной культуре.

Видеоигры, с одной стороны, способствуют развитию творческих способностей человека, а с другой — предоставляют возможность уйти из реального мира и погрузиться в мир виртуальный.

Видеоиграм посвящено немало работ, тем не менее новизна исследования Кристофера Хансона, специалиста в области разработки видеоигр и программного обеспечения, состоит в том, что он исследует видеоигры, исходя из категории времени.

К. Хансон утверждает, что механика времени в цифровых играх представляет новую модель для понимания времени в современной культуре, концепт которой он называет игровым временем.

С Хансоном можно согласиться в том, что в играх из нашего повседневного опыта созда-

ются новые темпоральные структуры, которые позволяют переживать время новыми, ранее недоступными нам способами.

Более того, в видеоигре игрок обретает свободу действий над временем, которую невозможно обрести в реальном мире. Видеоигры позволяют игрокам испытывать и манипулировать временем так, что это выходит за рамки возможностей в других средствах массовой информации.

В своей работе К. Хансон рассматривает не только цифровые, но и аналоговые настольные игры, а также телевидение, кино и спектакли, чтобы доказать коренное различие их темпоральных структур.

Важно подчеркнуть, что в играх имеют место новые режимы темпорального контроля, которые коренным образом изменяют наш опыт и понимание времени в современной культуре.

Автор справедливо подчеркивает двойственность игрового времени, включающего время игрока и время события, то есть время, затраченное на игровой мир.

Цифровые игры отличаются непосредственным участием в них игроков, интерсубъективностью, наличием обратной связи между действием игрока и результатом игры. Непосредственный характер игры усиливает наше прямое и постоянное взаимодействие с ней, и это участие поддерживает ее жизнеспособность.

Установив роль игрока в активации и оживлении игровой темпоральности, автор переходит к анализу систем, на основе которых действуют цифровые игры и определению того, как эти структуры формируют время игры. Благодаря возможностям приостановки и сохранения, в цифровых играх возникают новые режимы игры. Когда игрок достигает особенно сложной части цифровой игры или просто нуждается в отдыхе, он может приостановить ее. Причем, в отличие от тайм-аутов спортивной команды, число которых ограничено и рассчитано лишь на определенное время, игрок может остановить видеоигру в любое удобное для него время.

Хансон исследовал, как эволюционировала система контроля в видеоиграх. Первоначально контроль над видеоигрой был ограничен, о чем свидетельствует отсутствие паузы на ранних консолях. Функция паузы в системах домашних видеоигр появилась в конце 1970-х и начале 1980-х, а к середине 1980-х годов стала стандартной функцией, обычной чертой игровых приставок. Система Odyssey положила начало концепции центрального пульта управления, который подключался к телевизору и позволял играть в разные игры.

Хотя паузы знакомы игрокам, они усложняют ограниченность игрового процесса во времени, потенциально приостанавливая и увеличивая временную длительность игры на неопределенный срок. Пауза позволяет игроку манипулировать течением времени внутри игры.

Рассматривая модусы времени, Хансон справедливо отмечает, что, занимая центральное место в игре, игрок всегда ориентирован на будущее. В то же время у него постоянно возникают ассоциации, которые связывают настоящее с прошлым.

Приостановка и возобновление игры стали обычной практикой в современных видеоиграх, где мы наблюдаем эффекты своеобразного разветвления времени. Такой контроль над темпоральностью позволяет игроку регулировать развитие игры во времени.

В то же время, нельзя не согласиться с автором в том, что этот контроль дает игроку возможность испытать только видимость свободы, а очевидный контроль времени в игре фактически регулируется, ограничивается и в конечном итоге определяется структурами, на которых построена игра.

Хансон справедливо отмечает, что, если делается пауза в игре, то причинно-следственные связи в ней временно как бы замораживаются. Однако такие связи не статичны, как в приостановленной пленке. Причинность в игре имеет динамичный характер, так как игрок может совершить любое количество различных действий

при возобновлении игры. Это связано с тем, что теоретики игр описывают как пространство возможностей игры. Приостановка цифровой игры позволяет рассмотреть возможности этого пространства и исследовать различные способы возобновления игры.

Хотя пауза носит временный характер, признание ее влияния на игровое время и опыт игрока имеет жизненно важное значение для изучения и оценки способов сохранения и восстановления игры. Поэтому вполне можно согласиться с утверждением автора, что как пауза, так и сохранение, общие для многих цифровых игр, являются фундаментальными и решающими приемами игровой темпоральности.

Сохраненные игры позволяют игрокам вернуться в более ранние состояния в игре и, следовательно, усложняют временность и причинность. Такие игры создают ветвящиеся линии времени, которые весьма далеки от нашего собственного опыта линейного времени. Сохраненные игры предлагают игроку множество возможных вариантов будущего. В некотором смысле каждая сохраненная игра порождает временную линию ветвления времени, к которой игрок всегда может вернуться, создавая новые временные линии с этого момента. Если раньше игроки не всегда могли сыграть в сложную игру в один присест, то теперь перед ними возникла возможность завершить ее в несколько сессий.

Как утверждает Хансон, из-за приостановки и сохранения игры модус настоящего времени в опыте игрока возрастает. В отличие от времени человеческой жизни, игрок может свободно приостановить и возобновить время, чтобы лучше отработать события игры. Сохранение радикально изменило функцию времени в играх и произвело на игрока уникальное временное воздействие: возник континуум между прошлым, настоящим и многообразием потенциальных возможностей будущих событий в игре. Автор справедливо обращает внимание на то, что в сохраненной игре стираются четкие границы между прошлым, настоящим и будущим. Способность игрока манипулировать и контролировать время и, таким образом, доступ к альтернативным временам обеспечивают основное удовольствие, которое получают от цифровых игр.

Хансону удалось показать, что приостановка и сохранение в игре имеют некоторые фундаментальные характеристики и диалектически связаны друг с другом. Разграничивая и выделяя определенный момент в игровом процессе, оба они обозначают разрыв в игровой темпоральности. Приостановка игры прерывает ее дальнейший ход, блокирует все действия в игре, временно сохраняя текущее состояние. Сохранение в свою очередь удерживает большую часть или все состояния игры на конкретный момент времени и позволяет игроку вернуться к нему.

При остановке игры обещание будущего временно сохраняется, что весьма похоже на тайм-аут. Приостановка игры на мгновение останавливает игру с ожиданием того, что эта же игра будет возобновлена в ближайшее время. Напротив, сохранение игры создает нечто похожее на капсулу времени. При этом прошлое действие в игре может повлиять на множество возможных вариантов будущего всякий раз, когда мы восстанавливаем сохраненную игру.

В своей жизни человек физиологически или перцептивно не способен остановить время как в компьютерной игре. Человек не может сохранить свое психическое и физическое состояние на определенное время и вернуться в это время, чтобы пережить его с этого момента, двигаясь в будущее. Но пока время остановлено в сохраненных играх, игроки все еще находятся в игре. Поскольку по команде они могут возобновить игру, то, по утверждению Хансона, они находятся в приостановленной анимации.

Сохраненная игра может быть восстановлена множество раз, что позволяет игроку продолжать возвращаться к тому же моменту во времени игры и воспроизводить с этого момента ее ход несколько раз. Таким образом, игрок может по-

пробовать разные стратегии и получить совершенно различные результаты, основанные на игре. Чтобы выйти из тупика, в котором оказался игрок, не зная как поступить, он может сохранить свою игру и попробовать возобновить игру потенциально бесконечное количество раз, чтобы преодолеть возникшее препятствие. После экспериментов и поиска работоспособной стратегии игрок может продолжить восстановление этой сохраненной игры, чтобы улучшить свой подход.

Подводя итог, следует отметить, что работа К. Хансона представляет одно из наиболее полных исследований видеоигр, исходя из категории времени. Это открыло ему возможность достичь в своем исследовании более высокого уровня обобщения, чем в работах других авторов. Книга К. Хансона представляет несомненный интерес и будет полезна для всех, кто занимается исследованием видеоигр, их темпоральных структур.

Об авторе:

Карнаух Владимир Кузьмич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; karnauh_vk@mail.ru

About the author:

Vladimir K. Karnauh, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of NorthWest institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; karnauh_vk@mail.ru

Рецензия на сборник статей «Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски»

*Межевич Н. М. *, Сеник Н. М.*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

Review of the Collection of Articles “Migration management and migration policy models: opportunities and risks”

Nikolai M. Mezhevich, Nikita M. Senik*

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *mez13@mail.ru

Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски: [сб. статей] / [отв. ред. Ал. А. Громыко]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т лингвоцивилизационных и миграционных процессов при фонде «Русский мир». — М. : ИЕ РАН, 2020. — 188 с.

Представляемая книга — сборник публикаций материалов состоявшейся 17 декабря 2019 г. международной конференции «Глобальное и региональное измерение миграционных процессов», организованной Институтом лингвоцивилизационных и миграционных процессов (ИЛМП) фонда «Русский мир» при поддержке Института Европы РАН.

Рассматриваемый сборник статей можно условно разделить на три блока:

- статьи российских авторов, общая дискуссия которых развивается вокруг Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (в дальнейшем — Глобальный договор), к которому РФ присоединилась в декабре 2018 г.;
- статьи как российских, так и иностранных исследователей, рассматривающие общеевропейскую миграционную политику в качестве глобального регулятора международной миграции;
- статьи российских и иностранных авторов, анализирующие проблемы и практику регулирования миграционных процессов отдельных стран европейского региона (Германия и Италия).

Все статьи сборника в той или иной степени затрагивают общие темы: взаимосвязь миграции и безопасности, противодействие нелегальной иммиграции и торговле людьми, сотрудничество со странами исхода мигрантов, миграционные аспекты региональных кризисов. Особое внимание сборник акцентирует на дуалистической взаимосвязи проблем международного терроризма, с одной стороны, и ксенофобии, расизма и нетерпимости в отношении мигрантов — с другой.

Авторы первого выделенного нами блока уделили значительное внимание анализу недавних новаций в сфере российского миграционного законодательства.

Так, Т.А. Локаткина в статье «Глобальное и региональное измерение миграционных процессов» анализирует Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденную Президентом РФ в октябре 2018 года, а также перспективы применения одобренной Президентом РФ концепции введения в РФ с 1 января 2021 г. единой электронной визы. Автор отмечает те сложности, которые предстоит преодолеть Российской Федерации на пути совершенствования госрегулирования в сфере миграции, в частности, избыточную репрессивность миграционного законодательства, неэффективность мер по борьбе с нарушителями миграционного режима, введение бесчисленных «упрощенных порядков» и «особых условий», усложняющих систему управления и контроля, создающих почву для коррупции.

Высокая степень подвижности миграционного законодательства РФ за последние годы была отмечена в статье В.Ю. Зорина «Формирование и институализация государственной миграционной политики в современный период». Автор отмечает, что изменения, касающиеся регулирования пребывания мигрантов на территории РФ, были внесены в целый ряд федеральных законов, а именно: в Трудовой кодекс Российской Федерации (глава 50 «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами и лицами без гражданства»), законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О гражданстве Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «О беженцах», «О Государственной границе Российской Федерации». Указанные изменения были призваны обеспечить успешную социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, улучшить кооперацию между действиями МВД, ФАДН, экономическими и гуманитарными организациями. Автор отдельно отмечает, что российский опыт и позитивные практики управленческих решений в области миграционных отношений могут быть полезны международным институтам, особенно в условиях возрастающей турбулентности в мире.

Подтверждая вышеуказанный тезис В.Ю. Зорина, Ю.А. Колесников в своей статье «Глобальное управление миграцией: утопия или необходимость?» отмечает конструктивную роль, которую сыграла Российская Федерация при заключении Глобального договора, обеспечив при поддержке ряда стран добровольность его выполнения, не допустив принятия ряда формулировок и мер, могущих вместо урегулирования миграционного кризиса привести к его усложнению.

Озабоченность Зорина вопросами кооперации между различными российскими государственными органами нашла также свое отражение в статье О.С. Чудиновских «К вопросу о статистическом обеспечении исследований миграции и миграционной политики в России», в которой автор, подробно анализируя деятельность Росстата и МВД, приходит к выводу о несогласованности в статистической деятельности указанных ведомств, что негативно влияет на качество статистической информации, предоставляемой пользователям и используемой в том числе с целью корректировки государственной миграционной политики.

Блок статей, рассматривающих общеевропейскую миграционную политику, обращает нас к опыту Евросоюза, предлагающий на наднациональном уровне «максимизировать» положительные аспекты миграции и «минимизировать» издержки, связанные с интеграцией мигрантов (А.А. Орлов «Особенности современных миграционных процессов в Европе: тенденции, накопленный опыт, перспективы»).

Л.С. Биссон («Реализация концепции «цивильного гражданства» в миграционной политике Европейского союза») отмечает в целом положительный опыт распределения полномочий в регулировании миграции между национальным и наднациональными уровнями в ЕС.

Т. А. Васильева в своей статье «Преступления солидарности — неизбежное следствие борьбы с незаконной миграцией» рассматривает юридические сложности и моральные дилеммы, которые встают перед европейским сообществом в попытке разобраться, что является милосердием к беженцам, а что — нарушением миграционного законодательства, в то время как J. Zwaan (Legal migration at the level of the European Union) видит корень проблемы нелегальной миграции в дисбалансе между национальным и наднациональным уровнями регулирования.

Среди статей, рассматривающих национальный опыт в регулировании миграционных процессов, следует отметить в первую очередь работу H. D. Loeffholz «Immigration and Integration of Asylum Seekers and Refugees in Germany and the EU», которая, отличаясь глубоким анализом и статистической обоснованностью, исследует богатейший опыт немецкого правительства по интеграции мигрантов.

Работы Е. С. Алексеенкова, U. Melchionda и A. Marcher, посвященные отдельным вопросам интеграции мигрантов в Италии, иллюстрируют многообразие подходов к решению миграционных проблем на региональном уровне.

В заключение можно сказать, что исследования, публикуемые в рассматриваемом сборнике, позволяют, с одной стороны, подвести итоги миграционных процессов последних десятилетий, с другой — обозначить перспективы миграционного развития как отдельных регионов, так и мирового сообщества в целом.

Высокие научные стандарты, глубина анализа и статистическая обоснованность позволяют рекомендовать данную книгу студентам, преподавателям и экспертам, интересующимся проблемами региональной экономики и вопросами регулирования миграционных процессов.

* * *

Представляемая работа находится в открытом доступе на сайте Института Европы РАН (<http://www.instituteofeurope.ru/publications/monografii/item/sbornik-%C2%ABupravlenie-migraciej-i-modeli-migracionnoj-politiki-vozmozhnosti-i-riski%C2%BB>).

Об авторах:

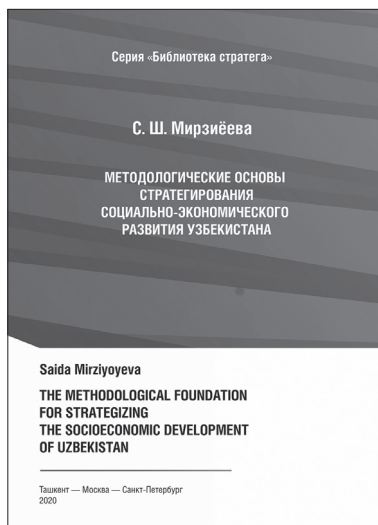
Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mez13@mail.ru

Сеник Никита Михайлович, бакалавр регионоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); seniknik@ya.ru

About the authors:

Nikolai M. Mezhevich, Doctor of Science (Economics), Professor of Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); mez13@mail.ru

Nikita M. Senik, bachelor of regional studies, Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); seniknik@ya.ru

Мирзиёева С. Ш. Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана : монография. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 184 с. — (Серия «Библиотека стратега»).

ISBN 978-5-89781-672-9

В издательстве Северо-Западного института управления РАНХиГС вышла в свет очередная книга серии «Библиотека стратега» — монография

С. Ш. Мирзиёевой «Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана».

В монографии рассмотрены теоретико-методологические и прикладные аспекты формирования и реализации национальных стратегий на примере стратегирования социально-экономического развития современного Узбекистана. Выполнен сравнительный анализ особенностей разработки национальных стратегий в странах с развитыми и формирующимися рынками. Обоснован методологический подход к выявлению глобальных долгосрочных тенденций для учета их в государственных стратегиях на примере научно-технологических трендов. Обоснована стратегическая приоритетность отраслей в структуре экономики Республики Узбекистан.

В книге анализируется опыт, предлагаются методология и некоторые обоснованные практические рекомендации по реализации стратегических приоритетов экономического и социального развития Узбекистана как на национальном, так и на региональном уровнях.

Исследования, отраженные в данной монографии, в основном выполнены на основе дальнейшего развития методологии В. Квинта.

Данная монография является целостной работой, направленной на создание методологии стратегирования долгосрочного развития страны, ориентированного на реализацию истинных ценностей и интересов населения на основе воплощения обоснованных и системно обеспеченных всеми видами ресурсов приоритетов. В силу этого книга является актуальной, научно и практически востребованной широким кругом читателей.

Издание будет интересно для научных работников, практиков, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для государственных, региональных и хозяйственных руководителей, менеджеров, участвующих в разработке и принятии стратегических решений.

Саида Шавкатовна Мирзиёева — научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, самостоятельный соискатель Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан. Победитель III международного конкурса «Инновационные стратегии развития», проведенного ЦСИ ИМИСС МГУ им. М. В. Ломоносова, СЗИУ РАНХиГС и Шанхайским университетом (Китай).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 6(138)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.06.2020.

Подписано к печати 15.06.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,84. Тираж 200 экз.

Заказ № 6/20.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97